

Yaderny Kontrol #30-31

June-July, 1997

Summary

In the opinion of Lev Rokhlin, Chairman of the State Duma Defense Committee, the framework elements of the START-3 agreement must be examined in parallel with the ratification of START-2 or before the ratification thereof. The resolution of all negative aspects of START-2 must be incorporated into START-3. Strategic Nuclear Forces account for approximately 5-7% of the cost of the armed forces, and the issue of their future therefore needs to be seriously addressed. Based on current conditions, one can predict that by the year 2009 Russia will have ceased to be a nuclear power. Closed hearings will therefore be held in September with the participation of representatives of the Ministry of Defense, the Attorney General's Office, the intelligence agencies and so forth, at which the current state of Strategic Nuclear Forces will be discussed, as well as what needs to be done in order to keep these forces ready for combat, to extend the safeguard periods as long as possible and to continue with R & D on new systems. Also addressed will be such issues as what kinds of systems there should be, whether or not they are satisfactory, in terms of parameters, to replace currently existing systems, what needs to be done to activate the industry and what kind of financing it will require in order to produce new weapons systems. On this basis, one can consider the issue of the conditions on which START-2 may be ratified and the parameters which should be observed within the framework thereof.

Defense Committee Deputy Chairman Alexei Arbatov maintains that despite the generally positive content of the Helsinki Accords, a number of negative and disputed points remain. For example, removing one thousand warheads over the course of a year from missiles designated for subsequent destruction is too fast and too expensive. Moreover, the question arises as to security and integrity during transport and storage. In his opinion, one can find other paths towards deactivation, ones which are not necessarily accompanied by unscrewing warheads but which would be reliable and verifiable. In addition, the customary asymmetry remains in warhead reductions in Russia and the United States — reduction in Russia will be carried out by way of destroying missiles, but in the United States it will be by way of downscaling missile payload — i.e., reducing the number of warheads on the missiles. This would be the right approach if, over the course of one or two years, the missiles earmarked for destruction were deactivated while at the same time the number of warheads were reduced on those missiles designated for that procedure. In such a case, all land-based missiles subject to destruction would be covered: all missiles with detachable warheads plus the 105 SS-19 missiles that are to have their warheads reduced from 6 to 1. On the American side, this would cover not only the 50 MX Peacekeeper missiles, as is the case under the present arrangement, but also all of the Minuteman-3 missiles which are to go from 3 warheads to 1 and all of the Trident-2 missiles which are to go from 8 warheads to 5. Then, over the course of two years, we would reach an equal level of warheads, both those that have been removed and those remaining in military units.

Sergei Kortunov, Security Council Staff Deputy Head, discusses the future of the ABM Treaty. In his opinion, there are certain ambiguities even in the Helsinki Protocol on the ABM Treaty. On the one hand, the ABM Treaty is characterized as the "cornerstone of strategic stability". On the other hand, insofar as the most critical parameters determining the fate of this Treaty are concerned — specifically, the scale and the nature of deployment of non-strategic ABM systems, restrictions on testing and on the speed of both anti-missiles and targets, basing options, etc. — the Protocol speaks not of obligations but of "plans". The issue of space-based sensors is avoided — and it is a known fact that they are capable of performing ABM radar functions and would therefore fall under the prohibition of the ABM Treaty. Judging from the text, the possibility is not precluded that non-strategic ABM systems could be tested against ballistic missiles with detachable warheads and individual guidance systems. Mention is made only of the lack of plans for testing against those missiles which are "deployed or intended to be deployed on strategic ballistic missiles". The essence of the ABM Treaty, in the author's opinion, lies in the fact that it has restricted ABM systems to a number of anti-missiles that is purely symbolic and has basically created a situation in which both sides have remained open to counter-strike. Yet the Treaty prescribes that national security be based upon the certainty of eliminating a probable enemy, as if the actual goal were to eliminate rather than to avoid one's own elimination. Thus, the Treaty has expressed the parties' readiness to legitimize a situation of reciprocal nuclear containment through the threat of guaranteed destruction of the aggressor in a counter-strike, in accordance with the rigorous rules of conduct of that time. Thence it follows that in actuality, what needs to be discussed is not the ABM Treaty but rather the situation of reciprocal nuclear containment.

Vitaliy Tsymbal from the State Center for Military and Technical Expert Examination of the Double-Purpose Projects and Programmes speaks of the ever-expanding role of so-called smart weapons. The smart weapons of destruction currently being made are becoming more like nuclear weapons in terms of their combat capabilities, in that they can act as both means of aggression and means of containment. Given these circumstances, we can no longer regard strategic stability as being strictly a function of nuclear weapons, even in relations between superpowers. The overall (nuclear and non-nuclear) potential for aggression must be taken into account, as well as nuclear and non-nuclear counter-strike potential, and it is important to ensure that strategic stability is maintained in the contemporary world. One obvious consequence of this fact will continue to be the concern expressed by the world community in relation to the fact that new and dangerous non-nuclear strategic weapons are being developed and are proliferating, and its preoccupation with how to organize international monitoring of these processes.

A lengthy section of the issue is dedicated to problems relating to accounting, control and physical protection of nuclear materials. The Round Table participants spoke out on this issue — Yuri Volodin (Gosatomnadzor), Alexander Rumiantsev (Kurchatov Institute), Gennadiy Pshakin (Institute for Physics and Power Engineering, Obninsk) and Valentin Zakharov (Research Institute of Automatics - VNIIA). We also publish materials about customs — that is, new methods used in the work of customs authorities and the problems faced by the Urals Branch of the State Customs Committee.

The General Director of the Atomic Energy Agency of the Republic of Kazakhstan, Timur Zhantikin, and the Minister of Science and Technology of the Republic of Kazakhstan and President of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Vladimir Shkolnik, speak about the state system for control over nuclear materials in the Republic of Kazakhstan. During the time that has elapsed since accession to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, new systems for state control over nuclear materials have been installed in Kazakhstan. The immediate goal is to create a sound legislative base in the country for regulating atomic energy usage and an infrastructure of state bodies for oversight and control over all types of nuclear activities on the territory of the republic.

The work of the "Eleron" Company, a leading enterprise in the creation of a physical protection system in Russia, is described by its General Director Evgeniy Mishin. He maintains that the publications which describe dangerously poor storage practices for nuclear materials in the navy are justified. In his opinion, the navy does not have the means to create an effective system of physical protection. In this connection, "Eleron" is now working together with the Kurchatov Institute to design physical protection systems which are to be used in the navy. Mr. Mishin also touches upon the problems faced by "Eleron". While the company has good-quality sensors, systems and perimeter units for all facilities, staff accounting and control, control over the calling up of nuclear materials, metal and staff on the territory of a site, and good locks and locking devices which are extremely important, there is a lack of special equipment for stopping cars at control / check points and not allowing them access in the event of break-ins, as well as of good television systems. One cannot exclude the possibility that if theft of fissile materials actually occurs, it could be the work of experts with the knowledge of how to make a nuclear device. Hence the particular attention should be given to improving the system for physical protection. In this regard, says Mr. Mishin, there have been no instances of scouting around for or attempting to learn sensitive information concerning security equipment or security alarm systems on the part of the agencies cooperating with Minatom.

ИНФОРМАЦИЯ

Ядерный Контроль

Обозрение по проблемам оружия массового уничтожения в России и новых независимых государствах

Россия, 117454, Москва, А/я 17.
(095) 335-1955 тел./факс
факс (7-503) 234-9558
E-mail:<nuclear@pircenter.org>
Internet: <http://www.pircenter.org>

Выходит 1 раз в месяц
№ 30-31

Июнь-Июль 1997 года

Владимир А.Орлов, редактор
Мария Кацва,
заместитель редактора

Издание осуществлено благодаря поддержке АО "Техснабэкспорт", Фонда Алтона Джонса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуров, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований и др.

Материалы "Ядерного Контроля" не могут быть воспроизведены полностью, либо частично, в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения издателя.

Публикуемые в журнале материалы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов.

Издатель:
Центр ПИР

Распространяется в Москве, Киеве, Минске, Алма-Ате, Ташкенте, Душанбе, Тбилиси, Таллине, Ереване, Вильнюсе, Риге, Бишкеке, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Челябинске, Дубне, Заречном, Электростали, Северодвинске, Ярославле, Подольске, Озерске, Новосибирске, Красноярске, Сарове, Обнинске, Днепропетровске, Снежинске, Новоуральске, Железногорске, Свердловске, Монтерее, Лондоне, Атланте, Вашингтоне, Кембридже, Принстоне, Франкфурте, Токио, Вене, Стокгольме, Нью-Йорке, Женеве, Сан-Франциско.

Номер подписан в печать 30.06.97.
Тираж 990 экз.

Электронная версия журнала:
<http://www.pircenter.org>

Нераспространение Ядерная стратегия

Экспортный контроль Ядерная безопасность

Физическая защита, учет и контроль ядерных материалов

Ракеты и ракетные технологии

Россия

27 мая в Париже президент Ельцин объявил во время церемонии подписания договора со странами НАТО, что "снимаются все боеголовки", нацеленные на страны альянса.

По мнению пресс-секретаря президента Сергея Ястржембского, "президент имел в виду, что боеголовки не будут нацелены на государства, которые сегодня подписали соглашение. Далее возможна ситуация, когда боеголовки будут демонтированы". По словам министра иностранных дел Евгения Примакова, в этом направлении Москва будет действовать в два этапа. На первом предусмотрено введение программы нулевого полетного задания, на втором - при необходимости с ракет будут сняты ядерные боеголовки, но только на условиях взаимности и лишь после переговоров, инициатором которых Россия может выступить в любой момент.

Пресс-служба Минобороны сообщила, что заявление президента означает обеспечение различными способами и методами снятия с боевого дежурства любых видов ракетно-ядерных средств, которые могли бы быть нацелены на государства - члены НАТО. Такие способы и методы включают в себя как мероприятия по ненацеливанию, так и отстыковку головных частей. При этом несение повседневного дежурства организуется только в интересах осуществления эксплуатации таких средств и обеспечения ядерной безопасности. Таким образом, российские ядерные средства в соответствии с объявленной инициативой президента не несут боевого дежурства против стран НАТО. *Известия* утверждают, что это сообщение готовили не военные, а чиновники администрации президента. И для "убедительности" распространили его через армейскую пресс-службу. По мнению МИДа, речь шла исключительно о мерах доверия, защиты и укрепления стабильности, которые могут обеспечиваться как обнулением полетных заданий, так и отстыковкой головных частей.

Между тем, стратегические ракетчики продолжают нести боевое дежурство. Этим ежедневно заняты 12 тысяч офицеров,

прапорщиков, сержантов и солдат, это четыре ракетные армии (в Оренбурге, Владимире, Омске и Чите), 19 ракетных дивизий, на вооружении которых 756 пусковых установок ракет РС-20 "Сатана" (180 единиц), РС-22 "Скальпель" (190 штук, включая 36 ракет на железнодорожных ракетных комплексах), а также 386 подвижных мобильных комплексов РС-12М "Тополь". На всех этих ракетах размещено 3535 ядерных боеголовок, которые пока никто не снимал. Задачами боевого дежурства является не нацеливание ракет на ту или иную страну, а оперативное реагирование на тех неисправности, которые могут возникнуть на технике, выполнение поставленной боевой задачи в случае прохождения определенной команды и проведение необходимых мероприятий при переводе ракетных сил в высшую степень боевой готовности.

Под переводом РВСН в высшую степень боевой готовности надо понимать проведение некоторых операций после того, как в ракетные комплексы будут введены полетные задания, то есть координаты целей и связанные с полетом по заданной траектории необходимые поправки. Эту сложную математическую программу знают всего несколько человек в Генеральном штабе. Управление ракетными комплексами также идет через Генштаб, Центральный командный пункт во Власихе Московской области и ряд вспомогательных пунктов управления. Запустить ракету, разблокировать "замки", которые препятствуют ее старту, может только президент с помощью своего "ядерного чемоданчика", введя специальный код. Но в этой операции непременно должны участвовать министр обороны и начальник Генерального штаба. Ракетчики уверяют, что у них имеется достаточно большой спектр возможностей для выполнения любого приказа президента. Но снять в одночасье с боевого дежурства какое-либо количество боеголовок практически очень сложно.

Тем более, что боеголовки без ракет и так никогда не нацелены. Вскоре из Парижа последовали разъяснения, что "снимать" будут только полетные задания, а не сами

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 15

ГОРЯЧАЯ ТЕМА

ЭКСКЛЮЗИВ

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И ДОГОВОР ПО ПРО

ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО

После окончания холодной войны и в особенности после распада СССР руководители России и США в своих отношениях провозгласили начало эпохи партнерства. Многие события начала 90-х годов давали определенные основания для того, чтобы всерьез на это надеяться. Некоторые шаги России и США действительно соответствовали духу сделанных тогда политических деклараций о партнерстве. Речь идет о подписании ряда важных двусторонних соглашений в вопросах безопасности и разоружения, американской помощи в области уничтожения ядерного и химического оружия по программе Нанна-Лугара, начале двустороннего взаимодействия по таким чувствительным вопросам как конверсия и экспортный контроль, наконец, начале переговоров о глобальной системе защиты.

Однако уже к середине 90-х годов выяснилось, что провозглащенное партнерство в основном не пошло дальше политических деклараций. Большинство заключенных соглашений в области контроля над вооружениями так и не вступило в силу; многие из них не были даже ратифицированы. Американская помощь России в области разоружения оказалась недостаточной. Взаимодействие в области конверсии по существу захлебнулось, а в области экспортного контроля - продвигается со скрипом. Не началось реального военно-технического сотрудничества между Россией и США. Наконец, переговоры о Глобальной системе защиты, дающие реальный шанс на подлинное партнерство, были прерваны США и с тех пор не возобновлялись.

Еще важнее то, что Россия за эти годы не стала частью ни военных, ни политических, ни экономических институтов Запада, в которых США занимают лидирующую роль. Планируемое расширение НАТО, которое Москва однозначно связывает с военно-политическими амбициями США, выявившиеся разногласия сторон в вопросах реинтеграции постсоветского пространства, противоречия по вопросам урегулирования в БиГ, других конфликтных ситуаций и международных кризисов и иные возникшие проблемы - все это показало, что ожидания политических элит обеих стран начала 90-х годов оказались преждевременными и что о реальном партнерстве в российско-американских отношениях говорить пока рано.

Данный, далекий от политического оптимизма вывод, весьма красноречиво подтверждает и ситуация, сложившаяся вокруг Договора по ПРО, которая грозит в ближайшие годы стать одним из основных раздражителей российско-американских отношений.

Республиканский Конгресс взял прямой курс на взлом Договора. Причем его "правое крыло" призывает США в одностороннем порядке и незамедлительно выйти из него и приступить к форсированному строительству и последующему развертыванию систем ПРО, по существу не обращая внимание на негативную реакцию России и ряда

Сергей Кортунов
кандидат исторических наук

других стран. "Умеренные" республиканцы же мерены предложить России провести переговоры (вне ПКК) о пересмотре Договора по ПРО или, по крайней мере, замене его Протокола 1974 г. (разрешающего каждой из сторон иметь по одному району ПРО) на другой протокол, который разрешал бы иметь до 5-6 позиционных районов ПРО с 500-600 перехватчиками соответственно; и выйти из Договора лишь в том случае, если Россия от этого откажется. Однако и те, и другие решительно настроены на пересмотр Договора.

Бывший претендент на пост президента США от республиканской партии Роберт Доул, заявляет, что Договор не должен создавать какие-либо преграды на пути реализации программ ПРО, поскольку является "пережитком эпохи холодной войны" и его соблюдение "нельзя превращать в краеугольный камень политики США в области национальной безопасности". Он аргументирует свои требования необходимостью "защиты Америки от ракетной грозы со стороны враждебных государств с авторитарными режимами".

В специальной статье по этому вопросу Доул обращает внимание на то, что для стран "третьего мира" усилия дипломатов не являются непреодолимой преградой на пути обладания оружием массового поражения и средствами его доставки, а только способствуют увеличению финансовых расходов, времени и технического риска, связанных с их приобретением. В этой связи он рекомендует заблаговременно (до возникновения возможной угрозы) приступить к реализации программ ПРО и внести изменения в Договор по ПРО, соблюдение которого "оставляет американский народ уязвимым со стороны любой страны, способной разработать или приобрести ракету большого радиуса действия".

По мнению Роберта Доула, самое важное заключается в том, что "военный бюджет определяет политическую линию США, направленную на продолжение усилий по развертыванию к 2003 г. перехватчиков наземного базирования на множественных позициях, стационарных наземных РЛС, а также датчиков космического базирования, необходимых для обеспечения обороны территории Соединенных Штатов Америки". Доул призывает приступить к созданию и развертыванию до 2003 г. системы обороны национальной ПРО США на основе противоракетных комплексов дальнего перехвата типа ГБИ, противоракетных комплексов зональной обороны типа ТХААД (The Washington Times, September 5, 1995), а также средств космического обнаружения и наведения Бриллиант Айз. Практически это означало бы возврат США к существовавшим до 1992 г. планам развертывания к 2003 г. системы ПРО на основе программы ГЗОУ (глобальная защита от ограниченных ударов) без космических средств поражения (примерно 700 наземных противоракет типа ГБИ и ТХААД в 7 позиционных районах).

С точки зрения многих как российских, так и американских специалистов (в том числе ЦРУ и РУМО), в настоящее время реальная угроза США со стороны баллистических ракет

третих стран отсутствует. Конечно, в случае ослабления международного контроля, в Ираке после 2000 г. возможно возобновление работ по производству созданной в середине 80-х гг. жидкостной трехступенчатой баллистической ракеты "Таммуз-1", а в Северной Корее - завершение разработки и принятие на вооружение в 2010-2015 гг. двухступенчатой жидкостной БР "Тэлодон-2", способных достичь территории США. (В худшем варианте: баллистическая ракета "Таммуз-1" будет иметь дальность полета до 6000 км. Первая ступень этой ракеты представляет собой связку из пяти ракет "Скад", второй ступенью является ракета "Скад", а третьей ступенью - ракета "Скад" с укороченным на 3,5 м топливным баком. Ракета будет оснащена моноблочной головной частью массой 500 кг с обычным, химическим или ядерным (мощность до 20 кт) боезарядом. Ракета "Тэлодон-2" может иметь дальность полета в пределах 4500-5000 км. По-видимому, данная ракета будет оснащена ядерными РГЧ забрасываемым весом 600 кг. В Ираке имеются запасы отравляющих веществ нервно-паралитического и кожно-нарывного действия и биологического оружия (спор чумы, холеры, сибирской язвы и др.), а в Северной Корее - запасы химического оружия. Оснащение ракет "Таммуз-1" и "Тэлодон-2" головными частями с химическим или биологическим оружием технически возможно, так же как и ядерными боезарядами в случае их создания). Это действительно является угрозой для США, а также - для их союзников и американских войск за рубежом.

Вместе с тем форсирование работ США в области ПРО трудно оправдать появлением в отдельных странах "третьего мира" баллистических ракет большой дальности, так как принятие их на вооружение возможно лишь в 2010-2015 гг. Кроме того, химические отравляющие вещества и биологическое оружие могут быть доставлены диверсионными и террористическими группами практически в любую точку земного шара. Поэтому реальные возможности системы ПРО США объективно в большей степени повлияют на потенциал сдерживания России, что способно привести к подрыву стратегической стабильности.

Представление о взглядах правого крыла в американских политических кругах может дать т.н. "Доклад группы Г.Купера", который бывший глава американской делегации на переговорах по космическим вооружениям подготовил совместно с рядом других экспертов США и направил в Конгресс США. В нем обосновывается целесообразность активизации деятельности США по созданию эффективных средств ПРО. При этом основное внимание акцентируется на том, что главным препятствием на этом пути является Договор по ПРО 1972 года, который, как считает Г.Купер, устарел и не отвечает больше интересам Соединенных Штатов.

В докладе рекомендуется создание глобальной обороны против баллистических ракет по мере появления технических возможностей для этого - первоначально на море, а затем в космосе, причем самым быстрым по времени и с политической точки зрения оправданным называется вариант создания ПРО морского базирования (развертывание первой системы может быть достигнуто через три года при затратах около 1 млрд.долларов. Не позднее 2001 года можно ожидать развертывания 650 противоракет на 22 кораблях при общей стоимости работ в объеме 2-3 млрд.долларов); завершение работ по созданию спутниковой системы "Бриллиант Айз" для обнаружения запусков БР и их сопровождения в полете (начало развертывания этой системы в 1999 году, а ее оперативного использования - не позднее 2001 года (стоимость работ 4-5 млрд.долларов); возобновление работ по программам создания активных средств ПРО космического базирования. При этом системы оружия кинетического действия и лазерные установки считаются доступными с точки зрения уровня развития технологий и финансовых затрат. Общая стоимость развертывания совмещенной (оружие кинетического действия и лазерная установка) спутниковой боевой станции в следующем десятилетии (при эффективном финансировании) может быть, по мнению авторов доклада, менее 20 млрд.долларов.

Группа Г.Купера призывает администрацию воздерживаться в переговорах с Россией по вопросам ПРО от принятия каких-либо обязательств, которые могли бы ограничить американские возможности в области разработки и развертывания противоракетных систем, предпринять все усилия для того, чтобы избежать ситуации, когда Россия могла бы использовать Договор по ПРО 1972 года в качестве инструмента, запрещающего реализацию американских программ ПРО. При этом необходимо создать условия для сотрудничества в области ПРО со своими союзниками и Россией, используя тезис о глобальной баллистической угрозе всем странам со стороны отдельных государств с нестабильными режимами, а Конгрессу США - разработать новый законодательный документ на замену "Закона о противоракетной обороне 1991 года", который более четко и ясно определял бы подходы США к обеспечению национальной безопасности в области ПРО в условиях новой военно-стратегической обстановки.

Доклад обосновывает целесообразность принятия политического решения о выходе из Договора по ПРО, как несоответствующего реалиям нынешнего многополюсного мира, и необходимость проведения активных пропагандистских и дипломатических мероприятий, направленных на обеспечение создания системы глобальной защиты территории США и их союзников, а также американских войск (сил) в передовых районах от воздействия баллистических ракет.

Конечно, "группа Купера" в настоящий момент не определяет политику администрации США в этом вопросе. Справедливости ради следует отметить, что президенту Клинтону пока удается сдерживать приверженцев создания стратегической ПРО. Но, видимо, администрация все-таки будет вынуждена пойти на некоторые подвижки в данном вопросе. К этому ее подталкивают те обстоятельства, что США зашли весьма далеко в разработке концептуальных и технологических основ стратегической ПРО и общая сумма ассигнований, предусмотренных в военном бюджете 1997 года на цели противоракетной обороны (3,5 млрд. долларов), включает затраты на развитие стратегической ПРО.

Вопрос о возможном военно-техническом взаимодействии США с Россией в реализации проектов противоракетной обороны американцы обходят молчанием, что свидетельствует об их нежелании допустить Российскую Федерацию к участию в перспективных высокотехнологических разработках.

В практическом плане США продолжают самостоятельную разработку системы противоракетной обороны, способной эффективно защитить территорию страны и американские войска за ее пределами от ракет средней дальности в случае нанесения ограниченного ядерного удара (до двухсот боеголовок). На эти цели в 1995-1999 гг. предполагается израсходовать 39 млрд.долларов.

Задачи ПРО будут решены, по мнению американских специалистов, на основе развертывания двухкомпонентной системы ПРО ТВД, которой отдается приоритет (75% финансирования). По их оценке, подобный подход сможет обеспечить эффективную защиту как континентальной части США, так и американских войск в зонах конфликтов.

Строительство американцами высокоэффективной эшелонированной противоракетной обороны планируется осуществить в несколько этапов. На первом из них предполагается создание ПРО театра военных действий (ТВД). США планируют модернизировать уже имеющиеся элементы ПРО ТВД наземного и морского базирования. Эти системы будут оперативно доставляться в районы кризисов или находиться в боевой готовности в местах дислокации американских баз за рубежом.

Главной частью ПРО ТВД является двухуровневая высотная оборонительная система TNAAD. Верхний эшелон обеспечивает защиту от тактических баллистических ракет

на больших высотах вне атмосферы, либо в ее верхних слоях (свыше 100 км). Первичное обнаружение ракет противника осуществляется сенсорной аппаратурой раннего предупреждения, расположенной на самолетах или спутниках. По ее сигналу THAAD осуществляет запуск ракеты-перехватчика. В случае неудачи перехвата выдается команда на уничтожение до передачи нижнему эшелону. Этот эшелон будет представлен усовершенствованным зенитно-ракетным комплексом "Пэтриот-3" с новой ракетой "Эринт", уничтожающей боеголовки на расстоянии до 200 км. В настоящее время проводятся ее испытания.

Развитие морского компонента ПРО ТВД, сопоставимого по характеристикам с наземным комплексом, осуществляется на базе системы ПВО "Иджис". В соответствии с данной программой разрабатываются два корабельных комплекса ПРО для уничтожения целей в атмосфере. В 1997 году на них предполагается израсходовать около 200 млн. долларов. Руководство ВМС отстаивает необходимость изучения возможности перехвата ракет на начальном участке траектории полета самолетами морской авиации, выдвигаемыми в зоны боевых действий. Предполагается оснастить кинетическими боеголовками ракеты класса "воздух-воздух" "Феникс", а в качестве носителя использовать палубные истребители F-14D. Сроки боевого развертывания системы будут определяться только мобильностью авианосных соединений.

Кроме того Пентагон рассматривает вопрос о модернизации авиационных ракет ближнего радиуса действия (SRAM), устанавливаемых на истребителях F-15. SRAM будут оснащены головными частями кинетического действия и предназначены прежде всего для уничтожения на начальном этапе полета ракет, подобных российским СКАД. Изучаются также возможности размещения кинетического оружия на беспилотных летательных аппаратах (программа RAPTOR/TALON) с высотой полета 20-30 км.

В качестве средства поражения баллистических ракет на активном участке траектории рассматривается также лазерное оружие воздушного базирования с использованием широкофюзеляжных самолетов и беспилотных летательных аппаратов как носителей. На 2002 год запланированы полномасштабные демонстрационные поражения целей.

Пентагон считает также необходимым создание многоэшелонной сети средств наблюдения. По оценкам экспертов, перехват ракет типа СС-18 до момента разведения боеголовок позволит в 10 раз снизить нагрузку на комплексы ПРО последующих рубежей обороны, пропорционально уменьшив их количество и сократив стоимость системы защиты в целом.

Соединенные Штаты не скрывают своих намерений если не развернуть стратегическую противоракетную оборону на территории страны в самое ближайшее время, то, во всяком случае, максимально подготовить ее к развертыванию. Эта концепция сформулирована в так называемом плане "три плюс три". На первоначальном этапе предусматривается проведение работ по созданию технологической базы стратегической ПРО. Предполагается, что по истечении трех лет будет проведена оценка возможности и необходимости развертывания противоракетной системы. В случае, если США сочтут развертывание целесообразным, система ПРО должна быть развернута в течение последующих трех лет. В противном случае работы по отработке технологии будут продолжены, и США будут поддерживать постоянную "трехлетнюю готовность" к развертыванию системы ПРО на территории страны.

Действуя таким образом, США откладывают решение вопроса о выходе из Договора по ПРО до момента, когда они сочтут это целесообразным. Понятно, что подобная политика ставит под сомнение заверения США в приверженности этому Договору. Все это вызывает многочисленные сомнения и вопросы у наших законодателей и специалистов относительно того, так ли необходима ратификация Договора СНВ-2.

ИТОГИ ПОСЛЕДНЕГО САММИТА

21 марта с.г. в Хельсинки Президенты России и США подписали Совместное заявление в отношении Договора по противоракетной обороне с целью дать инструкции своим делегациям в ПКК для завершения переговоров о различении стратегических и нестратегических систем ПРО.

В нем подчеркнуто основополагающее значение Договора для достижения сокращений стратегических наступательных вооружений, а также необходимость его сохранения, предотвращения обхода и повышения жизнеспособности. Из текста следует, что как Россия, так и Соединенные Штаты привержены Договору по ПРО, "являющемуся краеугольным камнем стратегической стабильности", но вместе с тем обе стороны "должны иметь возможность создавать и развертывать эффективные системы нестратегической ПРО".

Каждая сторона может развертывать системы нестратегической ПРО, которые, во-первых, не будут создавать реальную угрозу стратегическим ядерным силам другой стороны и, во-вторых, не будут испытываться, чтобы придавать этим системам такую способность. Системы нестратегической ПРО не будут развертываться сторонами для применения друг против друга. Масштабы развертывания любой из сторон систем нестратегической ПРО - по количеству и географии развертывания - будут соответствовать программам в отношении нестратегических баллистических ракет, противостоящих этой стороне.

В совместном заявлении говорится, что ни у одной из сторон не имеется планов проведения до апреля 1999 года летных испытаний по баллистической ракете-мишени ракет-перехватчиков нестратегической ПРО, являющихся предметом договоренности по различению применительно к высокоскоростным системам нестратегической ПРО. Ни у одной из сторон не имеется планов создания систем нестратегической ПРО с ракетами-перехватчиками, скорость которых превышает 5,5 км/сек для систем наземного и воздушного базирования и 4,5 км/сек для систем морского базирования. Ни у одной из сторон не имеется планов испытаний систем нестратегической ПРО по ракетам-мишениям, оснащенным РГЧИИ, или по боеголовкам, которые развернуты или запланированы к развертыванию на стратегических баллистических ракетах.

Стороны не будут создавать, испытывать или развертывать ракеты-перехватчики нестратегической ПРО космического базирования, а также компоненты, основанные на иных физических принципах, способные заменять такие ракеты.

Президенты также согласились, что имеется значительное поле для сотрудничества в области нестратегической ПРО. Они готовы изучить пути комплексного сотрудничества в области обороны и, среди прочего, по обеспечению раннего предупреждения применительно к деятельности в области нестратегической ПРО, по технологическому сотрудничеству в областях, относящихся к нестратегической ПРО, и расширению существующей программы сотрудничества при проведении учений в области нестратегической ПРО.

Многие российские специалисты обратили внимание на некоторую противоречивость совместного заявления по ПРО. С одной стороны, Договор по ПРО квалифицируется как "краеугольный камень стратегической стабильности". С другой стороны, в отношении таких важнейших параметров, от которых зависит судьба этого Договора, а именно, - масштабы и характер развертывания систем нестратегической ПРО, ограничения на испытания и скорость как противоракет, так и мишеней, способы базирования и др. - в заявлении говорится не об обязательствах, а о "планах". Обойден вопрос о датчиках космического базирования, которые, как известно, могут выполнять функции РЛС ПРО, а следовательно, подпадать под запрет Договора по ПРО. Судя по тексту, не исключается возможность испытаний систем нестратегической ПРО против баллистических ракет

с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Упоминается лишь об отсутствии планов испытаний против таких ракет, которые "развернуты или запланированы к развертыванию на стратегических баллистических ракетах".

Не вполне четкими, с точки зрения некоторых экспертов, являются следующие формулировки:

- "системы нестратегической ПРО не будут развертываться сторонами для применения друг против друга";
- "масштабы развертывания любой из сторон систем нестратегической ПРО - по количеству и географии развертывания - будут соответствовать программам в отношении нестратегических баллистических ракет, противостоящих этой стороне".

Возникает, к примеру, вопрос - какая из сторон будет определять указанные "программы"? По логике, такое определение должно осуществляться всеми сторонами-участницами соглашения (по разграничению), и они должны прийти к какому-то компромиссу.

В заявлении содержится понятие "компоненты на иных физических принципах", причем применительно к системам нестратегической ПРО. Как известно, до сих пор такое понятие применялось лишь в контексте Договора по ПРО.

Хельсинкское заявление, по существу, сняло ограничения на испытания и развертывание не только низкоскоростных (скорость не более 3 км/с), но и высокоскоростных (скорость до 5,5 км/с) ракет-перехватчиков нестратегической ПРО. По мнению многих российских и американских специалистов, это существенно расширит возможности нестратегической ПРО по поражению стратегических ядерных средств, поскольку высокоскоростные ракеты-перехватчики воздушного и морского базирования смогут эффективно бороться с баллистическими ракетами на активном участке траектории их полета. Они способны блокировать зоны пуска баллистических ракет или поражать их в радиусе до 600 км, что особенно опасно для группировки морских ядерных сил.

Специалисты отмечают также отсутствие в заявлении ограничений на потенциал радиолокатора наведения для систем нестратегической ПРО (например, уровнем 100 кВт/м²), что в принципе позволяет использовать системы нестратегической ПРО даже с низкоскоростными ракетами-перехватчиками для эффективной борьбы не только с ракетами "третьих" стран, но и с боевыми блоками стратегических ракет за счет увеличения дальностей и высот перехвата целей. В этом случае использование систем нестратегической ПРО для обороны объектов экономического, военного и управленческого потенциалов на территории США становится в 4-5 раз эффективнее стратегической ПРО, ограниченной Договором 1972 года.

Таким образом, заявление по ПРО ставит трудные задачи для экспертов в ПКК. На них теперь ложится дополнительная ответственность по обеспечению необходимости Договора по ПРО и по повышению его жизнеспособности.

ДОГОВОР ПО ПРО КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИКИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

В России и США сложилась целая школа политологов, специалистов и независимых экспертов, которые воспринимают Договор по ПРО как своего рода "священную корову", даже как некую "религию". При этом нередко упускается из виду, что эта "религия" составляет лишь часть более "широкой" религии взаимного ядерного сдерживания. Между тем, именно в этом вопросе проявляется разительное несоответствие между заявлениями обеих стран о партнерском характере наших взаимоотношений, с одной стороны, и существенным снижением уровня практического партнерства и даже появлением угрозы этому партнерству - с другой. Без ликвидации этого противоречия невозможно установление отношений реального партнерства.

Договор по ПРО - часть модели стратегических взаимоотношений между Россией и США, сложившейся в годы холодной войны и являющейся инструментом управления гонки вооружений в период конфронтации. Ведь смысл Договора по ПРО состоит именно в том, что он ограничил системы ПРО чисто символическим количеством противоракет и, по существу, зафиксировал ситуацию, в которой обе стороны оставались открытыми для ответного удара. Именно в этом, если отбросить всякой рода эмоциональные и риторические соображения, состоит суть этого документа, сыгравшего, конечно, большую роль для сдерживания гонки вооружений в разгар холодной войны. При всей его важности для стратегической стабильности этот Договор предписывает, однако, строить национальную безопасность на твердой уверенности в уничтожении вероятного противника, как будто цель состоит именно в его уничтожении, а не в том, чтобы избежать собственного уничтожения.

Таким образом, Договор отражал желание сторон узаконить ситуацию взаимного ядерного сдерживания через угрозу гарантированного уничтожения агрессора в ответном ударе в соответствии с жесткими правилами поведения того времени. Из этого следует, что, в сущности, надо обсуждать не Договор по ПРО, а ситуацию взаимного ядерного сдерживания.

Считается, что bipolarная система международных отношений и связанная с ней ситуация взаимного ядерного сдерживания прекратили свое существование: сделаны политические декларации о ненацеливании ракет друг на друга, имеется Парижская Хартия, в которой торжественно провозглашено, что мы больше не являемся противниками. Однако следует признать, что де-факто Россия и США не вышли из этой ситуации. Декларации о ненацеливании, не воплощенные в конкретных технических решениях, имеют, по существу, чисто политический характер. Они не могут быть подвергнуты контролю, а само "ненацеливание" обратимо в короткий период времени. По мнению известного американского специалиста Б.Блэра, возвращение полетного задания ракетам потребует всего 10 секунд (Washington post, 10/15/96, pA15).

После выполнения Договоров СНВ-1 и СНВ-2 ситуация взаимного гарантированного уничтожения, материализованная в ядерных потенциалах двух сверхдержав, сохранится. Эта положение не изменится, даже если уровень боеголовок будет снижен до 3,5 тысяч или даже до 2,5 тысяч ед. с каждой стороны. Таких потенциалов будет достаточно, чтобы воспроизвести всю совокупность прежних конфронтационных отношений. Здесь и заложено фундаментальное противоречие российско-американских отношений между провозглашенным в политическом плане партнерством и материальной ситуацией взаимного ядерного сдерживания. Перевод партнерства из декларативного в реальное означал бы преодоление этой ситуации. В этом смысле Договор по ПРО - при всей его важности на сегодняшний день - сигнализирует о том, что взаимное недоверие до конца не преодолено.

Само собой разумеется, что возникновение вооруженного конфликта между Россией и США крайне маловероятно. Однако у США до сих пор остается представление о том, что Россия - это нестабильная страна с "имперскими традициями", а у России - о том, что США - страна, которая хочет поставить Россию в подчиненное положение, не дать ей возродиться как великой державе евразийского масштаба. Об этом свидетельствуют реальные факты политики США, стремящихся закрепить ситуацию однополярного мира, расширение НАТО и т.д. Хотя и в России, и в США существуют "две партии": "проамериканская" - "антиамериканская" и "пророссийская" - "антироссийская", положение дел в целом, тем не менее, остается таким.

С тех же позиций двумя партиями трактуется смысл и судьба Договора по ПРО. Например, США заявляют о том, что им нужны тактические системы ПРО, чтобы сдерживать амбиции пороговых стран. Фактически, речь идет о четырех странах:

Ливии, Ираке, Северной Корее и Иране (т.н. "страны-парии"), которые по оценкам ЦРУ в потенциале могут обладать баллистическими ракетами средней дальности, а через 15 лет может быть и стратегической дальности. Россия воспринимает эти заявления и соответствующие программы как покушение на Договор по ПРО, как заявку США на глобальное лидерство в двадцатом веке, стремление обесценить потенциалы других ядерных держав, включая Россию. Неслучайно идеи полного ядерного разоружения становятся все более популярными в США. Как пример можно привести известное недавнее заявление генерала Ли Батлера и ряда других американских генералов. Многие сенаторы США считают необходимым подтолкнуть администрацию Клинтона к полномасштабному диалогу с Россией по корректировке подходов к стратегической стабильности и безопасности, успешно начатого, как они считают, при администрации Буша и фактически сведенного на нет за последние 3,5 года, несмотря на имеющиеся договоренности на этот счет. Стержневым направлением по пересмотру "устаревших" взглядов на методы и инструментарии обеспечения глобальной стратегической стабильности и безопасности в новых условиях видится ими прежде всего в целесообразности постепенного перехода от "ракетного" к "противоракетному" режиму сдерживания. Такой подход, как они считают, открывает возможности для широкого взаимодействия с Россией. В этом контексте особое внимание, в частности, обращается на включенное по их инициативе в сенатскую резолюцию о ратификации Договора СНВ-2 заявления о "сущности сдерживания", реализацию которого республиканцы намерены всячески проталкивать. И в военном истеблишменте США проблема полного ядерного разоружения обсуждается сейчас всерьез, как и проблема перехода от ракетного к противоракетному сдерживанию. Естественно, что в России, для которой ядерное оружие является безальтернативным средством обеспечения статуса великой державы, эти дебаты настораживают политические и военные круги.

Отсюда следует еще один вывод: если мы останемся в ситуации взаимного ядерного сдерживания, т.е. Договор по ПРО и в самом деле следует рассматривать как краеугольный камень стратегической стабильности, и, соответственно, надо следовать всей "религии" Договора. Если же мы выходим за пределы ситуации взаимного ядерного сдерживания, то можно обсуждать судьбу Договора по ПРО, внесение поправок, корректив и т.д., тем более, что формальная основа для этого имеется. В советско-американских заявлениях от 8 января 1985 года, 10 декабря 1987 года и 1 июня 1990 года ставится задача укрепления стратегической стабильности через принятие целого ряда конкретных мер, включая возможность обсуждения стратегического взаимоотношения между оборонительными и наступательными вооружениями. Мандат этих заявлений не исчерпывается Договорами СНВ-1 и СНВ-2, и вполне возможно обсуждение в этих рамках и вопросов ПРО. Поэтому сейчас становится популярной идея возобновления российско-американских переговоров о радикальном сокращении стратегических ядерных вооружений - так называемый договор СНВ-3. В рамках возможных переговоров по СНВ-3 вполне реально обсуждать и вопросы ПРО, поскольку существуют этих переговоров, если они действительно начнутся, должно состоять не только в том, чтобы радикально снизить количество ядерных боеголовок до 2-2,5 тыс. единиц с каждой стороны, а чтобы выйти на более широкую концепцию постепенного перехода от нынешней ситуации взаимного ядерного сдерживания сначала к минимальному ядерному сдерживанию, а потом за пределы ядерного сдерживания. Если такого рода переговоры начнутся, а тем более если они приведут к каким-то практическим результатам, это и будет означать реальное партнерство.

Вопрос о содержании такого рода обсуждений применительно к вопросам ПРО вызывает споры среди российских экспертов. При этом высказываются прямо противоположные точки зрения.

В частности, еще в 1992 г. официальные представители МИД России выдвинули идею о том, что Договор по ПРО вообще не накладывает каких-либо ограничений на системы и компоненты ПРО, если они будут создаваться, испытываться, развертываться и эксплуатироваться на совместной с США основе. Данная интерпретация Договора по ПРО просуществовала недолго, хотя с формальной точки зрения ее

следует считать официальной позицией России по этому вопросу с середины 1992 года.

Другим подходом к решению вопроса о Договоре является предложение о его полной отмене и заключении нового соглашения о поэтапном развертывании ПРО сторон. Эта точка зрения высказывалась как американскими, так и российскими экспертами. Как и предыдущая идея, она была в целом отвергнута руководством двух стран.

Те эксперты, которые допускают возможность внесения поправок в Договор в целом исходят из двух прямо противоположных предпосылок. Одни считают такой путь "меньшим злом" перед альтернативой выхода США из Договора в свете растущей угрозы распространения ракетного оружия. Другие же считают, что время для полной отмены Договора по ПРО еще не наступило, поскольку США и Россия пока не достигли того уровня взаимоотношений и взаимопонимания, который бы способствовал полному отказу от сдерживания и переходу сторон на отношения "взаимного гарантированного выживания".

Вместе с тем, большинство серьезных российских специалистов, законодателей и ответственных политических деятелей считают, что Договор по ПРО должен быть сохранен в том виде как он был подписан в 1972 году без внесения в него каких-либо поправок и изменений. Единственно, что требуется, по их мнению, - это согласовать параметры разрешенных систем нестратегической ПРО. При этом, некоторые из экспертов считают, что после такого согласования следует все же наложить определенные ограничения и на развертывание таких тактических систем, никак не ограниченных Договором по ПРО.

Что касается возможных изменений в Договоре по ПРО, то в преобладающем плане они сводятся к двум основным вариантам. Первый - это полное сохранение Договора 1972 года и отмена Протокола 1974 года, ограничивающего разрешенное развертывание систем ПРО до одного района. При этом, как считают сторонники такого предложения, стороны и, прежде всего, США, смогут развернуть два комплекса ПРО, способных обеспечить защиту значительной части их территории от одиночных пусков баллистических ракет, не подрывая способности каждой из них к потенциальному ответному удару, т.е. не подрывая сдерживания.

Второй вариант в целом сводится к пересмотру некоторых положений Договора, касающихся систем, способных заменить РЛС ПРО космического базирования. При этом считается, что следует разрешить развертывание датчиков космического базирования, но необходимо наложить ограничения на способность этих систем выполнять функцию наведения противоракет, т.е. целеуказания. В техническом плане не совсем ясно, каким образом можно ограничить функциональные способности таких датчиков при обеспечении соответствующего контроля противоположной стороны.

Предлагая обсуждение названных поправок к Договору по ПРО, его сторонники категорически настаивают на сохранении запрета на создание, испытания и развертывание ударных компонентов ПРО космического базирования. В этой связи предлагается дополнить существующие ограничения на такие системы и компоненты ПРО полным запретом на ПСС (противоспутниковые системы) и оружие класса "космос-земля". При этом указывается, что хотя подобные предложения и не нашли понимания у американской стороны в середине 80-х годов, в связи с резким изменением климата международных отношений и провозглашенной целью достижения высокого уровня партнерства между Россией и США, сегодня существуют более объективные предпосылки для возобновления соответствующих обсуждений.

Снятие противоречия между ситуацией взаимного ядерного сдерживания и декларированным партнерством видится в перспективе в выходе на создание совместных систем СПРН и ПРО. Попытки обсуждения этой проблемы имелись: в январе 1992 г. президент России Борис Ельцин выступил с предложением о создании Глобальной системы защиты мирового общества. На основе этой инициативы и в соответствии

с "Совместным российско-американским заявлением по Глобальной системе защиты", подписанным президентами России и США в июне 1992 г., была создана группа высокого уровня (ГВУ) Мамедова-Росса, которой было поручено проведение консультаций с целью определения и согласования основных элементов ее концепции и возможных направлений сотрудничества между Россией и США по ее созданию.

В процессе проведения консультаций выявилась достаточно большая общность понимания обсуждаемых проблем, целесообразность создания Глобальной системы защиты и ее задач, направлений и областей сотрудничества.

Стороны признали большую опасность, которая заключается в дальнейшем распространении технологий производства ОМУ и ракетного оружия для национальной безопасности и безопасности мирового сообщества в целом и ту важную роль парирования этих угроз, которые может представлять ГСЗ, которую стороны понимали как систему мер, ограничивающих распространение ракетного оружия, предотвращающую конфликт с его применением и ограничивающих ущерб в случае боевого применения ракетного оружия.

Стороны согласились, что ключевым элементом ГСЗ должен стать Центр глобальной защиты, в рамках которого будет аккумулироваться вся информация, поступающая от стран-участников, о распространении технологий, разработке, испытаниях и боевом применении ракетного оружия. Эта информация должна использоваться, в том числе для проведения совместных оборонительных операций по защите от боевого применения ракетного оружия, при этом участники должны сохранить контроль за системами, которые они выделяют для целей ГСЗ.

В качестве первоочередных мер по сотрудничеству в области ГСЗ сторонами рассматривались вопросы обмена информацией о параметрах стартов и траекториях ракет, наблюдаемых национальными системами предупреждения, обмен современными технологиями, перспективными в создании систем обнаружения и борьбы с баллистическими ракетами, вопросы создания совместного российско-американского подразделения тактической ПРО.

Вместе с тем, в процессе консультаций проявились важные разногласия, которые, вероятно, и явились причиной их прекращения.

1. Американская сторона при проведении консультаций исходила из того, что создание ГСЗ невозможно без корректировки основных положений Договора по ПРО. Предлагаемые американской стороной подходы к его пересмотру рассматривались российской стороной как принципиально меняющие не только букву, но и дух Договора.

2. Американская сторона считала, что конкретное сотрудничество возможно только после решения кардинального вопроса об уточнении Договора, в то время как российская сторона исходила из того, что ряд направлений сотрудничества, например, таких как обмен информацией между системами предупреждения, создание Центра глобальной защиты (или Совместного Центра Предупреждения), создание совместного российско-американского подразделения тактической ПРО возможно при строгом соблюдении существующего Договора по ПРО.

3. В качестве американского вклада в ГСЗ предлагалась система GPALS, которая с российской точки зрения не только нарушила бы Договора по ПРО, но и была неадекватна угрозе со стороны ракетного оружия третьих стран и могла рассматриваться только как система ПРО, ориентированная против сил сдерживания России.

Последние официальные консультации между экспертами двух стран по проблеме ГСЗ были проведены в октябре 1992 г. и после прихода к власти администрации Клинтона не возобновлялись.

Многие российские эксперты не исключают возможности возобновления этих консультаций и даже переговоров по этим вопросам. Учитывая опыт разногласий сторон по проблеме ПРО,

они считают важным не идти снова на поводу у сугубо технических решений проблем взаимной безопасности и прежде всего прояснить спектр реальных угроз, против которых эта система должна быть нацелена. Об этом президенты России и США, собственно, и договорились в мае 1995 года. Прояснив данный вопрос, можно было бы двинуться дальше - попытаться наладить действенное сотрудничество в отслеживании негативных процессов в сфере распространения ОМУ и средств его доставки, в организации системы мероприятий по противодействию распространению.

Однако на этот счет существуют и другие точки зрения. Многие считают, что сама инициатива Глобальной Системы Защиты как бы подвергла сомнению приверженность России строгому соблюдению Договора по ПРО и даже в какой-то степени расшатала этот режим. Но ведь именно тогда, по существу, возник реальный шанс выхода на реальное партнерство, который, к сожалению, не был реализован. Субъективная причина этого состоит в том, что в США произошла смена администрации. В Белый дом пришел Клинтон, позиция которого радикально отличалась от позиции Буша - республиканца. Объективная же сторона состоит в том, что в 1992-1993 годах Россия и США не были готовы к такого рода серьезным обсуждениям: вопрос о том, кто будет иметь "доступ к кнопке" тогда не мог, конечно, быть решен.

Безусловно, переговоры о разграничении между стратегическими и тактическими системами ПРО полезны, так как пока это единственный канал серьезного обсуждения вопросов ПРО и стратегической стабильности между Россией и США. Парадокс состоит в том, что мы до сих пор не имеем такого канала, кроме переговоров в рамках ПКК, хотя даже в годы холодной войны соответствующий, причем, полномасштабный, переговорный канал функционировал. Вместе с тем, как известно, политическая проблема не может быть решена на путях поиска чисто технического компромисса. Техническая договоренность по низкоскоростным и по высокоскоростным системам вряд ли способна снять озабоченность российских специалистов в связи с возможностью для США обхода Договора по ПРО, то есть приданием нестратегическим системам стратегических способностей.

Выход, вероятно, состоит в том, чтобы начать переговоры в более широком контексте; их можно назвать, например, переговорами о стратегической стабильности. Они должны охватывать не только физическое сокращение ядерных вооружений, но и, возможно, сопряжение систем СПРН обеих сторон, а также рассматривать озабоченности США в области нераспространения, в том числе в отношении стран, способных в перспективе обладать ракетным потенциалом. Вместе с тем, они должны, безусловно, учитывать и озабоченности России тем, что деятельность США в области ПРО может быть направлена на получение стратегических преимуществ.

Такие переговоры, в конечном счете, должны стать важным элементом не только двустороннего, но и многостороннего международного режима, обеспечивающего своего рода мониторинг процессов нераспространения оружия массового уничтожения. Это позволило бы снять парадокс вокруг Договора по ПРО, который, несмотря на свой двусторонний характер, по существу, является многосторонним соглашением, поскольку все другие ядерные державы внимательно наблюдают и отслеживают состояние российско-американских переговоров по ПРО и делают из этого соответствующие выводы. Переговоры в духе реального партнерства надо начинать незамедлительно, а не после ратификации Договора СНВ-2, с учетом очевидной возможности ухудшения российско-американских отношений в этом году в связи с расширением НАТО.

Кортунов Сергей Вадимович, заместитель руководителя аппарата Совета Обороны. Окончил МГИМО МИД РФ, кандидат исторических наук, автор многочисленных работ по вопросам внешней политики и разоружения, изданных в России и за рубежом. Работал в МИД РФ в 1982-94 гг., в том числе, возглавлял управление по контролю за военными технологиями.

ГОРЯЧАЯ ТЕМА

ЭКСКЛЮЗИВ

**"РАТИФИЦИРОВАТЬ СНВ-2 МОЖНО ЛИШЬ
ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ РАМОЧНОГО
СОГЛАШЕНИЯ ПО СНВ-3"**

Председатель комитета по обороне **Лев Рохлин** и заместитель председателя комитета по обороне **Алексей Арбатов** высказывают корреспонденту «Ядерного Контроля» свои соображения о соглашениях в Хельсинки и дальнейшем сокращении стратегических вооружений

- Как Вы оцениваете результаты хельсинкских соглашений применительно к СНВ-2?

Рохлин: Если переговоры в Хельсинки считать началом, а парижскую встречу - окончанием переговорного процесса, и принять во внимание движение НАТО на восток, то результаты первой встречи можно расценить как поражение российской дипломатии. Раньше никакие крупные решения в области безопасности не предпринимались без консультации с СССР. Сейчас решения по вопросу о расширении НАТО были приняты без участия России.

В отношении СНВ-2 в Хельсинки был сделан положительный шаг. Однако моя позиция заключается в том, что СНВ-2 ущербен для России. Его ущербность - во многих позициях, не учтенных во время его подписания. С уничтожением наших тяжелых ракет Россия опускается на уровень ниже договорного уровня в 3-3,5 тысячи - примерно на уровень в 2,200 - 2,300 единиц доставляемых ядерных боеприпасов. Взрываются часть шахт, и для того, чтобы подняться вновь до разрешенного уровня, мы должны произвести не менее 700 новых ракет, построить вместо взорванных шахт новые шахты, новую инфраструктуру и затратить огромное количество денег.

Вторая ущербная позиция в том, что этот договор не учитывает КРМБ, те боеприпасы, которые сняты с ракет, но в любое время могут быть восстановлены. Если Россия переходит на новый класс ракет и те ракеты, которые сняты, не могут быть использованы в дальнейшем, то США остаются с теми же типами ракет, складируют свои боеприпасы, и в любое время могут восстановить. Не говоря уж о том, что движение НАТО на восток, неурегулированный вопрос невозможности размещения тактических ядерных средств у нашей границы могут вообще не допустить разговора о возможности ратификации СНВ-2. Не забывайте: отдельные тактические средства в Европе могут играть роль стратегических.

Положительный аспект в последних договоренностях – во-первых, признание недопустимости вместе с движением НАТО на восток продвижения туда ядерных средств и, во-вторых, хельсинкское решение о продлении сроков СНВ-2 до 2008 года.

Продление сроков до 2008 года по сути решает вопрос, который ставят самые главные враги СНВ-2 - дайте самим определить, что нам сохранить и что нам нужно уничтожить. То есть, считают они, мы можем опуститься и до 3 тысяч, и до двух тысяч, но мы должны сами определить, что нам нужно, т.е. оставить тяжелые ракеты, в первую очередь. К 2008 году в основном истекают гарантийные сроки многих наших тяжелых ракет, т.е. появляется возможность полного использования гарантийных сроков ракет. Мы в комитете по обороне считаем, что ядерный потенциал России должен опускаться и ниже, и такой предел видим в пределе около 2 тысяч. В таком случае не будет необходимости строить экстренно новые ракеты и подниматься до уровня 3 тысяч.

В Хельсинки был поставлен еще один вопрос - деактивация головных частей (снятие с ракеты головной части). Я считаю такой поворот неприемлемым. Речь должна идти об их ликвидации.

Наконец, необходимо наконец определиться с трактованием Договора по ПРО и не допустить его «разъязвания» и последующего разрушения.

Каким образом можно идти? Первое - введя поправки к договору СНВ-2. Это крайне трудно по той причине, что США тогда должны вернуться к пересмотру ратификации. Или рассмотрение параллельно до ратификации договора СНВ-2 рамочных моментов договора СНВ-3, в который должны войти все те негативные моменты, которыми располагает СНВ-2, исходя из того, как идут переговоры по любому вопросу, например, о непрордвигании ядерных средств к границам России. Если роль НАТО только миротворческая, то почему так трудно идти на гарантии, что ядерные средства никогда не будут продвинуты к границам России?

Или по вопросу о ДОВСЕ, который был рассчитан на блоковое противостояние - страны Варшавского договора и СССР - США и Европа. Варшавский договор распался, СССР распался, осталась Россия. В НАТО вступают бывшие страны Варшавского договора. Что здесь неясного? Надо пересмотреть этот договор! На это идут с большим трудом. Все это говорит о том, что нельзя верить США. Исходя из этого, мы в обязательном порядке должны ратифицировать СНВ-2 только тогда, когда будем уверены, что будет подписан СНВ-3.

Арбатов: Хельсинкские договоренности я оцениваю высоко. Надо отдать должное американской стороне, ее гибкости и пониманию нашей ситуации. За исключением некоторых технических деталей, все препятствия для ратификации СНВ-2 по существу дела сняты. В таком виде, как это было согласовано в Хельсинки, СНВ-2 не потребует больших дополнительных затрат и полностью отвечает стратегическим, техническим и финансовым интересам России.

Очень маленький срок. За год снять тысячу боеголовок с ракет, предназначенных для последующего уничтожения, слишком быстро и дорого. Возникает вопрос безопасности и сохранности при транспортировке и складировании. Возможно найти иные пути деактивации, которые не обязательно сопряжены со свинчиванием боеголовок, но были бы надежны, проверяемы. Другой вопрос, что есть известная асимметрия - сокращение боеголовок в России будет осуществляться путем ликвидации ракет, а в США - путем разгрузки ракет, т.е. понижением числа боеголовок на ракетах. И было бы правильно и справедливо с точки зрения устранения совершенно неоправданной асимметрии, если бы мы договорились в течение одного или двух лет деактивировать ракеты, предназначенные для ликвидации и в то же время понизить число боеголовок на тех ракетах, которые

предназначены для понижения числа боеголовок. Тогда бы это охватывало все ракеты наземного базирования, которые подлежат ликвидации - это все ракеты с РГЧ, плюс 105 ракет СС-19, на которых боеголовки должны сократиться с 6 до 1, а с американской стороны это охватывает не только 50 ракет MX Peacekeeper, как получается по нынешней договоренности, но это также охватывало бы все ракеты Miruteman-3, на которых боеголовки должны быть понижены с трех до 1 и все ракеты Trident-2, на которых число боеголовок должно быть понижено с 8 до 5. Тогда бы мы в течение двух лет пришли бы к равному уровню по боеголовкам и снятым и находящимся в боевом составе.

-О каких технических деталях идет речь?

Арбатов: Есть ряд моментов, связанных с деактивацией ракет, предназначенных для уничтожения по СНВ-2. Я понимаю, что это США ввели данный пункт. Такие ракеты должны быть деактивированы в течение 2003 года (за год). Причем деактивация предполагается путем отстыковки боевых блоков или ядерных боеголовок или другими техническими способами.

-Все ли депутаты разделяют Вашу точку зрения относительно положительного результата Хельсинских договоренностей?

Арбатов: Многие депутаты не разделяют мою точку зрения по существу договора - одни в силу невежества, другие - в силу принципиальной позиции - одни не хотят идти путем международных договоров, других не устраивает парижский Основополагающий акт, и они считают, что в условиях расширения НАТО на восток, когда с мнением России не посчитались в столь важном для нее вопросе, не должны идти навстречу США в СНВ - единственной области, где США остаются заинтересованными в сотрудничестве с Россией.

- Что можно было бы добавить или изменить в СНВ-3?

Арбатов: Я считаю, что потолки, которые обсуждались, слишком высоки. По сравнению с СНВ-2 они снижены на 1000. Это не избавит Россию от необходимости сначала снимать, потом строить ракеты, чтобы выбрать эти параметры. К 2007 году в России может остаться порядка 2000-2300 боеголовок в силу того, что моноблочные ракеты и новые ракеты подводных лодок мы не сможем развертывать также быстро как мы будем снимать старые. Но мы могли бы сэкономить еще больше денег и развертывать новые системы еще более спокойными и недорогостоящими темпами, если бы потолок был ниже. Имбы бы могли сэкономить средства на стратегической авиации. 2300 учитывают ядерные вооружения ТБ. Это совершенно архаичная система оружия, памятник холодной войны, как американская, так и наша, их надо все отправить в утиль или в лучшем случае переоборудовать для неядерных задач, если та или иная страна пожелает. А для России просто не тратьте средства на поддержание парка ТБ, поскольку они нам не нужны - есть баллистические ракеты. Лучше эти средства в составе СЯС

использовать для фронтовой истребительной авиации. Если бы могли сэкономить на этих средствах и не поддерживать невыгодные ТБ в течение столь длительного времени, тогда бы гораздо лучше пойти на столь низкий потолок в рамках СНВ-3 - порядка 1000-1500 боеголовок - это было бы лучше и для нас и для американцев. И они бы очень в такой потолок могли уложиться.

Ликвидация боеголовок становится необходимой при разгрузке и сокращении ракет, хотя можно было пойти по более легкому пути: не сами боеголовки ликвидировать, а ликвидировать корпуса боеголовок, как это делается по договору по РСМД - это бы давало меньшую, но все-таки достаточную гарантию против обратного наращивания, т.к. боеголовки не просто перевозились бы на склад, а взрывные устройства, корпуса ликвидировались под контролем другой стороны. Была бы на несколько лет гарантия того, что они не могут быть тайно и быстро возвращены на разгружаемые носители.

Однако если ставить вопрос о ликвидации боеголовок более глубоко, то это не просто приданок к СНВ, а другая сфера переговоров, т.к. если мы будем говорить о ликвидации взрывных устройств, о ликвидации делящихся материалов, то должны серьезно поставить вопрос о прекращении производства делящихся материалов, иначе это не имеет смысла - не имея возможности контролировать непроизводство, в то же время нельзя договариваться о ликвидации и утилизации - это должно быть решено в комплексе.

Во-вторых, сюда вовлекаются не только стратегические, но и тактические вооружения, потому что процесс контроля на складах

военных боеприпасов, на предприятиях по сборке и демонтажу, контроль за делящимися материалами - это единый процесс. Поэтому я бы в рамках СНВ-2, чтобы не перегружать Договор, пошел на более простые способы ликвидации боеголовок по типу РСМД. Добавил бы к этому ликвидацию КР, поскольку процедура нам знакома. Мы уже ликвидировали наземные крылатые ракеты, точно так же можно поступить с 880 КРМБ, которые по договору СНВ-1 можно было иметь на подводных лодках и кораблях и которые потом в порядке односторонних инициатив Россия и США вернули на береговые склады, чтобы гарантировать невозврат.

А что касается всего остального, я бы провел отдельные переговоры, потому что в противном случае мы переутяжелим СНВ-3. А надо договориться в те же сроки, что и СНВ-2 - к 2007 году. Чтобы нам не надо было строить, а потом опять уничтожать. Если мы внедряемся в сферу ликвидации взрывных устройств, то это совсем другая сфера переговоров, иная система контроля, система открытия деликатных военно-технических секретов друг другу. К тому же она имеет широкие выходы в другие сферы, которые мы еще не захватывали - это производство и ликвидация запасов делящихся материалов, прекращение производства

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ – ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
1996-1999

«20» мая 1997 г.

№ 3.14-45525

Председателю Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
Селезневу Г.Н.

Уважаемый Геннадий Николаевич!

Вооруженные Силы Российской Федерации находятся в критическом состоянии и не боеготовы: Мобилизационная готовность страны разрушена, как и ее база. С 1990 года прекращены мобилизационные занятия и сборы. Не способны выполнить стратегические задачи по защите страны такие виды Вооруженных сил России, как Военно-воздушные силы и войска Противовоздушной обороны страны. Тысячи километров государственной границы не прикрыты с воздуха.

Стремительно разваливается Военно-морской флот. Из-за отсутствия финансирования судоремонта боевые корабли, которые могли бы послужить стране еще не менее 10 лет, выводятся из строя. За сотню перевалило количество подводок с ядерными реакторами, выведенных из строя и требующих утилизации. Игнорировать эту проблему - это значит сознательно создавать предпосылки катастроф, не уступающих Чернобыльской.

В тяжелом состоянии находятся Стратегические силы ядерного сдерживания. При наличии в данное время огромного количества ядерных боеприпасов и носителей с 2003 по 2005 год намечается обальный процесс выхода их из строя. Максимальный гарантитный срок годности ракет последних лет выпуска - до 2008 года и то при условии финансирования их содержания и работ по продлению их гарантитных сроков. В то же время практически ничего не

военных боеприпасов, на предприятиях по сборке и демонтажу, контроль за делящимися материалами - это единый процесс. Поэтому я бы в рамках СНВ-2, чтобы не перегружать Договор, пошел на более простые способы ликвидации боеголовок по типу РСМД. Добавил бы к этому ликвидацию КР, поскольку процедура нам знакома. Мы уже ликвидировали наземные крылатые ракеты, точно так же можно поступить с 880 КРМБ, которые по договору СНВ-1 можно было иметь на подводных лодках и кораблях и которые потом в порядке односторонних инициатив Россия и США вернули на береговые склады, чтобы гарантировать невозврат.

А что касается всего остального, я бы провел отдельные переговоры, потому что в противном случае мы переутяжелим СНВ-3. А надо договориться в те же сроки, что и СНВ-2 - к 2007 году. Чтобы нам не надо было строить, а потом опять уничтожать. Если мы внедряемся в сферу ликвидации взрывных устройств, то это совсем другая сфера переговоров, иная система контроля, система открытия деликатных военно-технических секретов друг другу. К тому же она имеет широкие выходы в другие сферы, которые мы еще не захватывали - это производство и ликвидация запасов делящихся материалов, прекращение производства

деляющихся материалов, утилизация делящихся материалов, а также ТЯО, по которому еще никакого договора не заключали.

- Обязательна ли увязка ПРО и СНВ?

Рохлин: Когда понижаются уровни вооружений, становится чрезвычайно важным вопрос ПРО. Если есть 6000 боеголовок и есть ПРО, то из 6000 600 прорвется, а когда 2000 боеголовок и ПРО, то уверенность того, что они прорвутся, очень маленькая. Это вопрос сдерживания.

Арбатов: Соглашение в Хельсинки по ПРО - это не юридически обязывающий договор. Это рамочное соглашение, которое после многочисленных переговоров в ПКК в Женеве с января 1993 года, наконец очертило некоторые рамки, в которых можно будет достичь договоренностей по разграничению стратегической и тактической ПРО. В этом вопросе Россия пошла навстречу США, хотя и в соглашении по ПРО есть ряд пунктов, которые больше соответствуют интересам России, чем США.

При этом в целом весьма либеральные параметры, в которых позволено испытывать перехватчики наземного, морского и воздушного базирования, соответствуют интересам американской стороны. Однако, получив что-то от американской стороны по СНВ-2 и по СНВ-3, российская сторона должна была где-то уступить, а системы ПРО - это единственная сфера, где Россия может уступить США, потому что эта та область, где США заинтересованы в соглашении, т.к. они разрабатывают и развертывают такую оборону, но не хотят, особенно при нынешней администрации, нарушать договор по ПРО. Здесь ключ к соглашению в руках российской стороны. Я уже два года отстаиваю такой компромисс, исходя не из абстракций, а из реальной ситуации. США пойдут на компромисс в области наступательных вооружений, где мы себя в силу обстоятельств и наших собственных ошибок и объективной ситуации загнали в угол, а мы должны компенсировать им что-то. В этом плане, те параметры, которые содержатся по тактической ПРО, не угрожают российской безопасности.

- Но ведь проблема состоит не в выходе из договора по ПРО, а в его обходе, т.е. приближении параметров тактической ПРО к ПРО стратегической.

Арбатов: Это не так, т.к. в договоре 1972 года параметры по ПРО не были указаны. Был заключен ряд протоколов и дополнительных документов к этому договору. Были некоторые односторонние американские определения. Один видный государственный деятель того времени, помощник министра обороны, который в ответ на вопрос, что считать стратегической ПРО, сказал конгрессе, что стратегической ПРО, надо считать такую систему, которая способна перехватывать боеголовки на высоте более 30 км и со скоростью вхождения в атмосферу более двух км в секунду. Это было частное определение американского должностного лица. Никакого соглашения по

определению того, что является стратегической ПРО, не было. Система же тактической ПРО, которая сейчас согласована, разрабатывается и развертывается в связи с Хельсинскими договоренностями, весьма боеспособная. Задача не в том, чтобы запретить любую ПРО, а в том, чтобы она не противоречила стратегической стабильности, а поскольку в этом договоре подтверждено обязательство не развертывать ПРО космического базирования и другую, то стратегической стабильности это не противоречит.

- Вы сказали, что даже в договоренности по ПРО США в чем-то пошли навстречу России

делается для ввода новых средств ядерного сдерживания. Реализация программы "Тополь-М" отстает уже на три года. Федеральное Собрание Российской Федерации в Федеральном законе "О федеральном бюджете на 1997 год" отдельной строкой выделило средства на ее финансирование. Но и это не помогло. За текущий год на программу не выделено ни рубля. Бесконечно отстает "морская" программа "Барк".

Чтобы удержаться на минимальном уровне, предусмотренным Договором СНВ-2, даже при должном финансировании и загрузке до полной мощности завода, поставляющего ракеты для Вооруженных сил России взамен вышедших из строя, потребуется 10 лет.

Таким образом, к 2009 году Россия перестанет располагать хоть какими-то существенными силами ядерного сдерживания.

Не все просто у Российской Федерации и на Дальнем Востоке. Дэн Сяопин однажды сказал, что "Мы сейчас с Вами должны решить мелкие проблемы, связанные с государственной границей между нашими странами. После этого у нас не будет претензий к Вам, но только до 2010 года".

Силовые ведомства по-прежнему тянут "одеяло жидкого финансирования" только на себя, зачастую создавая параллельные структуры, не могут договориться по единым действиям при решении задач, связанных с обороной страны и безопасностью государства. До сих пор нет единого органа руководства этими ведомствами, который без привлечения дополнительных средств смог бы сосредоточить усилия на главных направлениях и обеспечить их эффективное выполнение.

Определенный секвестром объем финансирования Вооруженных сил на 1997 год в 2,5 раза меньше, чем в тяжелейшем для армии 1996 году, когда фактический объем затрат на оборону составил 130 триллионов рублей. Американская исследовательская организация РЭНД в своем докладе заявила, что еще год такого финансирования и целого поколения россиян не хватит, чтобы восстановить катастрофическое отставание в области оборонной промышленности.

С уважением,
Председатель Комитета

Л.Я.Рохлин

Арбатов: Развертывание ПРО ТВД не должно осуществляться в количествах и в районах, находящихся вне досягаемости ракет такого типа, против которых она предназначена. А это оперативно-тактические и тактические ракеты и ракеты средней дальности, потому что в этом соглашении говорится, что ракетами, против которых предназначена разрешенная ПРО, являются ракеты с дальностью, не превышающей 3500 км. И нельзя испытывать эти системы по боеголовкам с РГЧ, боеголовкам, которыми оснащаются стратегические носители, по мишням, имеющим скорость входа в атмосферу свыше 5 км в секунду. Это соответствует 3500 км дальности действия. Нет ни одной страны в мире и не предвидится в ближайшие 10-20 лет, которая могла бы ракеты с дальностью до 3500 доставить на территорию США.

Следовательно, на своей территории они в соответствии с этим пунктом разворачивать такую систему в боевом составе не имеет права. Потому что ни Мексика, ни Канада, ни Панама, ни Куба, ни Барбадос не будут развертывать такую систему. В то же время, значительная часть территории России

находится под прицелом и в зоне досягаемости таких ракет из Европы, Ближнего и Дальнего Востока. И в этом смысле, если следовать этому пункту, систему тактической ПРО разрешалось бы развернуть России, но не США.

- Если СНВ-2 будет ратифицирован, есть ли гарантия, что он будет выполняться?

Рохлин: Мы уже почти год требуем от правительства концепцию средств ядерного сдерживания и ее экономическое обоснование, программу финансирования по годам, месяцам, кварталам. Если такая программа будет, тогда мы сможем рисковать безопасностью страны. Мы прекрасно понимаем, что ситуация с экономикой крайне тяжелая. И если сегодня попробовать поднимать все вооруженные силы, то ничего не получится. Цена СЯС составляет около 5-7% от цены вооруженных сил. Поэтому мы должны разобраться, в каком состоянии находятся СЯС, что нужно сделать для поддержания их в боеготовом состоянии, чтобы максимально продлить гарантийные сроки, для того, чтобы продолжить НИОКР по новым системам, какие это должны быть

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ №30-31. ИЮНЬ-ИЮЛЬ 1997. Лев Рохлин Алексей Арбатов 11

системы, удовлетворяют ли они по параметрам для замены тех, которые на данное время находятся, что делать, чтобы заработала промышленность и в каком объеме нужно ее финансировать для того, чтобы она могла производить новые системы вооружения. И, исходя из этого, на каких условиях возможно ратифицировать СНВ-2, и какие параметры в нем должны быть соблюдены.

Арбатов: Иначе невозможно. Хотя в России, конечно, все возможно, но тогда зачем ратифицировать СНВ-2? Такая странная точка зрения была у бывшего министра обороны, но этого министра, слава богу, больше нет. У нас министр обороны, который очень профессионально и глубоко разбирается в этих вопросах, и я уверен, что он такую вещь не скажет. Тем более, что СНВ-2 с нынешними сроками выполнения для нас подходит, потому что мы в течение этого времени будем вынуждены снимать ракеты, которые исчерпали свой ресурс и которые все равно надо снимать - их же нельзя оставить в шахтах на боевом дежурстве, если они абсолютно ненадежны. В этом был один из доводов, чтобы не снимать их раньше времени, а приблизить сроки сокращения к тем, по которым мы в любом случае будем сокращать.

- Существует ли вероятность того, что после ратификации Россией СНВ-2 США не пойдут на подписание СНВ-3 как невыгодного для них договора?

Арбатов: США уже дали обязательство, и мы можем при ратификации СНВ-2 в законе оговориться, что выполнение Россией СНВ-2 будет увязано с достижением договоренности по СНВ-3, которая должна перекрыть СНВ-2, как СНВ-2 перекрыл частично СНВ-1 по срокам. В ином случае нам придется достаточно много боеголовок снимать и дополнительно развертывать.

- На чем основывается Ваше утверждение, что к 2009 году Россия перестанет быть ядерной державой?

Рохлин: На знании гарантийных сроков выхода из строя ракет, которые стоят на вооружении страны

Арбатов: Не знаю, откуда Рохлин взял такую дату и такое мнение. Проблема наших СЯС в том, что в рамках ограниченного военного бюджета, который для нашего оборонного бюджета и экономики является достаточно большим, у нас львиная доля идет на содержание большой армии и не хватает на оборонную промышленность и науку, в том числе и на такие приоритетные направления как стратегические силы и ядерные технологии.

ТЕКСТ СОВМЕСТНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ И США О ПАРАМЕТРАХ БУДУЩИХ СОКРАЩЕНИЙ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Признавая основополагающее значение Договора по ПРО, Президенты в отдельном Совместном заявлении дали поручение относительно разграничения между системами стратегической и нестратегической ПРО, которое позволит развернуть эффективную нестратегическую ПРО и предотвратить обход Договора по ПРО.

Учитывая изложенное, Президент Б.Н.Ельцин и Президент Б.Клинтон достигли следующих взаимопониманий.

После вступления в силу Договора СНВ-2 Россия и Соединенные Штаты незамедлительно приступят к переговорам по соглашению СНВ-3, которое будет включать, среди прочего, следующие базовые элементы:

- Установление к 31 декабря 2007 года для каждой из сторон пониженных суммарных уровней в 2000-2500 стратегических ядерных боезарядов.

- Меры, касающиеся транспарентности имеющихся в наличии стратегических ядерных боеголовок и уничтожения стратегических ядерных боеголовок, а также любые другие совместно согласованные технические и организационные меры с тем, чтобы способствовать необратимости глубоких сокращений, включая предотвращение быстрого наращивания количества боезарядов.

- Что должно быть сделано, чтобы Россия не перестала быть ядерной державой?

Рохлин: Не все можно рассказывать.

Арбатов: Если в рамках нынешнего существующего бюджета мы пойдем на перераспределение средств и резко сократим численность вооруженных сил, тогда у нас хватит средств, чтобы оставаться ядерной державой. А если мы пойдем по тому пути, по которому мы движемся сейчас, то через 10 лет у нас будет иракская армия, большая по численности, но необученная, недисциплинированная, неуправляемая, составляющая большую угрозу внутри страны, чем защиту ее внешней безопасности, мы вообще перестанем быть технически оснащенной державой.

- Как Вы относитесь к идее полного ядерного разоружения?

Рохлин: С одной стороны положительно, с другой стороны - отрицательно. Ядерное разоружение - это светлая мечта. О всемирном мире нельзя не мечтать. Отрицательно - потому что в данное время США превосходят по ВТО Россию в 4 раза. Россия для США полностью и абсолютно доступна. У них сильнейший авианосный флот, Россия окружена базами, которые стали еще ближе после продвижения НАТО на восток. На юге движутся талибы, которые поддерживаются США и Пакистаном. Я за то, чтобы сделать все, чтобы мы были в самых теплых отношениях, но с беспокойством смотрю на Китай, который сдвинут территориально. И я понимаю, что мы не сумеем противостоять ничем, за исключением ядерного сдерживания, этим странам. Когда для США будет отсутствовать момент сдерживания, когда они будут уверены, что ни одна ядерная ракета, ни один ядерный боеприпас не достигнет их территории, то они будут чувствовать себя абсолютно безнаказанно. И имея четырех-шестикратное превосходство, смогут осуществлять шантаж и диктат. Т.е. мы в этой ситуации становимся в абсолютно неравные позиции. США и НАТО, абсолютно превосходя нас в количестве обычных вооружений, способны делать что хотят, и у нас нет никаких возможностей воздействия на дальние рубежи.

Арбатов: Пока мы не изменили систему международных отношений, чтобы полностью отделаться от ядерного оружия, и не придумали такой системы, чтобы все страны мира согласились при очень надежной проверке ликвидировать ядерное оружие, чтобы никто не мог его тайно создать и использовать в своих целях. И на смену ядерного сдерживания никакой другой концепции тоже не придумали.

- Решение вопросов, связанных с целью придания существующим договорам о СНВ бессрочного характера.

- Деактивация всех стратегических носителей ядерного оружия, которые будут ликвидированы по Договору СНВ-2, к 31 декабря 2003 года путем отстыковки их ядерных боеголовок или принятия других совместно согласованных шагов. Соединенные Штаты оказывают содействие осуществлению ранней деактивации через Программу Нанна-Лутара.

Президенты достигли понимания о том, что предельный срок ликвидации стратегических носителей ядерного оружия по Договору СНВ-2 будет продлен до 31 декабря 2007 года. Стороны согласуют конкретные формулировки, которые будут предоставлены в Государственную Думу и, после одобрения Государственной Думой Договора СНВ-2, - в Сенат Соединенных Штатов.

Президенты согласились также о том, что в контексте переговоров по СНВ-3 их эксперты рассмотрят в качестве отдельных вопросов возможные меры, касающиеся ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности и тактических ядерных средств, включая соответствующие меры укрепления доверия и транспарентности.

Принимая во внимание вышеизложенные понимания и учитывая их Совместное заявление от 10 мая 1995 года, Президенты согласились, что стороны изучат также вопросы, относящиеся к транспарентности применительно к ядерным материалам.

Когда мы говорим о полном ядерном разоружении, мы не говорим о том разоружении, которое приведет нас в мир до 1945 года, когда можно было вести масштабные войны обычным оружием. Особенно это касается тех стран, экономический потенциал которых не позволяет, как у России в настоящий период, поддерживать безопасность только с помощью обычных вооруженных сил. Пока мы не решили вопросы ликвидации ядерного оружия полностью, пока мы не определили, что такое есть ядерное разоружение, как гарантировать, что никогда не будет тайно сохранено или произведено ядерное оружие, пока мы не решили вопрос о вооружении в обычных войнах, нам придется жить с ядерным сдерживанием, а задача состоит не в том, чтобы придумать что-то вместо, а чтобы гарантировать его неприменение - для этого существует концепция стратегической стабильности, которая гарантирует от применения ядерного оружия, для этого существуют переговоры, чтобы максимально уменьшить количество оружия, для этого существуют меры контроля и безопасности, чтобы обеспечить его сохранность и гарантировать от технических катастроф, от аварий, от хищений, от несанкционированного использования, есть целый ряд новаторских технологий, таких как понижение боеготовности, ненацеливание, - чтобы ядерное оружие осталось как золотой запас в банке - вовсю не используется и в оборот не пускается. Пока не можем обойтись без него - атомная промышленность и атомная энергетика не интернационализированы для того, чтобы ни одна страна не могла использовать ее для тайного производства ядерного оружия.

- СНВ- это двусторонний договор России и США. Есть и другие ядерные державы, которые могут угрожать безопасности России.

Рохлин: Я думаю, что с какого-то рубежа другие ядерные страны должны обязательно участвовать, и может быть, начиная с СНВ-3. И уже дальнейший процесс снижения ядерного потенциала становится проблематичным без участия Китая и других держав.

Арбатов: Ядерное оружие, особенно современное, имеет такие характеристики, которые позволяют нацеливать его на любую точку. Не обязательно действовать по правилам арифметики и иметь у себя сумму вооружений всех других государств. Тот потенциал, который будет достаточен для сдерживания США, будет достаточен для сдерживания любого другого государства.

В ближайшей перспективе продвижение НАТО на восток не меняет этой ситуации, главная угроза национальной

**ТЕКСТ СОВМЕСТНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ
ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ ДОГОВОРА ПО
ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЕ**

Президент Б.Н. Ельцин и Президент Б.Клинтон, выражая свою приверженность делу укрепления стратегической стабильности и международной безопасности, подчеркивая важность дальнейших сокращений стратегических наступательных вооружений и признавая основополагающее значение Договора по противоракетной обороне /ПРО/ для достижения этих целей, а также необходимость в эффективных системах нестратегической ПРО, рассматривают в качестве своей общей задачи сохранение Договора по ПРО, предотвращение его обхода и повышение его жизнеспособности. Президенты подтверждают принципы, изложенные в их Совместном заявлении от 10 мая 1995 года, которые будут служить основой для достижения договоренности по разграничению стратегической и нестратегической противоракетной обороны, в том числе следующие:

- как Россия, так и Соединенные Штаты привержены Договору по ПРО, являющемуся краеугольным камнем стратегической стабильности; - обе стороны должны иметь возможность создавать и развертывать эффективные системы нестратегической ПРО. При этом такая деятельность не должна вести к нарушению или обходу Договора по ПРО;

- каждая сторона может развертывать системы нестратегической ПРО, которые, во-первых, не будут создавать реальную угрозу

безопасности будущего - Кавказ, Средняя Азия, локальные конфликты, если Россия пожелает вступить в защиту своих союзников, а в более отдаленной перспективе я не исключаю распространения угрозы со стороны Востока. Быстрая и решительная реформа в вооруженных силах, перестройка в вооруженных силах по стандартам армии современного типа позволит России решить проблему безопасности в рамках тех пониженных диапазонов угрозы, в которых она находится.

- Как должны складываться отношения России с Ираном, Китаем, Индией?

Рохлин: Только на основе добрых экономических отношений

- Как Вы относитесь к идеи создания совместной российско-американской системы ПРО?

Рохлин: Я не сторонник пересмотра позиций в этом вопросе. Должен быть баланс сил в этом вопросе, и любое движение вправо или влево невыгодно для России, тем более сейчас, когда ее экономические возможности не позволяют ей угнаться ни за какими иными предложениями, ПРО ТБД и т.д. До 2009 года США не рассматривают возможность выхода из ПРО. Это время выхода гарантированных сроков российских СЯС. Если мы не примем никаких мер (с 1991 года никаких мер не принимается), то мы выходим из ядерного сдерживания и как сдерживающая держава ничего не значим, а американцы совершают свою ПРО.

Арбатов: Теоретически все возможно. Практически совместные системы стратегической ПРО предполагают союзнические отношения более близкие, чем при сотрудничестве в области СНВ. Защита территории, вопросы жизни и смерти государства становятся в зависимость от того государства, с которым сотрудничают. Сейчас в мире есть только два партнера, которые очень близко и напрямую сотрудничают по линии СНВ, - это США и Великобритания. США поставляют Великобритании ракеты морского базирования для стратегических сил сдерживания Великобритании, на которые Великобритания ставит свои боеголовки. Больше такого близкого сотрудничества нет ни между кем, в том числе и между США и другими союзниками по НАТО. Совместная система ПРО предполагает более близкие союзнические отношения, чем даже между США и Великобританией. Мы не можем разработать совместную систему стратегической ПРО, не являясь союзниками.

Что касается тактической ПРО, это другое дело. У нас нет тактических ядерных средств, которые бы могли достичь

стратегическим ядерным силам другой стороны и, во-вторых, не будут испытываться, чтобы придавать этим системам такую способность;

- системы нестратегической ПРО не будут развертываться сторонами для применения друг против друга;

- масштабы развертывания любой из сторон систем нестратегической ПРО - по количеству и географии развертывания - будут соответствовать программам в отношении нестратегических баллистических ракет, противостоящих этой стороне.

В этой связи Россия и Соединенные Штаты уделили в последнее время особое внимание разработке мер, направленных на обеспечение уверенности сторон в том, что их деятельность в области противоракетной обороны не приведет к обходу Договора по ПРО, приверженность которому стороны неоднократно подтверждали.

Для того, чтобы выполнить одно из основных обязательств по Договору по ПРО - обязательство не придавать системам, не являющимся системами ПРО, способность решать задачи борьбы со стратегическими баллистическими ракетами и не испытывать их в целях ПРО, - президенты поручили своим делегациям завершить подготовку договоренности, которая обеспечивала бы выполнение этого требования.

На переговорах в Постоянной консультативной комиссии /ПКК/ по проблеме разграничения систем стратегической и нестратегической ПРО Россия и Соединенные Штаты совместно

территории друг друга. И мы можем в порядке эксперимента создать такую эффективную систему оперативно-тактических ракет средней дальности, которую мы потом сможем поставить и другим цивилизованным странам. Здесь не требуется очень близких союзнических отношений. Это такое же сотрудничество, как например с Францией, когда мы предлагаем на наши прекрасные истребители Су-27 поставить французскую авионику и вместе торговать, так как это будет самый лучший летательный аппарат. Здесь нет больших проблем, кроме таких как алчность корпораций, которые хотят все получить себе, нежелание делиться прибылями, нежелание делиться, потому что технология не стратегическая, не жизненно-важная, но все же важная.

У нас разработана система, которая по целому ряду параметров превосходит развернутые американские образцы, и даже будущие американские образцы - это система С-400, которая пришла на смену С-300, которая уже работает - она по целому ряду принципов превосходит систему *Thaad*, которую американцы разрабатывают в качестве основы ПРО ТВД. Если использовать преимущества, поставив на нее американские микрочипы, американскую микроэлектронику, электронную базу чип, в которой США нас во многом превосходят, то это будет, наверное, самая лучшая система в мире, очень надежная. Тут выгода прямая и в экономии затрат для государств и в разделе прибыли для тех корпораций, которые разрабатывают и возможность ее совместной поставки странам, соответствующим стандартам неагрессивных цивилизованных государств.

- Как вы относитесь к вопросу сокращения российского ТЯО?

Рохлин: Называют смехотворную цифру, чуть ли не до 90 единиц сократить. К такому вопросу нельзя подходить огульно. Вполне возможно, что Россия должна перейти на сокращение ТЯО, но это должно быть обоюдно с США, т.е. ТЯО не должны быть размещены нигде.

Арбатов: Сокращать ТЯО мы все равно будем, а к 2003 году практически все, что сейчас стоит на вооружении - порядка 2500-3000 тактических боеприпасов - исчерпает свои гарантийные сроки. Останется только то, что последние годы производилось в небольшом количестве - это будет небольшое число единиц. Я бы пошел на полную ликвидацию ТЯО, но это нельзя сделать только в двустороннем порядке, придется привлекать другие ядерные

с Белоруссией, Казахстаном и Украиной успешно завершили переговоры по разграничению в отношении низкоскоростных систем нестратегической ПРО. Президенты отмечают, что в 1996 году были также достигнуты договоренности в отношении мер укрепления доверия и правопреемства в связи с Договором по ПРО. Президенты поручили своим экспертам завершить как можно быстрее для подписания в скором времени договоренность по высокоскоростным системам нестратегической ПРО.

Ни у одной из сторон не имеется планов проведения... до апреля 1999 года летных испытаний по баллистической ракете-мишени ракет-перехватчиков нестратегической ПРО, являющихся предметом договоренности по разграничению применительно к высокоскоростным системам нестратегической ПРО. Ни у одной из сторон не имеется планов создания систем нестратегической ПРО с ракетами-перехватчиками, скорость которых превышает 5,5 км/сек для систем наземного и воздушного базирования и 4,5 км/сек для систем морского базирования. Ни у одной из сторон не имеется планов испытаний систем нестратегической ПРО по ракетам-мишениям, оснащенным РГЧ ИН, или по боеголовкам, которые развернуты или запланированы к развертыванию на стратегических баллистических ракетах.

Элементами для договоренности по высокоскоростным системам нестратегической ПРО являются:

- скорость баллистической ракеты-мишени не будет превышать 5 км/сек;
- дальность полета баллистической ракеты-мишени не будет превышать 3500 км;
- стороны не будут создавать, испытывать или развертывать ракеты-перехватчики нестратегической ПРО космического

державы, а также учитывать соотношение обычных вооруженных сил и вооружений, потому что если не стратегические, то тактические ядерные вооружения могут служить дополнительной гарантией сдерживания широкомасштабной обычной войны на западе или на востоке. Если мы через соответствующие договоренности с НАТО и с Китаем решим эту проблему, тогда я не вижу никаких причин сохранять ТЯО, которое мало используемо, хуже хранится и представляет собой наибольшую опасность в плане хищения, несанкционированного использования, иными словами, оно гораздо более опасно, чем стратегическое.

- Как Вы видите перспективы неразмещения ТЯО вне пределов национальных территорий?

Арбатов: Я отношусь к этому положительно. С другой стороны, ТЯО может быть очень быстро переброшено, это не стратегическое оружие, а если мы договариваемся о том, чтобы сохранять его только в пределах национальных территорий, то нужно пойти и на значительное его сокращение. Для США это будет означать вывоз всех тактических ядерных боеприпасов из Европы и с Дальнего Востока. Если они на это пойдут, имея значительное превосходство в обычных вооружениях над Россией, я считаю, что это бы имело положительное значение. Хотя я не уверен, что они на это пойдут. Россия останется в Европе со своим ТЯО, а США уйдут? Наверное, они будут возражать против этого.

- Как Вы относитесь к идеи размещения ТЯО на территории Белоруссии?

Рохлин: Нечего кого-то дразнить. Если мы говорим о недопустимости движения НАТО к границе России, то мы не имеем права размещать ТЯО в Белоруссии.

- Изменится ли ситуация в российских СЯС с назначением нового министра обороны?

Рохлин: Я надеюсь. Это один из положительных моментов, хотя много и отрицательных. Дума должна выработать параметры на основании слушаний и выработать условия, на которых она может ратифицировать СНВ-3. Тогда не будет такого, что президент обещает, а Дума не выполняет.

-Каким должно быть участие других ядерных держав в процессе ядерного разоружения?

базирования, а также компоненты, основанные на иных физических принципах, способные заменять такие ракеты;

- стороны будут ежегодно обмениваться детальной информацией о своих планах и программах в отношении нестратегической ПРО.

Президенты отмечают, что технология нестратегической ПРО находится на ранних этапах своего развития и продолжает развиваться. Они согласны в том, что создание эффективной нестратегической ПРО при одновременном сохранении жизнеспособного Договора по ПРО потребует продолжения консультаций. В этих целях они подтверждают, что их представители в Постоянной консультативной комиссии будут обсуждать, как предусмотрено в Договоре по ПРО, любые вопросы или озабоченности, которые могут иметься у любой из сторон в отношении деятельности в области нестратегической ПРО, включая вопросы, относящиеся к соглашению по высокоскоростным системам, работа над которым должна быть завершена и которое будет основываться на настоящем Совместном заявлении двух Президентов, с целью предотвращения нарушения или обхода Договора по ПРО. Таким консультациям будет способствовать согласованный ежегодный обмен детальной информацией о планах и программах в области нестратегической ПРО.

Президенты также согласились, что имеется значительное поле для сотрудничества в области нестратегической ПРО. Они готовы изучить пути комплексного сотрудничества в области обороны и, среди прочего, по обеспечению раннего предупреждения применительно к деятельности в области нестратегической ПРО, по технологическому сотрудничеству в областях, относящихся к нестратегической ПРО, и расширению существующей программы сотрудничества при проведении учений в области нестратегической ПРО. (Хельсинки, 21 марта, 1997) (ИТАР-ТАСС, 22 марта).

Арбатов: Они уже в нем участвуют - они участники ДНЯО, ДВЗЯИ.

- Но ведь изначально они говорили, что подключатся к процессу разоружения, когда Россия и США сократят ядерное оружие наполовину.

Арбатов: Великобритания и США никогда не поддерживали такие идеи. Почему наполовину? Почему не на две трети? Их позиция состоит теперь в том, что когда Россия и США сократят вооружения до сотен единиц, тогда они могут присоединиться. Но, с другой стороны, для России это серьезный вопрос, потому что США, Великобритания и Франция - союзники. Их силы не направлены друг против друга, но в то же время в значительной степени направлены против России, и для России сравняться со всеми этими государствами - значит оказаться в очень большом отставании.

Я бы пошел по другому пути - я бы не стал всех выравнивать или говорить о каких-то квотах, о которых очень трудно будет договориться. С Великобританией и Францией Россия могла бы договориться, чтобы после СНВ-3 ограничить каким-то равным потолком БРПЛ - ну скажем по 800 для России и колективного уровня Великобритании и Франции, которые являются союзниками. Если Англия и Франция согласятся на это, то одновременно будет обеспечено и равенство России с этими государствами, с другой стороны, в России, помимо морских, останутся другие средства, по которым она в совокупности будет иметь равенство с США - наземные, воздушные.

Великобритания и Франция, если захотят, будут иметь право такие системы развернуть, но они никогда не будут это делать - здесь будут соблюдены все нюансы. Поскольку китайский интерес сдерживания направлен против России и США, а российский и американский - не только против Китая, но и друг против друга, то с Китаем можно было бы договориться о равных потолках, но на другие системы, например, наземных ракет шахтного базирования. Китай сейчас приступает к строительству таких межконтинентальных ракет. Если договориться о потолке в 200 единиц для России, США и Китая, то опять принцип равенства был бы соблюден - Китаю было бы не обидно, что он на втором и третьем месте, с другой стороны, Россия и США сохранили бы другие средства.

- Ваше отношение к новой военной доктрине?

Рохлин: Я ее не видел. И не знаю, существует ли она, так же как и концепция развития СЯС, которую мы требуем уже около года и говорим, что не будем рассматривать СНВ-2, пока не получим концепцию. У нас национальной безопасности в России заниматься некому. Нет людей и органа, который бы консультировал президента. Должен быть орган, работающий постоянно, вне зависимости от болезни президента, способный следить за безопасностью и оборонной страны. При смене президентов доктрина не должна меняться.

Арбатов: В рамках новой военной доктрины на СЯС возложены задачи сдерживания в случае широкомасштабной обычной войны, поскольку Россия сейчас чувствует себя слабой в этом отношении. В качестве некоего фундаментального принципа, говорящего о том, что в принципе держава, имеющая ядерное оружие, гарантирована и от широкомасштабной обычной агрессии, потому что никто не может гарантировать стопроцентно, что она никогда не применит ядерное оружие, если окажется в катастрофическом положении. Но в качестве стратегического оперативного принципа, предполагающего нанесение первого удара со стороны России и соответствующих сил, я бы категорически возражал против этой доктрины.

Если мы посмотрим на карту, все государства, с которыми Россия может столкнуться в оборонительных действиях, защищая свою территорию и территорию своих союзников, или имеют ядерное оружие и могут нанести ответный удар по России, или же это государства, которые не имеют ядерного оружия, но имеют достаточные обычные вооружения, чтобы в локальных конфликтах решить задачу безопасности. Поэтому как стратегическую оперативную концепцию я это расширенное стратегическое сдерживание, предполагающее возможность первого удара и соответствующие силы и оперативные системы управления, считаю

неправомерной. Против НАТО эти идеи не подействуют: - если эти угрозы произойдут и мы будем терпеть поражение в обычной войне, то у НАТО ядерное оружие тоже есть и в гораздо больших количествах, чем у нас. Ядерным оружием обладает и Китай. А такие страны, которые не имеют ядерного оружия как, они не имеют таких средств, которые бы спровоцировали нас к применению ядерного оружия. Поэтому я считаю, что это идея непродуманная и порочная. Имманентная способность применить ядерное оружие в крайней ситуации будет любого потенциального агрессора сдерживать. Но в качестве целенаправленной системы управления оперативного плана это самоубийственно.

Далее, мы бы могли обеспечить разработку новых поколений морских и наземных стратегических сил, которые нам понадобятся в течение последующих десятилетий при гораздо более низких количественных уровнях и в рамках договоров.

-Прокомментируйте заявление Ельцина по снятию боеголовок.

Рохлин: Грамотные люди прекрасно понимают, что ракета находится под жесточайшим контролем, и этот контроль охватывает процессы, происходящие в головной части, температуру ядерных боеприпасов, в каком они состояния, как работает на них автоматика, в каком состоянии температура топлива, в каком состоянии плотность топлива, все органы управления, как они функционируют. И если что-то не так, то немедленно принимаются меры. Если выключить систему на несколько часов, то может произойти обвальный процесс. Если снять боеголовку, ввиду того, что этот процесс прерывается (т.к. это все единое целое), нужно поставить имитатор. Чтобы изготовить имитатор, нужно открыть целое производство, открыть заводы, начать разработку.

Арбатов: Я думаю, президент в очередной раз не посоветовался со специалистами и придумал такую инициативу, которая или совершенно бессмысленна или грандиозна, но совершенно нереалистична.

У нас есть договоры с Великобританией, США и Китаем о ненацеливании стратегических ракет друг на друга. Но поскольку на стратегических ракетах не написано, куда они нацелены, это ненацеливание распространяется на все ракеты. Мера эта скорее символическая чем практическая, ибо она непроверяема. Следовательно, если подходит к заявлению Ельцина казуистически, то можно сказать, что нам не нужно снимать ни одной боеголовки, т.к. ни одна ракета не нацелена на США, Великобританию и другие государства НАТО. Если подходить к этому под влиянием того воодушевления, с которым президент Ельцин выдвинул эту инициативу, которая должна была произвести серьезный внешний эффект, то тогда надо снимать боеголовки со всех ракет, т.к. все наши ракеты, и наземные и морские, могут быть нацелены и достичь государств НАТО, если считать, что США - тоже государство НАТО, и наши ракеты на Тихом океане также достигают США. Таким образом, речь идет о 6000 боеголовок, и это грандиозная инициатива, в одностороннем порядке выдвинутая президентом Ельциным, обозначала бы одностороннее ядерное разоружение России, перевозку и складирование этих боеголовок неизвестно где, неизвестно на какие деньги. Она грандиозна, но абсолютно нереалистична - по сравнению с ней те договоры, о которых идет столько споров и с которыми возникает столько сложностей, как СНВ-2, - являются робким шагом на пути понижения ядерного баланса.

Поэтому президенту Ельцину не стоит обращаться так легкомысленно со столь серьезными сюжетами и надо взять пример со своих предшественников в советские времена, когда ни одно слово даже руководителя государства по этому поводу не могло прозвучать без проработки с участием специалистов. Иначе мы порождаем к себе неуважительное отношение среди тех, на кого Ельцин хотел произвести впечатление, ибо они понимают, что в столь серьезном и ответственном вопросе как ядерное оружие, за которое Россия несет ответственность не только перед своим народом, но и перед всем миром как одна из пяти ядерных держав, наша политика делается путем произвольных и абсолютно непродуманных необоснованных решений, рассчитанных только на внешний эффект. Это недопустимо.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА СТР. 1

боеголовки и что президент имел в виду отдаленную перспективу.

30 мая 1994 года президент Борис Ельцин объявил о том, что полетные задания ракет, нацеленных на США и Великобританию, обнулены. Это было сделано на основе Московской декларации президентов России и США, подписанный 14 января 1994 года, а также Совместного заявления Президента РФ и премьер-министра Великобритании от 15 февраля 1994 года. По этим взаимным договоренностям то же самое сделали и наши партнеры. Аналогичное соглашение давно имеется с Китаем.

Три года назад в российское стратегическое ракетное оружие было введено "нулевое полетное задание". Эта операция коснулась всего арсенала стратегических ракет. На практике это означало, что ракеты находятся на боевом дежурстве, в полной защите от несанкционированного пуска. Тем самым исключалась любая оплошность, техническая ошибка в подаче команды "на старт" для ракет. Если ложный командный сигнал и достигал пусковой ракеты, то "нулевое полетное задание" надежно нейтрализовало его, ракета оставалась на месте.

Полетное задание загружается в бортовой компьютер современной баллистической ракете непосредственно во время пуска в соответствии с оперативным планом, который сформулирован на центральном командном пункте Генштаба и (или) РВСН.

Как следует из бесед главы российского государства с американским и французским президентами, Борис Ельцин обозначил три этапа: на первом - изъятие программных карт из систем ракетного управления, на втором - демонтаж ядерных боеголовок, на третьем - уничтожение ядерного оружия.

Министр обороны ФРГ Фолькер Рюз разъяснил журналистам, что речь идет всего лишь о снятии с боеголовок программ нацеливания на конкретные объекты в Европе, а для демонтажа самих ракет нужны новые соглашения. А Жак Ширак уверен, что Ельцин говорил сразу о трех этапах: немедленном изъятии компьютерных карт с программами нацеливания, демонтаже ракет с отделением ядерных боеголовок и, наконец, уничтожении самих ядерных зарядов.

По мнению экспертов, парижская инициатива президента России о ненацеливании стратегических ракет на страны НАТО, кроме всего прочего, имеет очень дальнюю geopolитическую перспективу. Она связана с неурегулированностью проблемы вступлений в НАТО прибалтийских государств (*Независимая газета*, 28 мая, с.1-2, 6 июня, с.1, *Независимое военное обозрение* № 19, с.3, *Коммерсантъ-Daily*, 28 мая, с.1-3, *Сегодня*, 28 мая, с.3, 29 мая, с.3, *Известия*, 29 мая, с.7, с.2, *Красная звезда*, 29 мая, с.1, *сб.инф.*).

РОССИЯ ПОТЕРПЕЛА ПОРАЖЕНИЕ В «ЯДЕРНЫХ ДЕБАТАХ» С НАТО

«Государства-члены НАТО подтверждают, что не имеют намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеют необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидят необходимости делать это в будущем. Это подразумевает, что НАТО примет решение о том, что не имеет намерений, планов или причин создавать места хранения ядерного оружия на территориях этих стран ни путем строительства новых мест хранения ядерного оружия, ни путем приспособления старых мест хранения ядерного оружия». (Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора: IV, 2).

Таков сухой остаток переговоров между Москвой, Вашингтоном и Брюсселем в отношении будущего ядерного оружия в Европе, завершившихся в Париже подписанием Основополагающего акта. Угроза размещения ядерного оружия в новых государствах-членах НАТО, согласно официальной позиции, была одной из ключевых причин (хотя и не единственной), вынуждавших Москву резко возражать против расширения НАТО на Восток. Среди других военно-политических факторов, вызывавших беспокойство Москвы, особое место занимал вопрос обычных вооружений. Ему, заметим, в Парижском документе отведено гораздо больше места, чем «ядерному вопросу».

Отечественным стратегам известно, что НАТО не только декларативно, но и реально пересмотрела вопрос о роли ядерного оружия в Европе и продолжает политику его свертывания. Ставка делается отнюдь не на ядерные вооружения, а на современные виды обычных вооружений, прежде всего на высокотехнологичное оружие (см. в этом номере статью Виталия Цымбала, стр. 39-43). У НАТО нет никаких видимых причин размещать ядерное оружие или строить склады для его дальнейшего размещения ни на территории «новых членов», ни на территории «старых». Ядерное оружие не выполнило бы там ни военных, ни политических функций. По крайней мере в нынешних условиях. Но и в ближайшей перспективе не просматривается какое бы то ни было стечье обстоятельств, которое вынудило бы НАТО пересмотреть свою «триединую политику»: нет намерений, нет планов, нет причин.

Для России, для отечественной дипломатии вопрос о ядерном оружии в Европе в контексте предстоящего расширения НАТО был в гораздо меньшей степени вопросом реальных военных опасений. Но в гораздо большей степени – вопросом принципов. Россия принципиально не могла допустить, чтобы статья V Вашингтонского договора действовала и в отношении таких государств, как Польша или Чехия. К тому же, российские дипломаты, исключая возможность появления ядерного оружия НАТО на востоке Европы сегодня и завтра, хотели бы подстраховаться и получить юридически обязательный документ, исключающий эту ситуацию когда бы то ни было в будущем, потому что в свое время Москву уже давали заверения об отсутствии «причин, планов и намерений» в каком бы то ни было расширении НАТО. Теперь это все забыто. Бумага сохранила лишь стенографические записи бесед и пометки переводчиков. Что является любопытным документом для историков, но и только.

Но принципами пришлось поступиться. Российская риторика об адекватных мерах была по сути проигнорирована НАТО, где правильно (и, видимо, без труда) оценили ситуацию и сделали вывод, что за намеками о Белоруссии и Балтийском флоте не стоит ничего, кроме попытки поблефовать. Россия оказалась совершенно бессильна заблокировать, приостановить или даже затянуть решение вопроса о расширении НАТО на Восток. Более того, Россия не смогла получить ни одного рычага влияния на то, кто все-таки будет принят в НАТО и сколько «серий» это расширение будет иметь. Единственное, что получило российское руководство, так это возможность сохранить лицо, заключив Основополагающий акт и обеспечив сопредседательское кресло в Совместном постоянном совете.

НАТО лишь подтвердила свое декабрьское заявление в отношении ядерного оружия и включила его в этот совместный с Россией документ. Мы не имеем гарантий, что мадридское решение в отношении Польши, Чехии и Венгрии уже в самое ближайшее время не распространится на Словению и Румынию, а затем, при известном повороте событий, на Словакию. Мы не можем исключать, что уже в скромом времени в НАТО будут приняты Австрия и Швеция, а со временем – Эстония, Латвия, Литва и Украина. НАТО сохраняет свое тактическое ядерное оружие в Европе. 200 единиц такого оружия находятся, в частности, в Германии, Бельгии, Греции. Никто не пообещал России убрать это оружие из Европы. Заявление президента Ельцина о том, что Россия рассматривает размещение ядерного оружия ядерными государствами за пределами своих национальных территорий как форму распространения, опять же было попросту проигнорировано. Предложение о выработке договоренности о неразмещении «ядерной пятеркой» своего ядерного оружия за пределами национальных территорий напоткнулось на стену молчания.

Отвечая на вопросы агентств ИТАР-ТАСС и Франс Пресс об Основополагающем Акте с НАТО, президент Ельцин заявил, что "негативные последствия расширения НАТО будут сведены к минимуму. Это касается прежде всего неразмещения ядерного оружия". В документе удалось закрепить обязательство, именно обязательство НАТО по неразмещению такого оружия и не подготовке к его размещению. Причем на территории новых членов альянса не только не будут создаваться любые виды хранилищ для ядерного оружия, но и не будет переоборудования хранилищ, которые остались от Варшавского Договора. Сформулирована установка на сокращение тяжелых вооружений на континенте. Есть твердое понимание, что ни наращивания сил альянса, ни каких-либо дополнительных постоянных размещений сил НАТО вблизи наших границ и подготовки инфраструктуры для этого не будет. Создается механизм консультаций и сотрудничества между Россией и альянсом. Он позволит на равноправной основе совместно обсуждать и решать вопросы безопасности в Европе. При этом мы полностью сохранили нашу негативную позицию в отношении планов расширения НАТО. Проверку выполнения обязательств, принятых на себя государствами-участниками, обеспечивает совместный механизм консультаций. Мы можем в любое время поставить в рамках этого механизма любые вопросы, затрагивающие жизненно важные интересы Российской Федерации". (Российская газета, 22 мая, с.1)

Следуя высказываниям госсекретаря США Мадлен Олбрайт, политические обязательства Акта не являются юридическими и могут быть отозваны назад в случае изменения политического климата. Однако в тексте "Основополагающего акта" зафиксировано, что союзники по НАТО не имеют ни намерений, ни планов, ни причин размещать ядерное оружие на территориях новых членов ни сейчас, ни в будущем (См. об этом редакционную статью на стр.15).

Москве удалось добиться в той части документа, где фиксируется положение о трансформации НАТО, формулировки, определяющей, что усиление боевых сил альянса возможно лишь при условии:
а) агрессии на территории одного из членов;
б) проведения миротворческих операций;
в) проведения маневров.

В части, касающейся трансформации альянса, сформулированы такие позиции как:

- усиление политического элемента НАТО;
- усиление миротворческого элемента, т.е. отход от использования сил блока только в соответствии с 5-й статьей Вашингтонского договора о коллективной безопасности;
- усиление европейского элемента.

Таким образом, Россия как бы получает гарантии того, что альянс обретает более мирный, политический характер. ОБСЕ упоминается в документе как универсальная организация общеевропейской безопасности, а также говорится о необходимости разработки Хартии общеевропейской безопасности,

создать которую было решено на лиссабонском саммите ОБСЕ.

В "Основополагающем акте" полностью снято упоминание о фланговых ограничениях, сковывавших Россию в течение последних лет. Кроме того, по настоянию Москвы альянс соглашается с переходом с блоковых на национальные "потолки" по обычным вооружениям. В тексте документа вообще не содержится никаких цифр по ограничениям вооруженных сил, что также имеет существенное значение для России.

Достигнута договоренность, что при модернизации Договора ОВСЕ будут сохранены все ограничения, которые сейчас там зафиксированы для военных блоков. Таким образом, в ситуации, когда из двух военных союзов остался лишь один - НАТО, эти ограничения, соответственно, будут касаться только Североатлантического альянса, но не России. В целом же формулировка по ДОВСЕ наметила базовые элементы его адаптации к новым условиям.

Окончательный текст не содержал многое из того, о чем была достигнута договоренность между Россией и НАТО, например о неразмещении на территории новых членов альянса крупных воинских соединений на долгосрочной основе. (текст Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и Организацией Североатлантического договора, Российская газета, 28 мая, с.1-5, Независимая газета, 22 мая, с.5)

По мнению помощника председателя комитета по экономической политике Госдумы Антона Сурикова, в случае, если СНВ-2 не будет ратифицирован, есть возможность изыскать и "защитить" средства на открытие НИОКР по воссозданию на российской научно-производственной базе "тяжелых" ракет РВСН, взамен тех, произведенных на Украине, что стоят сейчас на вооружении, и на программы по тактическому ядерному оружию, воссозданию ракетного комплекса Ока, значение которого возрастет в связи с расширением НАТО на Восток. В рамках СНВ-3 предлагаются процедуры ликвидации ядерных боеголовок с целью обеспечения необратимости сокращений, чего нет в СНВ-2. По СНВ-3 через десять лет у США и России будет по 2000-2500 боеголовок, что, с экономической точки зрения, предпочтительнее СНВ-2. В то же время он уступает варианту в рамках ныне действующего соглашения СНВ-1, требующего продления сроков эксплуатации стоящих на вооружении ракет, что дешевле их ликвидации. При продлении сроков эксплуатации станет вопрос о снижении надежности. Сегодня на вооружении уже есть ракеты, выработавшие по два-три гарантийных срока.

Другой аргумент против СНВ-3 - неясность судьбы договора по ПРО 1972 года. Ельцин поддержал предложение США, разрешающее перехват целей в космосе, летящих со скоростью 5 км/сек, и таким

образом способствовал активизации работ в области стратегической обороны, заявленной как тактическая. Ранее МИД России настаивал на цифре 3 км/сек. Более того, противоракетные системы воздушного и наземного базирования теперь могут иметь скорость 5,5 км/сек., а морского базирования - 4,5 км/сек. Это означает, что в условиях присутствия флота и авиации США в Баренцевом и Охотском морях, где патрулируют отечественные стратегические подводные лодки, под прицел попадут наши морские ракеты на начальной фазе полета, где они наиболее уязвимы. В части реакции на расширение НАТО, основные моменты - это воссоединение с Белоруссией, стратегическое партнерство и широкое военно-техническое сотрудничество с Китаем, Индией, Ираном и арабскими странами. Наконец, это вытекающая из недееспособности наших обычных сил ставка на использование первыми оружия массового поражения.

Согласившись де-факто с расширением НАТО на Восток, считает г-н Суриков, Ельцин в Хельсинки взамен ничего не получил. США пообещали, что в будущем соглашении будет зафиксировано положение о неразмещении альянсом тактических ядерных вооружений на территории новых членов. Однако их отсутствие в мирное время вовсе не означает, что при наличии подготовленной инфраструктуры они не могут быть оперативно доставлены туда в угрожаемый период. В Хельсинки было заявлено, что НАТО не собирается использовать созданную ранее военную инфраструктуру: аэродромы, военно-морские базы, склады вооружений и боеприпасов, узлы боевого управления и связи, коммуникации. Однако сейчас эти объекты уже активно используются армиями Польши, Венгрии и Чехии. (Завтра № 18)

Министр обороны Франции Шарль Мийон представил парламенту результаты исследования, проведенного французскими спецслужбами и касающегося численности ядерного арсенала России. Согласно данным г-на Мийона, российский ядерный боезапас остается весьма внушительным и намного превосходит боезапас США. В настоящее время российский запас ядерного оружия превышает максимальную цифру, установленную договором СНВ-1, на 10%. Озабоченность представителей французского военного ведомства вызывает тот факт, что после транспортировки тактического ядерного арсенала из союзных республик в Россию, закончившейся в мае 1992 году (а стратегического - в 1996), никакие международные нормы не обязывают Россию сообщать, сколько боеголовок находятся в боевой готовности, а сколько просто складированы.

Труднее всего контролировать число тактических боеголовок. По информации некоторых западных экспертов, в России их от 10 до 20 тысяч; по мнению французских специалистов - от 18 до 20 тысяч. Эти рамки министр обороны Франции считает более вероятными. Кроме того, французские эксперты утверждают: маловероятно, что

перевезенные из бывших республик СССР тактические боеголовки уничтожаются. Скорее всего, они просто пополнили ядерный арсенал России. Сегодня, по заключению Шарля Мийона, стратегические ядерные силы России остаются единственным видом вооруженных сил, находящимся практически в полном порядке. По данным французов, еще в прошлом году Россия обладала 1260 ядерными межконтинентальными ракетами класса "поверхность - поверхность", ракетами на подводных лодках и самолетах, способными выпустить в общей сложности 6647 ядерных боеголовок (каждая такая ракета способна нести несколько боеголовок).

Если верить французским источникам, Россия сняла с вооружения межконтинентальные ракеты СС-13 и СС-17, однако при этом модернизировала моноблочные СС-25. Далее она сняла с вооружения свои подлодки, которые по западной классификации называются "Янки-1" (с ракетами СС-Н-6), а также "Дельта-1" и "Дельта-2" (ракеты СС-Н-8) и свою первую "Дельту-3" (ракеты СС-Н-18). СНВ-2 предусматривает переориентацию существующей ядерной модели России путем ликвидации в первую очередь ракет и бомбардировщиков, которые считаются оружием первого удара, и переноса акцента на подлодки, которые рассматриваются как оружие второго удара и остаются самым слабым звеном российского ядерного потенциала.

Французский министр обеспокоен той помощью, которую российские советники оказывают Пекину в модернизации его ядерного арсенала. Это содействие, по данным *Le Monde*, распространяется на ракетные двигатели и включает продажу двух ядерных реакторов для гражданских целей. Благодаря такой помощи, КНР к 2005 году создаст новое поколение межконтинентальных ракет с дальностью полета 12000 километров (сегодня - 8000 километров), которые смогут угрожать Европе и Соединенным Штатам (*Известия*, 5 мая с.2, 7 мая, с.3, *Коммерсант-Daily*, 8 мая, с.4).

22 апреля *Известия* опубликовали статью Юлии Латыниной "Госдеп США перепутал голливудский боевик с российской прозой". В публикации речь шла о выборе посреднической фирмы в российско-американской урановой сделке.

В феврале 1993 года было подписано соглашение между правительствами России и США "Об использовании высокообогащенного урана (ВОУ), извлеченного из ядерного оружия". ВОУ разбавляется природным ураном, и получается низкообогащенный уран (НОУ), служащий топливом для атомных электростанций. Первоначальная идея принадлежала специалисту по ядерной политике из Массачусетского технологического института Томасу Неффу. Предпринятые Россией в 1992 году попытки выйти на мировые рынки натолкнулись, помимо технических проблем, на жесткие антидемпинговые меры. Сфера влияния на них уже были поделены. Немногие страны, которые обладают технологиями строительства АЭС и обогащения урана,

строят в регионах своего влияния станции, приспособленные для поставляемого ими же топлива. Чтобы продать хоть что-то, надо было договариваться с крупнейшим участником рынка, то есть с США. Соглашение, подписанное в начале 1993 года, предусматривало продажу США 15,5 тыс. метрических тонн НОУ (или 500 тонн ВОУ). Российские производители разбавляют природным ураном оружейный ВОУ. Но расценки по обоюдному согласию сторон установлены как за обогащение природного урана. В 1995 году было продано 6 тонн, в 1996 - 12, в 1997-2001 планируется продать еще 132 тонны.

За услуги по обогащению платили немедленно, а за сырьевую уран (28,5 доллара за килограмм) - только тогда, когда USEC его продавала или использовала. При этом контроль за движением российского материала практически невозможен, т.к. он лежал на одном складе вместе с НОУ, полученным американцами из других источников. Таким образом, американцы с 1994 года, когда был заключен контракт, перечислили за сырьевую компоненту всего несколько десятков миллионов долларов. Минфин еще накануне заключения контракта предупреждал, что такие его условия приведут "к скрытому беспроцентному кредитованию объектов атомной энергетики и обогатительных заводов США... при этом размер подобного кредитования может достигнуть к 2013 году расчетно более 4 млрд. долл. США (исходя из предполагаемой контрактной цены сырьевых компонент)". Кроме того, спекулянты из финансового ведомства указывали и на пункт контракта, которыйставил перевод денег за сырьевую составляющую в зависимость не только от сроков реализации, но и от наличия средств у правительства США. Кредитором стало предприятие Минатома АО Техснабэкспорт.

Деньги за обогащение перечислялись заводам, а деньги за сырье должны были перечисляться в бюджет. Но так как бюджет хронически недофинансировал атомную промышленность, то Минатом регулярно получал позволение распоряжаться этими деньгами в счет невыплаченных бюджетных средств. Так продолжалось до марта 1996 года, когда президент Клинтон решил продать USEC в частную собственность. Согласно секции 31126 закона о приватизации USEC корпорация была освобождена от оплаты сырьевых составляющих.

Вывезти сырье в Россию не позволяет американское законодательство. Таким образом, Россия получила свой уран на территории США. России предложили на выбор: два пути: либо США сами устроят аукцион по продаже российского урана, либо Россия начнет искать партнеров самостоятельно. Испугавшись гнева немногочисленных участников крайне специфического рынка урана и как следствие бросовой цены на аукционе, Россия выбрала второй вариант.

Основными конкурентами стали тандем канадская корпорация Камеко (Cameco) (добычающая 20% всего урана в мире) и французская обогатительная фирма

Кожема (Cogema) (снабжающая НОУ почти всю Западную Европу и контролирующая рудники на африканском континенте, добывающие еще 20% мирового урана) и тандем Плеядес (Pleciades) (США) - Нулем (Nukem) (Германия).

Россия парофировала оба контракта. Наиболее существенно для России, сколько она получит за проданный уран и насколько скоро. Конечно, в интересах России поддерживать стабильный рынок урана. Кожема и Камеко давно зарекомендовали себя на рынке надежными партнерами. Обе производят уран, имеют опыт подобных сделок, свою клиентуру, значительную долю в урановом рынке, и, соответственно, заинтересованы в стабилизации рынка. Ни Плеядес, ни Нулем урана не производят. Правда, Нулем - достаточно известная среднемасштабная посредническая фирма, но она является только брокером, что же до Плеядеса, то его директора Александра Шусторовича подозревают в тесных связях с российским министром Михайловым.

Цены, которые обе пары компаний предлагают за российский уран приблизительно равны. Но другие условия сделки существенно разнятся: и Камеко, и Плеядес обещают заплатить 100 миллионов долларов предоплаты. Далее, Камеко - Кожема готовы рассчитываться уже через 30-60 дней после каждой поставки (такой срок принято отводить для проверки качества материала) по ценам вторичного рынка (34 доллара в первый год и 31 - в последующие четыре). Это бы также отвечало первоначальной идее перевозить уран сначала в Канаду, а потом уже в Россию, т.к. Канада на вывоз природной компоненты российского урана ограничений не имела. Плеядес-Нулем собирается платить через 24-30 месяцев. Такую отсрочку они объясняют необходимости "придержать" товар, чтобы продать его в тот момент, когда цены на рынки наиболее высоки. С этой же целью они предлагают создать совместное с российской стороной предприятие-склад на территории США. Пару лет назад другой зарубежный торговый партнер Техснабэкспорта - компания Конкорд также уговорила российскую сторону подождать пока цены поднимутся. В результате на Конкорд до сих пор должен 160 млн. долларов, которые должны были поступить в бюджет.

Помимо возможной связи Плеядеса с коррупцией, еще одно обстоятельство насторожило США - фирма обещает употребить деньги, полученные от продажи урана, на приобретение доли в приватизируемой USEC. Для России это могло бы оказаться колossalным успехом - таким образом, Россия берет под контроль часть американского рынка урана, а также получает частичный контроль и возможность участия в принятии решений компанией, имеющей отношение не только к мирному атому, но и к оружейной компоненте.

Критики варианта Камеко-Кожема, прежде всего сам Виктор Михайлов, говорят об угрозе монополизации рынка этими действительно крупнейшими в своей области компаниями. По его словам,

Кожема -Камеко хотят закупить весь природный уран -500 тонн, предусмотренные на все время действия соглашения -20 лет. А новый исполнительный контракт, который Россия подписала в конце 1996 года на пять лет, предусматривает утилизацию только 132 тонн урана (это около 12% наших запасов на сегодня). В контракте также записано, что Минатом РФ отдает свой рынок в США -они будут сами реализовывать российский уран по квотам, которые предоставлены России. Это абсолютно для нас неприемлемо. Другие эксперты указывают, что мощности Кожемы уже и так под завязку заняты обогащением того урана, который добывается в Канаде. Они надеются, что, получив от Технабэкспорта природный уран, Камеко разместить заказ по его обогащению на российских предприятиях. Специалисты также выражают опасения, что указанная Виктором Михайловым цена 32 доллара за килограмм при продаже урана Плейдес -Нукем (а не 31, как Кожема -Камеко) мало соответствует действительности.

Вариант с организацией склада чреват серьезными рисками для российских переработчиков БОУ (это прежде всего Сибирский химический комбинат, г.Северск; "Маяк", г.Озерск; Уральский электрохимический комбинат, г.Новоуральск). По правилам валютного контроля любое предприятие, экспортирующее товар, должно не позднее, чем через 180 дней отчитаться о поступлении выручки на его счет или о репрессии товара. Если это не происходит, на экспортёра налагаются санкции. Проект Плейдес предполагает отсрочку платежа на 2-2,5 года, и если его участникам не удастся добиться для себя исключения, последствия могут быть непредсказуемыми.

Выбору партнера может быть дано и другое объяснение - проданный через дружественную Минатому фирму, уран окажется на территории СП в США, неподконтрольному российскому законодательству и казне. СП сможет распоряжаться ураном на 4 млрд. долларов. Т.к. соглашение межправительственное, его можно будет (например, при смене правительства) аннулировать, а переведенные за рубеж "отмытые" деньги чиновники поделят. Здесь также может переводиться за рубеж частный капитал.

Однако даже эти проблемы отошли на второй план - и в выступлении Виктора Михайлова на правительственном часе в Думе и на парламентских слушаниях *"Проблемы утилизации урана и плутония"* речь шла, в основном, о расторжении соглашения по продаже урана США. Под угрозой оказалась дальнейшая судьба урановой сделки, а также возможность заключить аналогичные соглашения и по другим расщепляющимся материалам в дальнейшем - предполагается, что вопросы дальнейших поставок стратегических материалов будут регулироваться федеральным законодательством. Депутаты настаивают, что выполнение обязательств по контракту нужно прекратить, а поскольку квоты на продажу выделяются каждый год, на последующие годы выделять 0 или же вообще расторгнуть

соглашение. По их мнению, разделенному многими из присутствовавших, продавать уран в нынешних условиях России невыгодно - уран и другие ядерные материалы являются стратегическим достоянием России и в дальнейшем может быть использовано в гражданских энергетических реакторах, например, в составе МОКС-топлива.

О необходимости продолжить выполнение контракта говорят Минатом и МИД. Эта сделка, по их мнению, дает России возможность выйти на мировой рынок урана - однако, сложно предположить, что США станут проводником России на этом рынке - достаточно вспомнить, что еще в сентябре 1996 года *New York Times* опубликовала статью, в которой шла речь о том, что USEC сопротивлялась выполнению контракта. Безусловно необходимая для выживания Минатома в начале 90-х, сейчас сделка искривила себя и теряет целесообразность. Об этом в неофициальных беседах говорят и высокопоставленные чиновники Минатома. И если на настоящий момент Россия и не осталась без сырьевой базы, как утверждают депутаты и некоторые СМИ, то запасы урановой руды, единственное месторождение которой на территории России - Аргунское (основные месторождения урановой руды, которые разрабатывал СССР, находятся на территории среднеазиатских республик), действительно истощаются в течении нескольких десятилетий. Депутатов настораживает также и то, что США свой БОУ, извлеченный из демонтируемых боеприпасов, оставляют, и то, что согласно одному из пунктов соглашения при определенных условиях возможна продажа США и неразбавленного БОУ. Дума также требует возвращения в государственную собственность приватизированных в ущерб национальным интересам предприятий атомной промышленности. При этом сохраняется вероятность увеличения объема финансирования оборонного заказа Минатома для выполнения международных договоров в области ограничения и сокращения ядерных вооружений и обеспечения безопасности при обращении с ядерными боеприпасами, их разборке, хранении и дальнейшей утилизации (*"Независимое Военное Обозрение"*, 25 апреля, с.1-2, *Известия*, 22 апреля, с.1, *Итоги*, 6 мая, с.44-46, выступление Виктора Михайлова в Госдуме, 25 апреля, *"Независимая Газета"*, 24 апреля, с.1, *Век*, №15, с.7, *Новая газета*, 28 апреля, *Интерфакс*, 23 апреля, *Эксперт*, 15-21 апреля, соб.инф.).

Согласно распоряжению Правительства РФ от 17 мая 1997 г. № 677-р г.Москва, в целях подготовки к IX сессии Российской-Американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству, поручается

1. Минатому России совместно с МИДом России и Миннаукой России рассмотреть предложение Американской Стороны о продлении срока действия Соглашения между СССР и США о научно-техническом сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 1 июня 1990 г. В ходе переговоров исходить из необходимости создания долгосрочной

основы сотрудничества и продления срока действия Соглашения не менее, чем на 1,5 года.

2. Минатому России и МИДу России проработать с Американской Стороной все аспекты научно-технического сотрудничества в условиях действия Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, включая вопрос о поставке из США для российских ядерных центров 2 суперЭВМ. (*Российская газета*, 28 мая, с.5).

Согласно *Постановлению Правительства РФ N 647-р от 30 апреля с.г., предусмотрено выделение средств по секвестрированным показателям федерального бюджета страны на 1997 год. Расходы на национальную оборону после секвестра составили 83,17 трлн руб, в том числе, на строительство и содержание Вооруженных Сил Российской Федерации - 67,22 трлн руб. (цифры «досеквестрового» бюджета-97: 104,3 и 88,4 трлн.руб. соответственно). В то же время расходы Минатома по бюджету секвестра не затронул (расходы Минатома по бюджету на 1997 г. - 2,1 трлн руб.; после секвестра - 2,1 трлн руб.).*

Известия указывают на то, что коммерческие банки борются за право предоставить Минатому вексельные кредиты (900 миллиардов в долг Российскому космическому агентству и Минатому) под очень низкие проценты. Минфин провел несколько конкурсов среди коммерческих банков на предоставление кредитов бюджетным организациям под свою гарантию. Пять банков победили в борьбе за праводать вексельный кредит РКА и Минатому. Это международный промышленный банк, Собинбанк, Московский национальный банк, Ерофинанс банк и Нефтехимбанк. Проценты колеблются от 1,5 до 2 годовых, что значительно ниже, чем того требует рынок. По мнению авторов, кому-то выгодны финансировать бюджетных потребителей через коммерческие банки. Счетная палата оценивает суммы выплат бюджета за кредиты коммерческих банков в течение двух последних лет в 5,6 триллиона рублей. Схема получения выгоды от "невыгодного" кредита может выглядеть следующим образом. Банк предлагает заемщику обналичить свои векселя досрочно, но с большой скидкой. Допустим, по полмиллиарда наличных за вексель в миллиард. В итоге ведь банк от Минфина получит весь миллиард, да еще с процентами. В таком случае размер процента не имеет значения, а бюджет несет прямые потери в размере скидки. Банк может также договориться с заемщиком, что даст ему деньги не в сроки указанные в договоре, а, например, через месяц после того, как Минфин расплатится с самим банком. То есть банк отдает бюджетным клиентам бюджетные же деньги, предварительно их прокрутив на рынке (*Известия*, 31 мая, ИРЗ, 1 июня).

30 мая в соединении атомных подводных лодок Камчатской краснознаменной флотилии затонула атомная подводная лодка проекта 670 1970 года изготовления, вышедшая из

строя 4 года назад и ожидавшая утилизации. Официальные лица отрицали, что в корабле были пробоины и что субмарина представляла источник радиоактивной опасности. Как сообщили в Дальневосточном порту Петропавловска-Камчатского, пробы на наличие радиации берутся каждые полчаса, и ее уровень остается нормальным. По словам представителей МЧС, ядерный реактор на борту был заглушен, ядерного топлива на АПЛ не было, отрицаются сообщения, в которых говорилось, что корпус субмарины был поврежден при столкновении с другим судном. По сообщениям ИТАР-ТАСС и Интерфакс, подводная лодка затонула на глубине 55-60 футов. Ведутся работы по подъему судна (НВО, №20, с.3, Reuter, 31 мая).

14 мая министр обороны России Игорь Родионов и министр обороны США Уильям Коэн подписали совместное заявление о сотрудничестве в военной области, которое заменит устаревший межведомственный меморандум, подписанный в 1993 году.

Согласно документу, только на этот год запланировано более 100 различных совместных мероприятий — визитов военных делегаций разного уровня, обмена слушателями академий, заседаний экспертных рабочих групп по вопросам военной реформы, нераспространения ядерного оружия, адаптации договора о противоракетной обороне.

Министры окончательно договорились о строительстве на заводе имени Кирова в Перми объекта по уничтожению двигателей стратегических ядерных ракет, их корпусов и содержащегося в них твердого топлива.

Подряд получила корпорация Lockheed, финансирование полностью берут на себя США. К декабря 2002 года в Перми должно быть уничтожено около 12,5 тыс. тонн твердого топлива и 410 ракетных корпусов. Американская сторона объявила о размещении контракта на сумму 52,4 млн долл. для уничтожения 410 российских МБР SS-24, SS-25 и SS-N-20 и 916 двигателей, сокращаемых по Договору СНВ-2. Под руководством компании Lockheed-Martin вести строительство и работать на объекте будут россияне. А всего из бюджета Пентагона в армейские кассы России поступят 296 миллионов долларов — все исключительно для ускорения демонтажа стратегических ракет России.

Некоторые российские СМИ распространили сообщение американской прессы о том, что недавние нарушения в работе оборудования, контролирующего огромный ядерный потенциал России, самопроизвольно несколько раз приводили ядерные ракеты в боевое положение, что увеличивает риск несанкционированного удара по Соединенным Штатам. Министр Родионов убеждал журналистов, что, невзирая на все финансовые трудности, система управления стратегическими ядерными силами финансируется в прежних объемах. Реализованные в РВСН организационные и технические мероприятия по предотвращению несанкционированного применения

ядерного оружия, перевода в боевой режим работы средств управления исключают даже минимальную вероятность подобных ситуаций. За почти 38-летнюю историю РВСН никаких сбоев в обеспечении контроля за ядерными ракетами не было. Министр Коэн также подтвердил, что нет оснований беспокоиться за надежность российских систем управления стратегическими ядерными силами. "Вопрос на будущее — сократить до гораздо более низкого уровня стратегические вооружения, имеющиеся сейчас и у США, и у России", добавил Уильям Коэн. Поэтому я надеюсь, что российская Госдумаratифицирует Договор СНВ-2, чтобы мы могли быстро перейти к обсуждению СНВ-3 и значительному снижению уровней вооружений по сравнению с сегодняшним днем". (Коммерсант Daily, 15 мая, с.4, Независимая газета, 15 мая, с.2, Известия, 17 мая, с.3, ИТАР-ТАСС, 14 мая, Красная звезда, 15 мая, 16 мая, с.1).

Директор ФСБ Николай Ковалев сообщил о раскрытии возможного крупного теракта на одной из атомных электростанций России. По его словам, аноним, позвонивший с угрозами в Администрацию Президента России, был арестован. Он, по словам директора ФСБ, "имел реальную возможность совершить задуманный теракт". Однако, считают работники ЦОС ФСБ, не следует понимать его слова буквально — АЭС имеет несколько степеней защиты и у преступника не было возможности их преодолеть. Дело передано в прокуратуру города, где находится АЭС — еще не решено, будет ли применена к преступнику уголовная или административная ответственность. Ответственный работник Минатома, в чье непосредственное ведение входят проблемы физзащиты АЭС, о предотвращенном теракте узнал от корреспондента ЯК. Впрочем, по его словам, если ситуация с невыплатами зарплат на АЭС продолжится, террористы перейдут от угроз к действиям (Красная звезда, 8 мая, с.1, соб.инф.).

Россия-Украина

Россия скорее всего откажется от приобретения у Украины группировки стратегических бомбардировщиков. На украинских военных аэродромах в Прилуках (Черниговская область) и Узине (Киевская область) дислоцируется 19 самолетов Ту-160 и 21 — Ту-95МС, которые остались там после распада СССР. Два года назад планировалось приобрести у Украины 10 бомбардировщиков Ту-160 и 15 — Ту-95МС, а также несколько сот крылатых ракет, которые способны нести эти самолеты. Сегодня Россия не может принять такое количество самолетов, поскольку нет средств на ремонт бомбардировщиков, которые украинская сторона длительное время не обслуживала должным образом. Более 60 процентов самолетов уже не боеготовы. "В условиях реформирования и сокращения вооруженных сил приобретать такую авиационную группировку нецелесообразно", — сказал вице-премьер РФ Валерий Серов. Вице-премьер сообщил, что пока окончательного

решения по этой проблеме не принято и вопрос находится в стадии рассмотрения.

На заседании украинско-российской смешанной комиссии по сотрудничеству 28 мая в Киеве экспертам двух стран было поручено в месячный срок согласовать методику расчета окончательной стоимости авиационной группировки, базирующейся на Украине. Военные эксперты в Киеве признают, что у Украины нет возможности обслуживать или переоборудовать Ту-160 и Ту-95, поскольку необходимая техническая документация находится на российских предприятиях. По данным украинских военных, только на содержание этих бомбардировщиков на базах без топлива и тренировочных полетов ежегодно расходуется более 700 тысяч долларов (Интерфакс, 10 июня).

Литва

10 июня органами безопасности Литвы было конфисковано около 69 кг (154 фунта) урана, украшенного с Игналинской АЭС 5 лет назад, из них около 20 кг (44 фунта) было конфисковано в непосредственной близости от Игналины в подземном тайнике, остальные 49 (по данным Интерфакса — 30 кг) около Вильнюса в городе Висагинас. Конфискованный материал — лишь часть из похищенных с Игналины в 1992 году 99 кг (22 фунтов). По мнению официальных лиц Литвы, оставшаяся часть урана, которую так и не нашли, была продана. "Мы завершаем работу, которую вели в течение последних трех лет", — заявил Вытаutas Потиunas, который возглавляет расследование по украденному урану. По его словам, три человека, подозреваемые в хищении — сотрудники службы безопасности Игналинской АЭС, находятся под следствием. Также среди подозреваемых находился и один инженер с завода, но ввиду отсутствия свидетелей он былпущен. "Теперь у нас есть практическая информация и суд может состояться в течении нескольких месяцев", — заявил Потиunas (Reuter, 12 июня). Как сообщил прокурор Висагинаса Геннадий Ефимов, один из подозреваемых в хищении — инженер Ренат Салихов — до сих пор не найден и скрывается либо в России, либо в одной из южных республик бывшего СССР. Местонахождение урана установлено в ходе допросов подозреваемых в хищении радиоактивного топлива с ИАЭС в 1992 году (Интерфакс, 11 июня).

Афганистан

10 мая в Кабуле министерством внутренних дел исламистского движения Талибан арестованы два человека за попытку контрабанды из страны контейнера с ураном. Один из контрабандистов Мохаммед Эхсан находится под следствием. На стальном контейнере тускло-серого цвета 15 см в высоту, завернутом в ткань, обнаружили надписи на кириллице. Предполагается, что и в другом контейнере, изъятом несколько ранее, содержится уран. Однако для окончательных утверждений требуется провести экспериментальный анализ материала (Reuter, 10 и 18 мая).

ДОКУМЕНТ**ДОГОВОР О ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМ ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ**

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО СМ. В №№ 26-29.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 К ДОГОВОРУ**СПИСОК ГОСУДАРСТВ СОГЛАСНО СТАТЬЕ XIV**

Список государств - членов Конференции по разоружению на 18 июня 1996 года, которые официально принимали участие в работе сессии Конференции 1996 года и которые фигурируют в таблице 1 издания Международного агентства по атомной энергии "Ядерные энергетические реакторы в мире" за апрель 1996 года, и государств - членов Конференции по разоружению на 18 июня 1996 года, которые официально принимали участие в работе сессии Конференции 1996 года и которые фигурируют в таблице 1 издания Международного агентства по атомной энергии "Ядерные исследовательские реакторы в мире" за декабрь 1995 года:

Австралия, Австрия, Алжир, Аргентина, Бангладеш, Бельгия, Болгария, Бразилия, Венгрия, Вьетнам, Германия, Египет, Заир, Израиль, Индия, Индонезия, Иран (Исламская Республика), Испания, Италия, Канада, Китай, Колумбия, Корейская Народно-Демократическая Республика, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Пакистан, Перу, Польша, Республика Корея, Российская Федерация, Румыния, Словакия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Чили, Швейцария, Швеция, Южная Африка, Япония.

ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМ ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ**ЧАСТЬ I****МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА МОНИТОРИНГА И ФУНКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА ДАННЫХ****A. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ**

- Международная система мониторинга включает объекты по мониторингу, как это изложено в пункте 16 статьи IV, и соответствующие средства связи.
- Объекты по мониторингу, включенные в Международную систему мониторинга, состоят из тех объектов, которые указаны в Приложении 1 к настоящему Протоколу. Международная система мониторинга отвечает техническим и эксплуатационным требованиям, указанным в соответствующих оперативных руководствах.
- Организация в соответствии со статей II в сотрудничестве и консультации с государствами-участниками, с другими государствами и в соответствующих случаях с международными организациями налаживает и координирует эксплуатацию и обслуживание, а также любую будущую согласованную модификацию или развитие Международной системы мониторинга.
- Согласно соответствующим соглашениям или договоренностям и процедурам государство-участник или другое государство, принимающее объекты Международной системы мониторинга или иным образом берущее за них ответственность, и Технический секретариат договариваются и сотрудничают в создании, эксплуатации, модернизации, финансировании и обслуживании объектов по мониторингу, относящихся к ним сертифицированных лабораторий и соответствующих средств связи в пределах

районов, находящихся под юрисдикцией или контролем такого государства-участника или другого государства, или в ином месте в соответствии с международным правом. Такое сотрудничество осуществляется в соответствии с требованиями в отношении защищенности и аутентификации и с техническими спецификациями, содержащимися в соответствующих оперативных руководствах. Такое государство наделяет Технический секретариат правом доступа к объекту по мониторингу для проверки оборудования и каналов связи и соглашается на внесение необходимых изменений в оборудование и эксплуатационные процедуры с целью удовлетворения согласованных требований. Технический секретариат предоставляет таким государствам соответствующее техническое содействие, которое, как считает Исполнительный совет, является необходимым для надлежащего функционирования объекта в составе Международной системы мониторинга.

5. Условия такого сотрудничества между Организацией и государствами-участниками или государствами, принимающими объекты Международной системы мониторинга или иным образом берущими за них ответственность, излагаются в соглашениях или договоренностях, соответствующих каждому отдельному случаю.

B. СЕЙСМОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ

6. Каждое государство-участник обязуется сотрудничать в международном обмене сейсмологическими данными для содействия контролю за соблюдением настоящего Договора. Это сотрудничество включает создание и эксплуатацию глобальной сети первичных и вспомогательных станций сейсмологического мониторинга. Эти станции в соответствии с согласованными процедурами предоставляют данные в Международный центр данных.

7. Сеть первичных станций состоит из 50 станций, указанных в таблице 1-А Приложения 1 к настоящему Протоколу. Эти станции отвечают техническим и эксплуатационным требованиям, указанным в Оперативном руководстве по сейсмологическому мониторингу и международному обмену сейсмологическими данными. Непрерывно поступающие данные от первичных станций - непосредственно или через национальный центр данных - передаются в Международный центр данных в режиме прямого подключения.

8. В дополнение к первичной сети вспомогательная сеть в составе 120 станций предоставляет по запросу - непосредственно или через национальный центр данных - информацию в Международный центр данных. Подлежащие использованию вспомогательные станции перечислены в таблице 1-В Приложения 1 к настоящему Протоколу. Вспомогательные станции выполняют технические и эксплуатационные требования, указанные в Оперативном руководстве по сейсмологическому мониторингу и международному обмену сейсмологическими данными. Данные от вспомогательных станций могут быть в любое время запрошены Международным центром данных и немедленно предоставляются по каналам компьютерной связи в режиме прямого подключения.

C. РАДИОНУКЛИДНЫЙ МОНИТОРИНГ

9. Каждое государство-участник обязуется сотрудничать в международном обмене данными о радионуклидах в атмосфере

для содействия контролю за соблюдением настоящего Договора. Это сотрудничество включает создание и эксплуатацию глобальной сети станций радионуклидного мониторинга и сертифицированных лабораторий. Сеть в соответствии с согласованными процедурами предоставляет данные в Международный центр данных.

10. Сеть станций по измерению радионуклидов в атмосфере составляет общую сеть из 80 станций, как это указано в таблице 2-А Приложения 1 к настоящему Протоколу. Все станции способны осуществлять мониторинг на присутствие соответствующих макро частиц в атмосфере. Сорок из этих станций также способны по вступлении в силу настоящего Договора осуществлять мониторинг на присутствие соответствующих благородных газов. С этой целью Конференция на своей первоначальной сессии одобряет рекомендацию Подготовительной комиссии о том, какие 40 станций из таблицы 2-А Приложения 1 к настоящему Протоколу способны осуществлять мониторинг благородных газов. На своей первой очередной ежегодной сессии Конференция рассматривает и принимает план реализации потенциала мониторинга благородных газов по всей сети. Генеральный директор готовит доклад для Конференции о процедурах такой реализации. Все станции по мониторингу выполняют технические и эксплуатационные требования, указанные в Оперативном руководстве по радионуклидному мониторингу и международному обмену радионуклидными данными.

11. Сеть станций радионуклидного мониторинга поддерживается лабораториями, которые сертифицируются Техническим секретариатом согласно соответствующему Оперативному руководству для осуществления анализа проб со станций радионуклидного мониторинга по контракту с Организацией и на основе платности обслуживания. Лаборатории, указанные в таблице 2-В Приложения 1 к настоящему Протоколу и надлежащим образом оснащенные, также привлекаются в зависимости от потребности Техническим секретариатом для выполнения дополнительного анализа проб со станций радионуклидного мониторинга. С согласия Исполнительного совета Технический секретариат может сертифицировать дополнительные лаборатории для выполнения в случаях, когда это необходимо, текущего анализа проб с неавтономных станций мониторинга. Все сертифицированные лаборатории предоставляют результаты такого анализа в Международный центр данных и при этом выполняют технические и эксплуатационные требования, указанные в Оперативном руководстве по радионуклидному мониторингу и международному обмену радионуклидными данными.

D. ГИДРОАКУСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ

12. Каждое государство-участник обязуется сотрудничать в международном обмене гидроакустическими данными для содействия контролю за соблюдением настоящего Договора. Это сотрудничество включает создание и эксплуатацию глобальной сети станций гидроакустического мониторинга. Эти станции в соответствии с согласованными процедурами предоставляют данные в Международный центр данных.

13. Сеть гидроакустических станций состоит из станций, указанных в таблице 3 Приложения 1 к настоящему Протоколу, и составляет общую сеть из шести гидрофонных и пяти Т-фазовых станций. Эти станции выполняют технические и эксплуатационные требования, указанные в Оперативном руководстве по гидроакустическому мониторингу и международному обмену гидроакустическими данными.

E. ИНФРАЗВУКОВОЙ МОНИТОРИНГ

14. Каждое государство-участник обязуется сотрудничать в международном обмене инфразвуковыми данными для содействия контролю за соблюдением настоящего Договора. Это сотрудничество включает создание и эксплуатацию глобальной сети станций инфразвукового мониторинга. Эти станции в соответствии с согласованными процедурами предоставляют данные в Международный центр данных.

15. Сеть инфразвуковых станций состоит из станций, указанных в таблице 4 Приложения 1 к настоящему Протоколу, и составляет общую сеть из 60 станций. Эти станции выполняют технические и

эксплуатационные требования, указанные в Оперативном руководстве по инфразвуковому мониторингу и международному обмену инфразвуковыми данными.

F. ФУНКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА ДАННЫХ

16. Международный центр данных осуществляет получение, сбор, обработку, анализ, отчетность и архивацию в отношении данных от объектов Международной системы мониторинга, включая результаты анализов, производимых в сертифицированных лабораториях.

17. Процедуры и стандартные критерии фильтрации явлений, подлежащие использованию Международным центром данных при выполнении им своих согласованных функций, в особенности в отношении выработки стандартных отчетных продуктов и в отношении предоставления стандартного ассортимента услуг государствам-участникам, детализируются в Оперативном руководстве по Международному центру данных и постепенно дорабатываются. Процедуры и критерии, разработанные изначально Подготовительной комиссией, одобряются Конференцией на своей первоначальной сессии.

Стандартные продукты Международного центра данных

18. Международный центр данных на текущей основе применяет методы автоматической обработки и интерактивный экспертный анализ к первичным данным Международной системы мониторинга в целях выработки и архивации стандартных продуктов Международного центра данных от имени всех государств-участников. Эти продукты предоставляются государствам-участникам бесплатно и не наносят ущерба окончательным суждениям относительно природы любого явления, вынесение которых остается прерогативой государств-участников, и включают:

a) сводные перечни всех сигналов, обнаруженных Международной системой мониторинга, а также стандартные перечни и бюллетени явлений, включая значения и соответствующие неопределенности, рассчитанные по каждому явлению, локализованному Международным центром данных, на основе набора стандартных параметров;

b) стандартные бюллетени отфильтрованных явлений, которые являются результатом применения Международным центром данных к каждому явлению стандартных критериев фильтрации явлений с использованием параметров характеризации, указанных в Приложении 2 к настоящему Протоколу, с целью характеризации, выделения в стандартном бюллетене явлений, а тем самым и фильтрации тех явлений, которые, как представляется, совместимы с естественными явлениями или неядерными антропогенными явлениями. В стандартном бюллетене явлений по каждому явлению в численном выражении указывается, в какой степени данное явление соответствует или не соответствует критериям фильтрации явлений. При применении стандартной фильтрации явлений Международный центр данных использует как глобальные, так и дополнительные критерии фильтрации для учета там, где это применимо, региональных отклонений. Международный центр данных постепенно укрепляет свои технические возможности по мере накопления опыта эксплуатации Международной системы мониторинга;

c) резюме, в которых обобщаются данные, полученные и архивированные Международным центром данных, продукты Международного центра данных, а также эффективность и эксплуатационное состояние Международной системы мониторинга и Международного центра данных; и

d) выдержки или поднаборы стандартных продуктов Международного центра данных, указанных в подпунктах а)-с), отбираемые по запросу отдельного государства-участника.

19. Международный центр данных проводит бесплатно для государств-участников специальные исследования для обеспечения углубленного технического обзора посредством экспертного анализа данных от Международной системы мониторинга в случае запроса со стороны Организации или государства-участника в целях уточнения расчетных значений стандартных параметров сигналов и явлений.

Услуги Международного центра данных, предоставляемые государствам-участникам

20. Международный центр данных предоставляет государствам-участникам открытый, равный, своевременный и удобный доступ ко всем данным - первичным или обработанным - Международной системы мониторинга, ко всем продуктам Международного центра данных и ко всем другим данным Международной системы мониторинга в архиве Международного центра данных или через Международный центр данных к данным объектов Международной системы мониторинга. Методы обеспечения доступа к данным и предоставления данных включают следующие услуги:

- а) автоматическое и регулярное направление государству-участнику продуктов Международного центра данных или их отбор по усмотрению государства-участника и по соответствующему запросу подборку данных Международной системы мониторинга по усмотрению государства-участника;
- б) предоставление данных или продуктов, выработанных по специальному запросом государств-участников относительно выборки данных и продуктов из архивов Международного центра данных и объектов Международной системы мониторинга, включая интерактивный электронный доступ к базе данных Международного центра данных; и
- с) оказание содействия отдельным государствам-участникам - по их запросу и при разумных усилиях безвозмездно - с использованием экспертного технического анализа данных Международной системы мониторинга и других соответствующих данных, предоставленных запрашивающим государством-участником, с тем чтобы помочь соответствующему государству-участнику в идентификации источника конкретных явлений. Результат любого такого технического анализа считается продуктом запрашивающего государства-участника, но находится в распоряжении всех государств-участников.

Услуги Международного центра данных, указанные в подпунктах а) и б), предоставляются бесплатно каждому государству-участнику. Объемы и форматы данных указываются в Оперативном руководстве по Международному центру данных.

Национальная фильтрация явлений

21. Международный центр данных в случае запроса государства-участника применяет к любым из своих стандартных продуктов на регулярной и автоматической основе национальные критерии фильтрации явлений, установленные этим государством-участником, и предоставляет результаты такого анализа этому государству-участнику. Эта услуга обеспечивается бесплатно для запрашивающего государства-участника. Результаты таких процессов национальной фильтрации явлений считаются продуктом запрашивающего государства-участника.

Техническое содействие

22. Международный центр данных, когда это требуется, предоставляет техническое содействие отдельным государствам-участникам:

- а) в формулировании их потребностей в отборе и фильтрации данных и продуктов;
- б) посредством внедрения в Международном центре данных - при разумных усилиях бесплатно для запрашивающего государства-участника - компьютерных алгоритмов или программных средств, предоставленных таким государством-участником для расчета новых параметров сигналов или явлений, которые не включены в Оперативное руководство по Международному центру данных, причем результаты считаются продуктами запрашивающего государства-участника; и
- с) посредством содействия государствам-участникам в развитии потенциала в области получения, обработки и анализа данных Международной системы мониторинга в национальном центре данных.

23. Международный центр данных постоянно осуществляет контроль и отчетность в отношении эксплуатационного состояния объектов Международной системы мониторинга, каналов связи и своих собственных систем обработки. В случае, если эксплуатационные характеристики любого компонента не

соответствуют согласованным уровням, изложенным в соответствующем Оперативном руководстве, он немедленно уведомляет об этом ответственные стороны.

**ЧАСТЬ II
ИНСПЕКЦИИ НА МЕСТЕ****A. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ**

1. Процедуры, содержащиеся в настоящей части, осуществляются согласно положениям об инспекциях на месте, изложенным в статье IV.
2. Инспекция на месте проводится в районе, где произошло явление, вызвавшее запрос относительно инспекции на месте.
3. Район инспекции на месте представляет собой единое целое и его размер не превышает 1000 квадратных километров. Линейное расстояние в любом направлении не превышает 50 километров.
4. Продолжительность инспекции на месте не превышает 60 дней с даты одобрения запроса относительно инспекции на месте в соответствии с пунктом 46 статьи IV, но может быть увеличена максимум на 70 дней в соответствии с пунктом 49 статьи IV.
5. Если район инспекции, указанный в мандате на инспекцию, заходит на территорию или иное место, находящееся под юрисдикцией или контролем более чем одного государства-участника, то положения об инспекциях на месте в соответствующих случаях применяются к каждому из государств-участников, на территорию которого заходит район инспекции.
6. В случаях, когда район инспекции находится под юрисдикцией или контролем инспектируемого государства-участника, но расположен на территории другого государства-участника или когда доступ от пункта въезда к району инспекции требует транзита через территорию государства-участника, не являющегося инспектируемым государством-участником, инспектируемое государство-участник осуществляет права и выполняет обязательства в отношении таких инспекций в соответствии с настоящим Протоколом. В таком случае государство-участник, на территории которого находится район инспекции, содействует инспекции и оказывает необходимую поддержку, с тем чтобы инспекционная группа могла своевременно и эффективно выполнить свои задачи. Государства-участники, через территорию которых требуется транзит для достижения района инспекции, содействуют такому транзиту.
7. В случаях, когда район инспекции находится под юрисдикцией или контролем инспектируемого государства-участника, но расположен на территории государства, не являющегося участником настоящего Договора, инспектируемое государство-участник принимает все необходимые меры с целью обеспечить, чтобы инспекция могла быть проведена в соответствии с настоящим Протоколом. Государство-участник, имеющее под своей юрисдикцией или контролем один или более районов на территории государства, не являющегося участником настоящего Договора, принимает все необходимые меры с целью обеспечить принятие государством, на территории которого находится район инспекции, инспекторов и помощников инспекторов, назначенных для данного государства-участника. Если инспектируемое государство-участник не в состоянии обеспечить доступ, оно демонстрирует, что оно приняло все необходимые меры для обеспечения доступа.
8. В случаях, когда район инспекции расположен на территории государства-участника, но находится под юрисдикцией или контролем государства, не являющегося участником настоящего Договора, государство-участник принимает без ущерба для норм и практики международного права все необходимые меры, требуемые от инспектируемого государства-участника и государства-участника, на территории которого находится район инспекции, с целью обеспечить, чтобы инспекция на месте могла быть проведена в соответствии с настоящим Протоколом. Если государство-участник не в состоянии обеспечить доступ к району инспекции, оно демонстрирует, что оно приняло без ущерба для норм и практики международного права все необходимые меры для обеспечения доступа.
9. Численность инспекционной группы сводится к минимуму, необходимому для надлежащего выполнения мандата на инспекцию. Общее количество членов инспекционной группы,

присутствующих на территории инспектируемого государства-участника в любой данный момент, за исключением периода проведения бурения, не превышает 40 человек. Членом инспекционной группы не может быть гражданин запрашивающего государства-участника или инспектируемого государства-участника.

10. Генеральный директор определяет численность инспекционной группы и отбирает ее членов из списка инспекторов и помощников инспекторов с учетом обстоятельств конкретного запроса.

11. Инспектируемое государство-участник обеспечивает инспекционную группу или организует обеспечение ее необходимыми удобствами, такими как средства связи, устное переводческое обслуживание, транспорт, рабочие и жилые помещения, питание и медицинское обслуживание.

12. Организация возмещает инспектируемому государству-участнику в разумно короткий период времени после завершения инспекции все расходы, включая расходы, упомянутые в пунктах 11 и 49, в связи с пребыванием и функциональной деятельностью инспекционной группы на территории инспектируемого государства-участника.

13. Процедуры осуществления инспекций на месте детализируются в Оперативном руководстве по инспекциям на месте.

В. ПОСТОЯННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Назначение инспекторов и помощников инспекторов

14. Инспекционная группа может состоять из инспекторов и помощников инспекторов. Инспекция на месте проводится только квалифицированными инспекторами, специально назначенными для выполнения этой функции. Им могут помогать специально назначенные помощники инспекторов, такие как технический и административный персонал, летный экипаж и устные переводчики.

15. Кандидатуры инспекторов и помощников инспекторов выдвигаются для назначения государствами-участниками или в случае персонала Технического секретариата Генеральным директором, исходя из их специальных знаний и опыта, имеющих отношение к цели и функциям инспекций на месте. Их кандидатуры одобряются государствами-участниками заранее в соответствии с пунктом 18.

16. Каждое государство-участник не позднее чем через 30 дней после вступления для него в силу настоящего Договора уведомляет Генерального директора о фамилиях, датах рождения, поле, рангах, квалификации и профессиональном опыте лиц, предлагаемых данным государством-участником для назначения в качестве инспекторов и помощников инспекторов.

17. Не позднее чем через 60 дней после вступления в силу настоящего Договора Технический секретариат сообщает в письменной форме всем государствам-участникам первоначальный список с указанием фамилий, гражданства, дат рождения, пола и рангов инспекторов и помощников инспекторов, предлагаемых для назначения Генеральным директором и государствами-участниками, а также сведения об их квалификации и профессиональном опыте.

18. Каждое государство-участник немедленно подтверждает получение первоначального списка предлагаемых для назначения инспекторов и помощников инспекторов. Любой инспектор или помощник инспектора, включенный в этот список, считается принятим, если только государство-участник не позднее чем через 30 дней после подтверждения получения списка не заявит в письменной форме о своем непринятии. Государство-участник может привести причину отвода. В случае непринятия предложенный инспектор или помощник инспектора не занимается деятельностью по инспекции на месте и не участвует в ней на территории или в любом другом месте, находящемся под юрисдикцией или контролем государства-участника, которое заявило о своем непринятии. Технический секретариат немедленно подтверждает получение уведомления об отводе.

19. Всякий раз, когда Генеральный директор или государство-участник предлагает внести добавления или изменения в список инспекторов и помощников инспекторов, замещающие инспекторы и помощники инспекторов назначаются в том же порядке, как это указано применительно к первоначальному списку. Каждое государство-участник немедленно уведомляет Технический секретариат, если выдвинутый им инспектор или помощник инспектора более не может выполнять обязанности инспектора или помощника инспектора.

20. Технический секретариат обновляет список инспекторов и помощников инспекторов и уведомляет все государства-участники о любых добавлениях или изменениях в списке.

21. Государство-участник, запрашивающее инспекцию на месте, может предложить, чтобы тот или иной инспектор из списка инспекторов и помощников инспекторов выступил в качестве его наблюдателя в соответствии с пунктом 61 статьи IV.

22. С соблюдением пункта 23 государство-участник имеет право в любое время отвести уже принятого инспектора или помощника инспектора. Оно в письменной форме уведомляет Технический секретариат о своем отводе и может указать причину отвода. Такой отвод начинает действовать через 30 дней после получения уведомления Техническим секретариатом. Технический секретариат немедленно подтверждает получение уведомления об отводе и информирует отводящие и выдвигающие кандидатов государства-участники о дате, на которую инспектор или помощник инспектора перестает быть назначенным для этого государства-участника.

23. Государство-участник, которое было уведомлено об инспекции, не добивается исключения из инспекционной группы любого из инспекторов или помощников инспекторов, упомянутых в мандате на инспекцию.

24. Число инспекторов и помощников инспекторов, принятых государством-участником, должно быть достаточным для того, чтобы обеспечить наличие соответствующего числа инспекторов и помощников инспекторов. Если, по мнению Генерального директора, непринятие государством-участником предложенных инспекторов или помощников инспекторов препятствует назначению достаточного числа инспекторов и помощников инспекторов или иным образом затрудняет эффективное выполнение задач инспекции на месте, Генеральный директор передает проблему Исполнительному совету.

25. Каждый инспектор, включенный в список инспекторов и помощников инспекторов, получает соответствующую подготовку. Такая подготовка обеспечивается Техническим секретариатом согласно процедурам, указанным в Оперативном руководстве по инспекциям на месте. Технический секретариат координирует по согласованию с государствами-участниками график подготовки инспекторов.

Привилегии и иммунитеты

26. После принятия первоначального списка инспекторов и помощников инспекторов, предусмотренного в пункте 18 или измененного впоследствии в соответствии с пунктом 19, каждое государство-участник обязано выдать в соответствии со своими национальными процедурами и по ходатайству инспектора или помощника инспектора многократные въездные/выездные и/или транзитные визы и другие соответствующие документы, позволяющие каждому инспектору и помощнику инспектора въехать на территорию этого государства-участника и находиться там исключительно с целью проведения инспекционной деятельности. С этой целью каждое государство-участник выдает необходимые визовые или проездные документы не позднее чем через 48 часов после получения ходатайства или сразу по прибытии инспекционной группы в пункт въезда на территорию государства-участника. Такие документы являются действительными столько, сколько необходимо для того, чтобы инспектор или помощник инспектора мог находиться на территории инспектируемого государства-участника исключительно с целью проведения инспекционной деятельности.

27. Для эффективного выполнения членами инспекционной группы своих функций им предоставляются привилегии и иммунитеты, изложенные подпунктах а)-и). Привилегии и иммунитеты предоставляются членам инспекционной группы в интересах настоящего Договора, а не ради личной выгоды самих отдельных лиц. Такие привилегии и иммунитеты предоставляются им на весь период от прибытия на территорию инспектируемого государства-участника до отбытия с той территории и после этого в отношении прежних действий, совершенных ими при выполнении своих официальных функций.

а) Члены инспекционной группы пользуются такой же неприкосновенностью, какой пользуются дипломатические агенты согласно статье 29 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года;

б) Жилые и служебные помещения, занимаемые инспекционной группой, проводящей инспекционную деятельность согласно настоящему Договору, пользуются такой же неприкосновенностью и защитой, какой пользуются помещения дипломатических агентов согласно пункту 1 статьи 30 Венской конвенции о дипломатических сношениях;

с) Бумаги и корреспонденция, в том числе записи, инспекционной группы пользуются такой же неприкосновенностью, какой пользуются все бумаги и корреспонденция дипломатических агентов согласно пункту 2 статьи 30 Венской конвенции о дипломатических сношениях. Инспекционная группа имеет право пользоваться кодами для своих сношений с Техническим секретариатом;

д) Пробы и утвержденное оборудование, перевозимые членами инспекционной группы, пользуются неприкосновенностью с соблюдением положений, содержащихся в настоящем Договоре, и освобождаются от всех таможенных пошлин. Транспортировка опасных проб производится в соответствии с надлежащими правилами;

е) Членам инспекционной группы предоставляются такие же иммунитеты, какие предоставляются дипломатическим агентам согласно пунктам 1, 2 и 3 статьи 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях;

ф) Члены инспекционной группы, проводящие предписанную деятельность согласно настоящему Договору, освобождаются от сборов и налогов, от которых освобождаются дипломатические агенты согласно статье 34 Венской конвенции о дипломатических сношениях;

г) Членам инспекционной группы разрешается ввозить на территорию инспектируемого государства-участника без оплаты каких-либо таможенных пошлин или связанных с этим сборов предметы личного пользования, за исключением предметов, ввоз или вывоз которых запрещен законом или регулируется карантинными правилами;

х) Членам инспекционной группы предоставляются такие же льготы в отношении обмена денег и валюты, которые предоставляются представителям иностранных правительств, находящимся во временных служебных командировках; и

и) Члены инспекционной группы не должны заниматься на территории инспектируемого государства-участника никакой профессиональной или коммерческой деятельностью в целях личной выгоды.

28. При транзите через территорию государств-участников, которые не являются инспектируемым государством-участником, членам инспекционной группы предоставляются такие же привилегии и иммунитеты, какие предоставляются дипломатическим агентам согласно пункту 1 статьи 40 Венской конвенции о дипломатических сношениях. Бумаги и корреспонденция, в том числе записи, а также перевозимые ими пробы и утвержденное оборудование пользуются привилегиями и иммунитетами, изложенными в пунктах 27 с) и д).

29. Без ущерба для их привилегий и иммунитетов члены инспекционной группы обязаны уважать законы и постановления инспектируемого государства-участника и в той мере, в какой это соответствует мандату на инспекцию, обязаны не вмешиваться во внутренние дела этого государства. Если инспектируемое

государство-участник считает, что имело место злоупотребление привилегиями и иммунитетами, указанными в настоящем Протоколе, то между государством-участником и Генеральным директором проводятся консультации с целью установить, имело ли место такое злоупотребление, и в случае установления такого факта предотвратить повторение такого злоупотребления.

30. Генеральный директор может отказываться от иммунитета от юрисдикции в отношении членов инспекционной группы в тех случаях, когда, по мнению Генерального директора, этот иммунитет препятствовал бы отправлению правосудия и от него можно отказаться без ущерба для осуществления положений настоящего Договора. Отказ должен быть всегда определенно выраженным.

31. Наблюдателям предоставляются такие же привилегии и иммунитеты, какие предоставляются членам инспекционной группы согласно настоящему разделу, за исключением привилегий и иммунитетов, предоставляемых согласно пункту 27 д).

Пункты въезда

32. Каждое государство-участник назначает свои пункты въезда и предоставляет требуемую информацию Техническому секретариату не позднее чем через 30 дней после вступления для него в силу настоящего Договора. Эти пункты въезда назначаются таким образом, чтобы инспекционная группа могла достичь любого района инспекции по меньшей мере из одного пункта въезда в 24-часовой срок. Технический секретариат сообщает всем государствам-участникам места расположения пунктов въезда. Пункты въезда могут также служить пунктами выезда.

33. Каждое государство-участник может изменять свои пункты въезда, уведомляя о таком изменении Технический секретариат. Изменения начинают действовать через 30 дней после получения такого уведомления Техническим секретариатом, с тем чтобы можно было обеспечить соответствующее уведомление всех государств-участников.

34. Если Технический секретариат считает, что для своевременного проведения инспекций пунктов въезда недостаточно или что изменения пунктов въезда, предлагаемые государством-участником, затрудняли бы такое своевременное проведение инспекций, он начинает консультации с соответствующим государством-участником для решения данной проблемы.

Процедуры использования нерейсовых самолетов

35. Когда невозможен своевременный проезд в пункт въезда рейсовыми коммерческими маршрутами, инспекционная группа может использовать нерейсовый самолет. Не позднее чем через 30 дней после вступления для него в силу настоящего Договора каждое государство-участник извещает Технический секретариат о постоянном номере дипломатического разрешения для нерейсового самолета, перевозящего инспекционную группу и оборудование, необходимое для инспекции. Авиационные маршруты пролегают по установленным международным воздушным трассам, согласуемым между государством-участником и Техническим секретариатом в качестве основы для выдачи такого дипломатического разрешения.

Утвержденное инспекционное оборудование

36. Конференция на своей первоначальной сессии рассматривает и утверждает перечень оборудования для использования в ходе инспекций на месте. Каждое государство-участник может вносить предложения в отношении включения оборудования в перечень. Спецификации на использование оборудования, детализированные в Оперативном руководстве по инспекциям на месте, учитывают соображения безопасности и конфиденциальности в тех случаях, когда имеется вероятность использования такого оборудования.

37. Оборудование, предназначенное для использования в ходе инспекций на месте, состоит из основного оборудования для инспекционной деятельности и методов, указанных в пункте 69, а также вспомогательного оборудования, необходимого для эффективного и своевременного проведения инспекций на месте.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ИНТЕРВЬЮ МЕСЯЦА

ЭКСКЛЮЗИВ

“ПУБЛИКАЦИИ О ПЛОХОЙ ОХРАНЕ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ФЛОТЕ СПРАВЕДЛИВЫ”

На вопросы корреспондента журнала «Ядерный Контроль» отвечает генеральный директор НПО «Элерон» Евгений Мишин

- Специальному научно-производственному объединению «Элерон» в марте 1997 исполнилось 35 лет. Что изменилось за эти годы?

Из первой небольшой лаборатории постепенно сформировались крупные научно-производственные объединения. Мы создали целую индустрию по разработке технических средств обеспечения безопасности. За 35 лет оборудовано более 4,5 тысяч особо важных объектов, в том числе и объектов Минобороны, ФСБ (КГБ), министерства финансов, министерства атомной промышленности. Нами оборудовано также 14 тыс.км государственной границы. Смело могу сказать: нет таких государственных объектов особой важности, где «Элерон» не участвовал бы в создании систем физзащиты.

В настоящее время «Элерон» работает с РНЦ «Курчатовский институт», ПО «Маяк», НПО «Луч», Горно-химическим комбинатом, ГНЦ «НИИАР», РФЦ «ВНИИТФ», РНЦ «ИТЭФ», СФ «НИКИЭТ», Сибирским химическим комбинатом, Новосибирским заводом химконцентратов, Объединенным институтом ядерных исследований.

В «Курчатовском институте» выполнены работы по проектированию, изготовлению и поставке техники, монтажу и наладке, обучению персонала, сдаче в эксплуатацию зданий 114, 116, 128. Выполняются работы по зданию 106. В 1997 году, мы надеемся, будет оборудован один завод на СХК. Однако работы по совершенствованию систем физзащиты совместно с американскими лабораториями выполняются очень медленно. В настоящее время финансируются, главным образом, работы по разработке концептуального проекта или ТЭО, разработке технических зданий, но недостаточно ведется работ по совершенствованию конкретных объектов и установок.

- И зарубежными, и российскими специалистами признается высокое качество разработанных «Элероном» приборов. Когда американцы, недовольные представленными на предыдущей выставке моделями, восхищались доработками, сделанными за год, Ваши специалисты посмеивались: все было сделано не за год, а за два месяца. Но как происходит внедрение ваших систем на реальные объекты, прежде всего на объекты Минобороны при явном недофинансировании этой отрасли?

Когда происходило развитие технических средств охраны и было достаточно финансирование, мы оборудовали объекты бывшего Минсредмаша (ныне Минатома) от внешнего нарушителя. Сейчас надо уделять внимание охране, прежде всего, от нарушителя внутреннего. Между тем, техника после четверти века использования устаревает, ее надо менять. Мы безусловно меняем, наши заводы, министерства, институты изыскивают средства, много внимания уделяет этим вопросам наш министр. Но денег все равно мало. Но мы доказали, что наша техника не только на уровне мировых стандартов, но и превосходит их. Например, такие как «Протва-4», «МСВ-22», периметровые датчики, порталы (чтобы не вынесли делящиеся

материалы и не внесли оружие) и много других. Техника выпускается серийно. Отработанная на сотнях объектах техника показала себя исключительно живучей. И американцы согласились на определенное финансирование при установке российской техники. Сейчас так и происходит, хотя и не более, чем на десятке объектов.

8 процентов (от общего объема работ в 1997 году) составляет бюджетное финансирование, 4-5 процентов - финансируют США, имеется совместная с американцами лаборатория по созданию техники физзащиты при перевозке ядерных материалов по железной дороге, сейчас проводим с ними работы по созданию техники для автомобильного транспорта и другие совместные работы. Мы также сами зарабатываем деньги, оборудуя большое количество объектов: в первую очередь объекты Минфина, АЭС, объекты Центробанка, хранилища, объекты Минобороны, где мы имеем прямые договоры на НИОКР. Есть у нас договоры и с Минобороны, и с пограничными войсками, - в совокупности все это составляет то финансирование, которое мы получаем.

Мы своевременно выплачиваем зарплату. Средняя зарплата на «Элероне» - 1 млн. 200 тыс., а разработчики, ценные научные работники получают 1 млн.500 тыс. - 1 млн.600 тыс. В столовой платим за обеды - 60% за каждого сотрудника.

- Минобороны оплачивает свои заказы?

Как правило, оплачивает, хотя и с задержкой. Правда, сейчас нам войска ПВО задолжали 6 млрд. Мы эти деньги должны были пустить в оборот, т.к. НИОКР осуществляется в основном с прибыли - мы занимаемся созданием технических средств охраны и безопасности на разных физических принципах: это сейсмические, акустические, микроволновые, ультразвуковые, вибрационные, емкостные и другие. Для системы безопасности на объектах и особенно на границе, на протяженных рубежах, важно научиться различать человека и дикое животное, и мы научились.

Вообще для подразделения охраны очень важно, чтобы техника работала надежно, чтобы не давала ложных срабатываний, а давала высокий уровень вероятности обнаружения - у нас эти цифры подходят к 100%. Но чем меньше ложных срабатываний, тем меньше может быть чувствительность техники, и в этом вся сложность. Самое главное, чтобы была высокая вероятность обнаружения (она у нас очень высокая) и минимальное количество ложных срабатываний. У нас есть средства, не допускающие более одного ложного срабатывания в шесть месяцев.

- Были ли случаи, когда Ваша техника срабатывала на вынос делящихся материалов?

Были случаи. При проносе урана наша техника срабатывала, и был сигнал тревоги. Воровства plutonия у нас никогда не было, потому что здания, сооружения, где хранятся ядерные материалы, защищены. Человек не может их обойти, так как техникой будет подан сигнал тревоги в этот центр, а на другом

уровне будет осуществлено дублирование. Обойти сигнал тревоги и ликвидировать его невозможно. Линии между датчиком и центром обработки информации защищены. Даже тот, кто разрабатывал, проектировал и оборудовал систему, не может ее деблокировать. Отсюда высокая надежность охраны. Попытки обойти технику были, но вынести ничего не удавалось. Техника создается одними специалистами, разработчиками и учеными, в других лабораториях проверяют, как она работает и пытаются ее обойти. Круглые сутки она не выключается. И ее контролирует другая техника.

- Кто Ваши основные конкуренты?

У нас нет реальных конкурентов. У «конкурентов» разработки не поставлены на промышленную основу. Больше того, они гонят халтуру. У нас же работает многочисленный коллектив, три института и 44 предприятия отрасли работают по нашей документации.

У меня напрашивается вывод: нельзя допускать коммерческие структуры на ядерно-опасные объекты.

- Вам, как разработчику, лучше знать недоработки Вашей техники.

В то время как у нас очень хорошие датчики, системы, хорошие периметровые корпуса для любых помещений, контроль и учет людей, контроль за вывозом ядерных материалов, за металлом и персоналом на территории объекта, нам крайне необходимы хорошие замковые, запирающие устройства, которые бы задержали машины на КПП, не дали бы им проникнуть при прорыве. Мы не хотим этим заниматься, потому что в МВД есть специалисты по этим проблемам. Мы получаем эти все устройства из МВД. Что еще нам не удалось сделать – это хорошие телевизионные системы. Наши телесистемы значительно уступают зарубежным. Мы сейчас применяем систему «Грундиг» – это совместное производство. По моему мнению, для военных объектов элементная база должна быть только отечественная – для любых систем, в том числе телевизионных.

- Как проходит сотрудничество и взаимодействие с другими ведомствами?

Еще в 60-х годах наше предприятие было назначено головным предприятием по созданию средств охраны для Минатома и для бывшего КГБ. Потом оно расширилось и стало головным в СССР. В 1993 году «Элерон» назначен головной организацией по созданию, оборудованию и техническим средствам охраны, а приказом министра – головной организацией у себя в министерстве.

Предприятие создавалось для Минатома, КГБ и Минобороны. И наше взаимодействие продолжается. Другое дело, что финансирование сейчас уже не то. Финансирование самих этих ведомств резко сократилось, и поэтому связи немножко ослабли, но мы успешно контактируем с

пограничными войсками, создаем техническое задание вместе с ними, с ФСБ. В создании нашей техники участвовали и КГБ и погранвойска, и Минобороны, и 50 ведомственных и академических НИИ бывшего СССР. Я получаю элементную базу в тех или иных предприятиях других министерств, но они создавались по нашему заданию согласно требованиям МВД.

Нас охраняют войска МВД, и «Элерон» проектирует технику по их заданию, помогает в ее эксплуатации. Проявляем большое внимание к обучению людей – в нашем министерстве имеются кафедры, где обучают специалистов вооруженных сил, МВД и всех тех, кто эксплуатирует нашу технику на объектах. Обучаем их и в «Элероне». Действуем по принципу: создать хороший проект, в этом проекте применить самую хорошую технику для конкретного объекта, сделать монтаж, наладку, обучить людей эксплуатации техники и потом обеспечивать сервисное обслуживание.

С нами сотрудничает штаб Главкома военно-морского флота, активно сотрудничаем с Курчатовским институтом. Недавно выработали большую программу по оборудованию объектов военно-морского флота.

- Расскажите, что Вы уже оборудовали.

Я могу показать любую технику, но где я ее установил и как я ее организовал техническими средствами охраны, – это секрет конкретного объекта.

- В прессе часто пишут об угрожающем плохом хранении ядерных материалов на флоте.

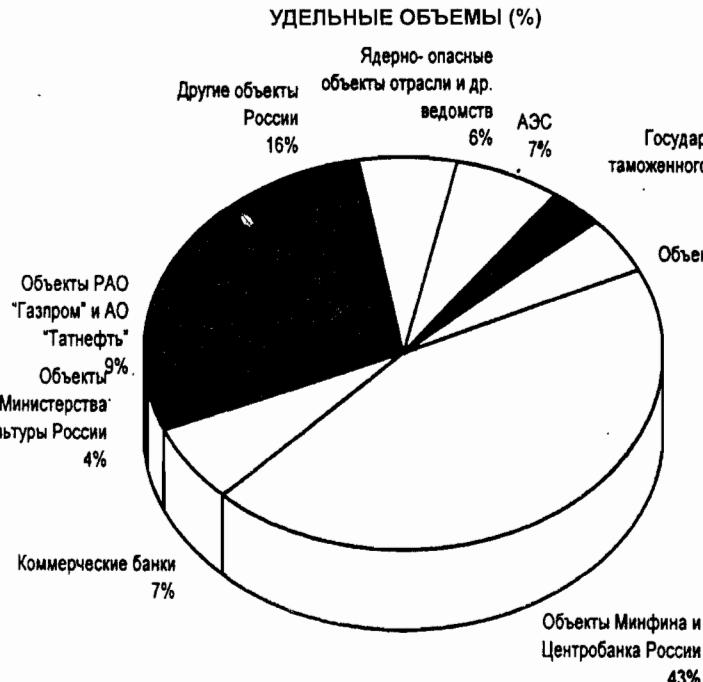
Я считаю, что эти публикации справедливы, поскольку денег у флота нет.

- Кроме железнодорожных перевозок, о которых Вы рассказали, есть еще перевозки водным и воздушным транспортом.

Мы еще не перевозим ядерные материалы самолетом. Что касается железнодорожных перевозок, то еще при СССР мы имели большие наработки, но тогда у нас не хватило денег, и мы их прекратили. Сейчас мы заключили контракт с Минэнергетики США и проработали первый этап, показали американцам и шестидесяти представителям наших объектов, что мы сделали на реальном вагоне в реальной ситуации. Вагон должен быть механически укреплен, чтобы нарушители не могли его разрушить. Это сделано нашим министерством, в КБ

«Атолл». Если что-либо произошло внутри вагона, по сигналу тревоги с командного пункта должно быть видно, что там делается. Для этого необходима связь через спутник. Если произошло нападение, то охрана, которая охраняет этот вагон по пути следования, защищается, сколько может продержаться, и мы немедленно должны реагировать резервными силами расположенных вблизи войск для захвата нарушителей и сохранности перевозимого груза.

Для этого мы применяем все

меры, и есть средства, производящие дым, скрывающий видимость, звуковые удары, парализующие человека на долгое время. Мы сейчас сымитировали все эти случаи на компьютере, и можем задерживать нарушителя до двух часов – за это время мы сумеем оказать помощь охране, которая сопровождает груз. Разработали и технику сбора информации. Охрана всегда может обратиться за помощью, мы видим, что сама охрана делает.

Когда закончим этот этап, то перейдем к решениям проблем перевозок автомобильным транспортом. Это будет легче, хотя сложности тоже есть.

Таким образом, мы решаем комплексные задачи. Первое – это обеспечить объект, ядерную установку, делящиеся материалы надежной системой физзащиты. Вторая задача – транспортировка. Надо с охраняемого объекта груз перегрузить в вагон и в сохранности доставить до пункта следования, а там его разгрузить. При сотрудничестве с американскими лабораториями скоро эта проблема будет решена. Пока средства защиты при перевозке не внедрены.

- Но парк вагонов устарел...

Мы не собираемся в устаревшие вагоны ставить свою аппаратуру. По заказу министерства создаются новые вагоны. Не подумайте, что опасные грузы будут перевозить в дрянных вагонах с хорошей техникой. Нет, будут хорошие вагоны и хорошая физзащита.

- Как Вы сотрудничаете с СНГ? Есть ли еще фирмы, занимающиеся проблемами физзащиты по СНГ?

Мы работаем в основном по России. В рамках СНГ сотрудничество, по сути дела, нарушено. То и дело у меня спрашивают потенциальные заказчики из Украины, из Белоруссии: можете ли Вы нам сделать системы физзащиты?. Но потом молчок, очевидно у них денег нет. Наша продукция – не ширпотреб, это военная продукция, она, конечно, стоит дорого.

- Получается, что в СНГ

никто вообще не занимается физзащитой объектов...

Я думаю, что там занимаются только одиночки, и как-то несерьезно, потому что запросов нет. Видимо, в этом смысле там большой упадок.

- Часто Вы устанавливаете уникальную дорогостоящую технику, а военные просто ломают ее, специально или нечаянно, не зная, как с ней обращаться. На той же российско-эстонской границе, когда Ваши сотрудники установили

аппаратуру, их сразу попросили – самое главное, научите, как ее выключать. И выключили после нескольких ложных срабатываний. Пульт управления заплели жвачкой, тушат об него сигареты...

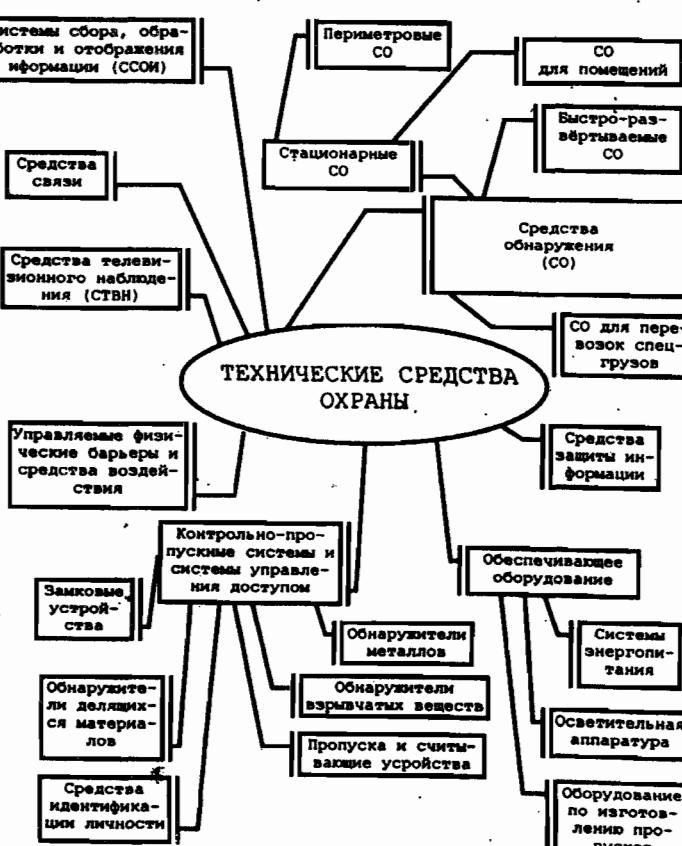
Когда мы устанавливаем аппаратуру, то обучаем специалистов, как с ней работать: включать, выключать, и не только. Но аппаратура никогда не выключается. Если она правильно эксплуатируется, то надежно себя ведет. Бывают случаи, по любым причинам – где-то из-за неправильной эксплуатации, где-то в проекте или при монтаже что-то спутали, – но это не значит, что нужно отключать всю аппаратуру. Вызывают наших специалистов, недостаток устраняется. Или ремонтируют на месте, заменяют двигатель... При этом на любом объекте всегда есть резервная аппаратура.

- Военные предпочитают технике охрану личным составом – надежнее и дешевле.

Мы прошли через эти перипетии очень давно. Тридцать лет назад нам было очень сложно. А потом ввели в штат должности заместителя начальника штабов по техническим средствам или специальных офицеров по этой технике. Раньше мы проводили регулярно, сейчас реже, переподготовку этих офицеров. И имеются прaporщики – контрактники. Психология охранника давно изменилась. Первые десять лет никто не верил техническим средствам охраны. Верили солдату, печати. Если пришли – печать цела, значит все в порядке, а то что с потолка, с пола, из окна можно пролезть – никого не волновало.

Сейчас, повторяю, психология изменилась. Уже много объектов было оборудовано. И все офицеры, все режимные службы без этой техники не могут жить. Более сотни тысяч электронных датчиков работают в охране всех ведомств. Если бы все эти датчики отключили в один день, сколько времени понадобилось бы, чтобы охранять особо важные объекты! За счет внедрения

**ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОХРАНЫ,
ВХОДЯЩИЕ В СОСТАВ СИСТЕМ
БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ**

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕМОВ ПО РАЗРАБОТКЕ И СОЗДАНИЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОХРАНЫ НА ОБЪЕКТАХ ЗАКАЗЧИКА

Объекты	Объемы (млн.руб.)
ядерно-опасные объекты отрасли и других ведомств	2964,0
АЭС	3266,0
Объекты Государственного таможенного комитета	1547,0
Объекты Минатома России	2296,0
Объекты Минфина и Центробанка России	21442,0
Коммерческие банки	3165,0
Объекты Министерства культуры России	1804,0
Объекты РАО "Газпром" и АО "Татнефть"	4466,0
Другие объекты России	7609,0
Итого	48559,0

технических средств охраны сокращено огромное количество людей. Сейчас люди грамотные, понимающие технику, умеющие ее ценить и беречь. В основном должна нести службу техника, а военные и охрана – это небольшая группа, в зависимости от объекта. Когда разрабатывается тактика, тогда определяется группа, которая могла бы на сигнал тревоги быть на месте, откуда пришел сигнал, через две-три минуты.

- Часто бывает - на входе и выходе - порталы, охрана, а в заборе - дырка. Вот сотрудники и таскают, что ни попадя через эту дырку...

Мы охраняем периметр техническими средствами охраны – там нельзя ни перекочить, ни проломить, ни подкопаться, – на все действия сработывает сигнал тревоги. Через проходную нельзя пронести делящийся материал – будет сигнал тревоги – этого человека портал закроет и будет держать, пока по сигналу тревоги не придет охрана. Может, действительно, где-то есть дырки, но ведь и здание тоже должно охраняться. В зданиях есть соответствующие помещения, в которых хранятся делящиеся материалы. Строятся многорубежная система – три-четыре рубежа техники, и все это сводится в единый центр охраны. И поэтому я не представляю, чтобы на предприятиях нашего министерства были такие дырки.

- Однако выносить продолжают. Что, в основном, выносят?

Был какой-то период времени, когда людям не выдавали денег, и они думали: ну, я вынесу какой-нибудь уран, даже не обогащенный уран, и его продам. Кто-то его, конечно, может и спровоцировать. Конечно, он не вынесет, его задержат, и такие случаи были. При выносе на проходных задерживали датчики. Сейчас такие люди поняли, что у них никто не купит, что это не является таким простым делом – вынес и продал на рынке.

Но нельзя исключать, что если действительно будет воровство делящихся материалов, то это будут специалисты, люди понимающие, как сделать атомное устройство. Поэтому мы и придаем огромное значение вопросу физической защиты. Здесь нельзя считаться с затратами. Нужно очень серьезно защищать объекты, потому что если вынесешь несколько килограмм плутония или урана, можно очень сильно навредить конкретному пункту и конкретному участку территории.

Когда были шальные попытки, это были люди непонимающие, им лишь бы как-то заработать. Это несерьезно. Вот если целенаправленно, организовано, если это надо какому-то конкретному заказчику вывезти и продать – не исключена такая попытка, – то это уже серьезно.

Для того мы и строим такую физическую защиту, чтобы никакого выноса не произошло. В этом и смысл физзащиты – защиты от внутренних и внешних нарушителей, дифференцировано к конкретному объекту, но интегрировано – чтобы был и учет и контроль людей, и чтобы человек, которому разрешено находиться в конкретном пункте или помещении, был там только собственной персоной: только он, и никто другой. Открыть помещение могут только два или три человека (если два человека – то с разными кодами работают, чтобы не было споров).

А учет и контроль материалов – это задачи других институтов. Учетом и контролем занимаются два института – институт в Арзамасе-16 (ВНИИЭФ) и Обнинский ФЭИ. А вот если будет попытка выноса через порог, из помещения, то уже я должен обнаружить этот материал, и охрана должна немедленно реагировать, а кабина должна задержать этого человека.

Но в процессе учета, контроля и физзащиты мы взаимодействуем между собой. И имеется департамент безопасности в Минатоме (руководитель – Владимир Богданов), который осуществляет организацию, взаимодействие, всю идеологию создания высокой степени учета и контроля. В 1995 году в министерстве по атомной энергии вышел приказ за подписью министра с целью упорядочения выполнения работ по физзащите ядерных объектов, установок и материалов в Минатоме России. Согласно приказу, ВНИИЭФ (руководитель –

Радий Илькаев) осуществляет научно-методическое руководство и работы по обеспечению учета и контроля ядерных материалов, ЦНИИАтоминформ обеспечивает нормативное и информационное обеспечение системы учета и контроля ядерных материалов, ВНИИА (руководитель Юрий Бормаков) – аппаратурное обеспечение учета и контроля ядерных материалов, ВНИИМ (директор – Михаил Солонин) и ФЭИ (директор – Анатолий Зродников) – методологическое обеспечение измерения системы учета и контроля ядерных и радиационных объектов, ядерных установок и материалов при их производстве, использовании, переработке, хранении и транспортировке и организации физической защиты инженерно-техническими средствами, включая разработку, изготовление, проектирование, внедрение и сертификацию, а также функции головной организации по данной проблеме в отрасли.

- Считается, что при сотрудничестве с США происходит утечка чувствительной информации.

Что касается наших объектов, то мы работаем продуктивно, особенно со специалистами национальных лабораторий министерства энергетики США. Мы понимаем, какую информацию они могут нам дать, какую информацию мы можем им дать. Чувствительной информации ни они нам не дают, ни мы им – мы занимаемся техникой, которая сама по себе является чувствительной, но только когда известно, на каком конкретном объекте она находится. А так она не секретная. И, конечно, у каждой техники есть ноу-хау, которым мы не можем делиться, потому что это достояние наших специалистов. И американцы этого не требуют, они очень корректно ведут себя с нами. Я не заметил ни одного случая прослушивания или попытки узнать чувствительную информацию по технике безопасности, охранной сигнализации. И мы, и они очень откровенны, но там, где можно. Я был на американских объектах и полигонах, мне все показали и рассказали, отвечали на вопросы. Держать же и не открывать ноу-хау – это в интересах наших специалистов.

- Американцы могут предложить такому специалисту большие деньги.

У нас коллектив дисциплинированный. Кадры подбираются на протяжении десятков лет, существуют режимные службы. Поэтому все знают, что можно говорить, а что нет. Самая большая ценность любого предприятия – это кадры. Мы посыпаем людей и в США, и в другие страны, но они умеют хранить секреты.

- Оборудование, которое Вы показывали на выставке международной конференции по учету, контролю и физзащите ядерных материалов в Обнинске в марте – это не все, что Вы делаете, да и не самые последние образцы.

Часть оборудования, действительно, имеет свой возраст, хотя есть и последние модели.

Но есть и техника, которая не должна показываться на таких выставках. Она должна применяться в других случаях – при охране рубежей, границ, при охране объектов особой важности.

Мы занимаемся защитой персональной информации там, большое подразделение обеспечивает безопасность по утечке информации из звуковых в электрические колебания при помощи электрорадиостанций.

Надеемся, что "Элерон" будет расширяться и число заказов на создание систем физзащиты будет расти.

Мишин Евгений Трофимович – генеральный директор ГП СНПО "Элерон" при Минатоме с 1989 г (1963-1989 – заместитель начальника главного управления в Минсредмаше), д-р технических наук, дважды лауреат Государственной премии, закончил военную академию связи им. С.М. Буденного, инженер-связист, имеет более 20 научных трудов по вопросам тактико-технического обеспечения охраны важных государственных объектов.

АНАЛИЗ

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ЭКСКЛЮЗИВ

НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ЭФФЕКТИВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ УЧЕТА, КОНТРОЛЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Участники Круглого Стола

Юрий Володин, Госатомнадзор России

Александр Румянцев, Курчатовский институт

Геннадий Пшакин, Физико-энергетический институт, г. Обнинск

Валентин Захаров, ВНИИА

Володин: Основными принципами обеспечения учета и контроля ядерных материалов в СССР являлись режим секретности по отношению к ядерным материалам на всех этапах технологического цикла, тщательный отбор и подготовка персонала, образование специальных служб учета и контроля на ядерных объектах, обеспечение дополнительных мер защиты ядерных материалов и персональной ответственности исполнителей за обеспечением их сохранности, установление так называемых норм безвозвратных потерь ядерных материалов на каждую технологическую операцию, посменная регистрация продукции и остатков ядерных материалов.

Функции руководства и управления объектами и надзора за состоянием учета и контроля ядерных материалов выполняло министерство среднего машиностроения СССР - предшественник Минатома России.

Пшакин: Физическая защита ядерных материалов и установок в СССР была в большей степени основана на охране военными силами. В начале 60-х годов стало ясно, что растущие масштабы ядерной деятельности не могут быть обеспечены охраной за счет только военных сил, поэтому необходимо использовать технические средства охраны в более широких масштабах. Поскольку угроза для ядерных материалов предполагалась извне, то и основной идеей, закладывавшейся в проект технических средств защиты, было противодействие внешнему нарушителю.

Румянцев: Как страна-обладатель ядерного оружия, СССР был свободен от обязательств следовать концепции измеряемого баланса материалов, являющейся основой национальных систем учета и контроля ядерных материалов США, Великобритании, Франции, положенной в основу систем международных гарантит МАГАТЭ и Евратории и ставшей обязательным требованием к национальным системам учета и контроля стран-участниц Договора о нераспространении ядерного оружия.

Володин: Начиная с 1992 г. произошли существенные изменения как в структуре управления атомной отрасли, так и в перераспределении полномочий в части регулирования и надзора за учетом, контролем и физической защитой ядерных материалов.

Пшакин: Как и относительно всего другого достояния Советского Союза, возник вопрос раздела и в ядерной сфере. Необходимо было определить принадлежность таких элементов прежде общего достояния как: ядерное оружие; сырьевая база и промышленность в ядерной области, в том числе и для

производства оружия; научный потенциал, включая научные кадры и исследовательские установки; интеллектуальная собственность (информация).

Первоочередным вопросом было обладание ядерным оружием, которое на момент распада СССР находилось на территории бывших республик: России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Этот вопрос, решенный политически, получил свое техническое завершение. Все ядерное оружие было сосредоточено под контролем России, ставшей правопреемником СССР в этой области. Более сложным оказался вопрос раздела сырьевой базы и промышленности. Как известно, основные запасы урана в СССР были сосредоточены на территории, которую занимает Казахстан и другие среднеазиатские республики. Незначительные части общих ресурсов оказались на территории Украины и России. Еще более сложным оказался вопрос с ядерной промышленностью. Хотя основная часть промышленного потенциала ядерной промышленности, включая военную ее часть, сосредоточена на территории России, на территории других государств, образовавшихся на месте СССР, осталось много предприятий ядерного топливного цикла и сопутствующего производства. Часть этих предприятий де-факто перешла в собственность вновь образовавшихся государств. Другая часть потребовала сложных переговоров на различных уровнях для решения вопросов дальнейшего использования этих предприятий.

Еще более сложным оказался вопрос с научным потенциалом. Это связано с тем, что в решении этого вопроса оказалось много проблем как субъективного характера (гражданство, место жительства, языковые проблемы и т.д.), так и объективного (ядерные программы исследований, финансирование и т.д.). Следует отметить, что хотя основная масса научного потенциала, вовлеченного в ядерную программу, осталась в России, достаточно много научных учреждений и специалистов оказались на территории вновь образованных независимых государств и вопрос их дальнейшей судьбы должен был решаться в сложных политических и экономических условиях. В том числе и в условиях, когда эти учреждения и специалисты попали в зоны межнациональных военных конфликтов, как это случилось с Сухумским Физико-техническим институтом, являвшимся одним из первых научных учреждений, возникших в ходе создания советской военной ядерной программы. Это уникальное научное учреждение, оказавшись в зоне боевых действий, подверглось обстрелам, и судьба оборудования, ядерных и научных материалов остается неясной до сих пор.

Наконец, интеллектуальная собственность - информация о ядерных технологиях, накопленная за более чем 50 лет

существования ядерной программы СССР. Подавляющая часть этого наследства была закрытой информацией и находилась в соответствующих хранилищах в научных и официальных учреждениях. После распада СССР эти хранилища перешли под юрисдикцию соответствующих официальных правительственные органов и каждое из государств должно теперь решать и беспокоиться о судьбе этой интеллектуальной собственности.

В таких условиях приходится работать и решать весь комплекс вопросов специалистам, занятым сохранностью ядерных материалов во вновь образовавшихся независимых государствах, возникших на территории СССР.

Сдерживающим фактором в разработке эффективной системы учета и контроля материалов в России является отсутствие нормативно-правовой базы для решения проблем учета и контроля на всех уровнях, начиная с федерального и до уровня отдельных зон материального баланса.

Володин: Действующий порядок учета и контроля ядерных материалов в настоящее время организован на основе системы ведомственных нормативных документов, разработанных большей частью в 80-х годах и не учитывающих изменений, которые произошли в России; отдельных ведомственных нормативных и руководящих документов, разработанных, либо переработанных в 90-х годах, и посвященных частным вопросам обеспечения учета и контроля ядерных материалов; отдельных распорядительных документов на отраслевом уровне (приказы, указания органов управления использованием атомной энергии) и уровне установки (например, нормы безвозвратных потерь).

В настоящее время идет процесс дальнейшей разработки правовой и нормативной базы в области учета и контроля ядерных материалов, однако необходимо несколько лет для ее превращения в стройную иерархию законов, федеральных нормативов, регулирующих и руководящих документов различного уровня, которые будут определять требования и порядок функционирования всех звеньев системы государственного учета и контроля ядерных материалов на всех уровнях.

Среди разрабатываемых документов федерального уровня:

1. Положение о системе государственного учета и контроля ядерных материалов в Российской Федерации;
2. Основные правила по учету и контролю ядерных материалов;
3. Порядок организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов в Российской Федерации.

Румянцев: В основу системы положен бухгалтерский учет с периодической отчетностью перед отраслевыми министерствами, в котором учетные параметры ядерных материалов - масса, изотопный состав, обогащение, являющиеся результатом физических измерений, - фиксируются на уровне паспортных данных, приписываемых заводом-изготовителем. Данные завода-изготовителя являются основой учета на всех последующих этапах обращения с изделиями, содержащими ядерный материал. При этом погрешности системы измерений завода-изготовителя выступают в качестве вторичных параметров, предназначенных лишь для контроля соответствия ядерных материалов и содержащих их изделий заданным техническим условиям.

Захаров: Отраслевая система учета и контроля ядерных материалов организационно состоит из двух уровней - отраслевого и объектового.

Формализованная информация с объектах собирается в отделах министерства и, в зависимости от подчиненности объектов, в сводных банках данных. Часть сводной информации (бухгалтерские данные) передается в Министерство финансов, а другая - непосредственно в Правительство - в соответствии с законами эта категория материалов является исключительно федеральной собственностью.

В ходе выполнения производственной программы предприятия ежемесячно представляют данные по отправлению/поступлению

ядерных материалов в стоимостном выражении в вытекающую организацию и в Министерство. Отчет по ядерным материалам в натуральном выражении ежеквартально представляется в Министерство. В нем отражены поступления ядерных материалов со стороны, расход со складов предприятий, при этом показываются остатки ядерных материалов на начало и конец квартала. Таким образом, планирование, учет и отчетность в системе Министерства позволяют на любом производственном этапе и по времени получать интересующие данные. Ежегодно по Министерству проводятся сводный анализ нарушений требований учета, контроля и хранения ядерных материалов и принимаются меры по их устранению. Для каждого предприятия определены формы и сроки бухгалтерской отчетности в зависимости от используемого ими материала. Бухгалтерский учет основан на проведении, как правило, ежемесячных балансов ядерных материалов и является фактически первой ступенью контроля за оперативным учетом. При составлении материального баланса учитываются нормы безвозвратных потерь, нормы коррозионных отложений ядерных материалов в непрерывно действующем оборудовании, весовые и объемные данные всех продуктов, находящихся в технологических цепочках, аппаратах и транспортной таре.

Формы материально-балансовых документов различны, но они отражают все изменения в инвентарном количестве ядерных материалов и результаты проведения физической инвентаризации.

На уровне объекта имеются специальные службы по учету и контролю. Эти службы на предприятиях, как правило, занимаются вопросами транспортирования ядерных материалов.

Также на установках производятся независимые измерения количества ядерных материалов и их идентификация. Методы измерений оформлены в виде отраслевых стандартов, обязательных к исполнению.

При осуществлении учета ЯМ на всех стадиях обращения с ними в процессе производства соблюдается принцип непрерывности персональной ответственности исполнителей работ за обеспечением их сохранности.

Оперативно-технический учет на предприятиях организуется и действует на основании "Типовых положений..." и конкретных инструкций предприятия. Проводится он персоналом и уполномоченными по учету. Передача материалов с одной технологической операции на другую осуществляется по маршрутным картам или операционным журналам. На каждую технологическую операцию (передел) устанавливается норма безвозвратных "потерь" или процентный выход готовой продукции из сырья.

В зависимости от вида ядерных материалов определен порядок ежемесячных, квартальных или годовых инвентаризаций с составлением актов, отчетов и полного материально-баланса по всем имеющимся ядерным материалам. Инвентаризация является второй ступенью контроля за оперативным учетом.

Данная система контроля за перемещением специзделия (СИ) действует на всех этапах жизненного цикла с момента его передачи от предприятий промышленности в эксплуатирующие организации МО до возврата из эксплуатирующих организаций МО на предприятия промышленности для разборки и утилизации.

Ядерный материал в составе СИ обладает наивысшей стратегической значимостью и поэтому меры по обеспечению сохранности СИ являются важнейшей государственной задачей. Ядерные материалы производятся на предприятиях Минатома, включаются в состав СИ, передаются на эксплуатацию в МО (на 12-15 лет), потом возвращаются в Минатом.

Приемо-передача СИ из Минатома в МО и обратно организуется на основании распоряжения начальника 12 ГУМО и осуществляется комиссиями по приемо-сдаточным документам. При этом проверяется наличие контейнера с СИ, наличие пломб

на контейнере. Приемо-передача проводится без вскрытия контейнера и без контроля факта наличия ядерных материалов в СИ.

По окончании сдачи и приема СИ ответственный представитель МО получает заверенную гербовой печатью предприятия накладную на общее количество данной ему техники.

Приемо-передача проводится на станциях прикрытия в составе эшелона без вскрытия вагонов по приемно-сдаточным ведомостям на эшелон. Ответственность за сопровождение и охрану СИ, обеспечение режима и мер безопасности на всем пути следования транспорта от пункта погрузки до пункта выгрузки, возлагается на соответствующего представителя МО.

При доставке СИ от предприятия промышленности или из других эксплуатирующих организаций начальник эшелона сдает эшелон председателю комиссии. Вскрытие вагонов, проверка фактического наличия мест тары и оттисков пломб по приемно-сдаточной ведомости(описи) отправителю производится в присутствии и под контролем комиссии. При поступлении в эксплуатирующие организации МО СИ подвергается обязательному техническому обслуживанию со вскрытием контейнера и корпуса, при этом контроль факта наличия ядерных материалов в СИ не проводится.

Для обеспечения персональной ответственности за СИ на различных этапах выдачи (приема) СИ внутри эксплуатирующей организации используется отрывные талоны. За каждой конкретной группой исполнителей (бригадой) приказом закрепляются спецсооружения и определенная номенклатура СИ и назначаются персонально ответственные за учет и сохранность СИ (офицеры в должности не ниже инженера). Ответственность за организацию и состояние учета по СИ несет командиры воинских частей и их первые заместители (главные инженеры). Учетные и отчетные документы ведутся по формам, указанным в руководящих документах 12 ГУМО и ВС.

Контроль за ведением учета и ответственности осуществляется путем проведения плановых и внезапных проверок. Результаты проверок оформляются актами (при комиссионных проверках) и докладами (при проверках отдельными представителями) и отражаются в соответствующих книгах учета.

СИ, поступившие в эксплуатирующие организации, ставятся на учет по соответствующим книгам на основании приемно-сдаточных актов в двухнедельный срок со дня утверждения или подписания получателем этих документов (аналогичный порядок при отправлении). После постановки на учет (списания с учета) СИ во всех приемно-сдаточных документах делается запись "Поставлено на учет" ("Списано с учета") с указанием инвентарного номера соответствующей книги и страницы, где произведена учетная операция. Запись заверяет ответственный за учет с указанием даты.

Фактическое наличие, комплектность и качественное состояние СИ, а также правильность ведения и хранения учетной, отчетной и сопроводительной документации к ним, контролируются путем проведения полугодовой проверки (по состоянию на 1 июля) и годовой инвентаризации (по состоянию на 1 января).

Инвентаризация проводится комиссионно в присутствии лиц, ответственных за СИ, при этом контейнеры с СИ не вскрываются.

Офицер, непосредственно ведущий учет и отчетность, несет ответственность за законное, правильное и своевременное оформление всех документов (в пределах возложенных на него обязанностей).

В настоящее время производится идентификация СИ по

гамма-нейтронному излучению. Разрабатывается методика его определения для различных типов изделий в зависимости от внешних условий. При этом учитывается влияние корпуса СИ, транспортного контейнера и др. Эти данные будут как параметр внесены в формуляр на СИ и будут подлежать контролю при всех операциях по приемо-передачам СИ.

На первом этапе в качестве приемлемого предложения может быть рекомендован к применению прибор из существующего парка - радиометр СРПС-2. Этот прибор, хотя и устаревшей конструкции, но имеется практически во всех эксплуатационных организациях МО, т.к. используется в целях ПД ИТР.

Наряду с этим одновременно создаются специализированные приборы ручного типа на базе ППД, которые будут действовать в автоматическом режиме и рассчитаны на подключение к ЭВМ для снятия информации и создания, в последующем, базы данных. Уже выполнены действующие макеты и проводится апробирование их работы в реальных условиях. Это позволит ввести реальный контроль за хранением и любым перемещением СИ.

Для целей оперативного обнаружения ядерных материалов разрабатывается ручной радиационный монитор "Страж". Монитор может быть использован для КПП, а также для контроля радиационного заражения окружающей среды, продуктов питания.

Румянцев: Бухгалтерская форма учета и отчетности, основанная на использовании паспортных данных завода-изготовителя, вполне применима для изделий, содержащих ядерные материалы в запечатанной (очехлованной) или штучной форме, например, в виде тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ) или их сборок (ТВЭС) для реакторов, или в виде компонентов ядерного оружия, которые допускают штучный подсчет и контроль заводских номеров и пломб. Однако ядерные материалы в других формах (таблетки, порошок, жидккая форма и т.п. - т.н. "балк-форма"), либо в штучной форме, но содержащие вновь образовавшиеся ядерные материалы, например, плутоний, накапливаемый в процессе облучения в ядерных реакторах с целью последующего выделения и использования, не пригодны для штучного учета и контроля, и требуют применения прямых или косвенных методов измерений, которые не совместимы с принципами бухгалтерских методов учета и контроля. Способом устранения неизбежных различий между бухгалтерскими и измеренными данными по массам и изотопному составу стало создание и применение нормативов технологических потерь ядерных материалов, возведенных в ранг промышленных стандартов. Использование нормативов технологических потерь позволило разрешить противоречие между детерминизмом бухгалтерской системы учета и реалиями сложных технологических процессов обработки ядерных материалов, параметры которых всегда содержат неопределенности, связанные с неустранимыми ошибками систем измерений. Нормативы технологических потерь фактически узаконили "усушку" и "утруську" ядерных материалов в процессах обработки и обращения. Таким образом, бухгалтерская система учета в принципе непригодна для определения фактического баланса материалов, так как полностью игнорирует наличие ошибок измерений.

Известные попытки согласования данных бухгалтерского учета, например, производства плутония на реакторах, с бухгалтерскими данными учета того же плутония на выходе заводов по переработке, были безуспешны. Отчетный выход плутония с реакторов был всегда выше отчетного выхода плутония с заводов по переработке облученного топлива. Расхождения бухгалтерских данных отправителя и получателя устраивались применением упомянутых нормативов технологических потерь и нормативов выхода готовой продукции. Эта практика продолжалась по всей технологической цепи перерабатывающих и обрабатывающих производств вплоть до завершающей стадии изготовления очехлованного изделия с ядерными материалами.

Бухгалтерская система учета ядерных материалов, применявшаяся в СССР и до сих пор применяемая в России, не оперирует такими сложившимися и применяемыми в современных системах учета и контроля понятиями, как "Разница данных Изготовителя и Получателя" или "Количество Неучтенного Материала" (или ее эквивалентом - "Инвентарной Разницей"), отражающими наличие ошибок измерений и различий в системах измерений, применяемых на ядерных установках.

Обнаруживавшиеся время от времени различия в учетных данных по ядерным материалам, помимо ошибок измерений, порой весьма значительных из-за неизбежных отходов производства и загрязнения технологического оборудования, которые трудно измерить, содержали по крайней мере еще один и весьма специфичный источник неопределенностей социальной природы. Этот источник неопределенностей существовал из-за того, что руководство предприятий, несмотря на неизбежные сбои в работе сложнейших технологических комплексов ядерных производств, должно было своевременно отчитываться о полном выполнении государственных планов, имевших силу закона. Наиболее вероятным источником успешного выполнения государственных планов в течении десятилетий, помимо самоотверженного труда работников ядерного комплекса СССР, мог быть запас неучтенных материалов, создававшийся опытными руководителями сложных ядерных производств благодаря применению фиксированных нормативов технологических потерь и фиксированных нормативов выхода готовой продукции.

Очевидно, что такая система учета позволяет оценить фактическое инвентарное количество ядерных материалов, находящихся в настоящее время в России, с относительно большой ошибкой, которую, к тому же, очень сложно определить. Однако в отношении материалов, находящихся в форме очелованных изделий как в мирной, так и оборонной области их применения, можно констатировать, что все они учтены и контролируются с достоверностью, которая может быть обеспечена существующей системой бухгалтерского учета в современных социально-политических условиях.

Пшакин: В настоящее время изменившаяся политическая обстановка как в мире, так и внутри России потребовали пересмотреть отношение к учету ядерных материалов. Во-первых, изменилась ситуация с ядерным оружием и материалами из него, высвобождающимися в результате разоружения. Производство оружия также принимает принципиально другой характер. Соблюдение международных соглашений, в том числе договоров о разоружении и уничтожении ядерного оружия, требуют решить проблемы «прозрачности» ядерной сферы. Для России это традиционно сложный вопрос, поскольку в отличие от США, например, в СССР гражданская часть использования атомной энергии была всегда под патронажем правительственных органов, ответственных и за военную сферу. Производство ядерных материалов для гражданских целей также было сосредоточено на одних и тех же предприятиях. Поэтому политические решения, принимаемые нынешним руководством России, требуют колоссальных усилий компетентных органов и экспертов для того, чтобы обеспечить выполнение этих решений без ущерба для национальной безопасности, а также для экономических интересов России.

Наиболее современными выглядят достижения в области физической защиты, особенно в области создания технических средств охраны. Однако, как было отмечено, подавляющее большинство российских предприятий испытывают трудности экономического характера по замене устаревшего оборудования физической защиты на современные технические системы.

Интересными являются результаты работ по контролю доступа к ядерным материалам. Эта область, ранее регулировавшаяся, в основном, правилами и инструкциями, в настоящее время интенсивно оснащается техническими

средствами, основанными на различных признаках, позволяющих строго контролировать персонал, работающий с ядерными материалами, и достаточно эффективно пресекать любые попытки неразрешенного доступа к ним. В области развития технических средств контроля доступа по биологическим признакам, например, российскими экспертами достигнуты заметные успехи. Примером современной системы контроля доступа является система, разработанная и установленная на одной из установок ГНЦ РФ ФЭИ. Эта компьютеризованная система включает контроль по биологическим параметрам (hand-key и вес), идентификация личности по магнитной карте, радиационный мониторинг, металлоискатель, телевизионный контроль, контролируемое закрытие дверей кабины с пуленепробиваемыми стеклами. Такая система позволяет практически полностью исключить неконтролируемый доступ в зону обращения с ядерным материалом. Кроме того, на пути непосредственного доступа к собственно ядерному материалу существуют дополнительные барьеры для контроля доступа в виде «правила двух», телевизионные системы наблюдения, основанные на компьютерном анализе изображения и другие барьеры. Вместе с тем существуют проблемы в осуществлении эффективности контроля доступа.

Захаров: Хранение СИ в эксплуатирующих их организациях осуществляется на специальных объектах в специальных сооружениях (хранилищах). Территория объектов имеет соответствующую специальную локальную зону охраны и защиты, оборудованную специальной охранной сигнализацией и средствами охраны, в том числе и телевизионными установками. Вход в локальные зоны строго ограничен и организован таким образом, что исключается проникновение (в том числе и несанкционированное) лиц, недопущенных к работам с СИ. Действует пропускной режим.

Вскрытие хранилищ осуществляется группой лиц (не менее трех). Ключ для вскрытия дверей выдается (и хранится) лично главным инженером (первым заместителем командира).

В хранилищах СИ (в контейнерах) хранятся в специальных помещениях (боксах), на каждом контейнере имеется трафарет с фамилией ответственного за хранение данного СИ, датой постановки на хранение, сроком очередного тех. обслуживания. Любое перемещение СИ проводится с обязательным присутствием лица, ответственного за его сохранность, и только при получении письменного приказа от командира в/ч.

Пшакин: Одной из проблем является практически полное отсутствие эффективных технических средств т.н. сохранения (печатей и пломб), которые используются в зарубежной практике уже длительное время и технология которых постоянно развивается. Этой проблеме в СССР не уделялось внимания, поэтому технический уровень печатей и пломб, до сих пор используемых в России, не соответствует уровню современных требований предъявляемых к этим техническим средствам.

Следует отметить, что сотрудничество российских и зарубежных специалистов (в большей степени специалистов США) в области физической защиты позволило использовать накопленный за рубежом опыт при разработке нормативных документов России по физической защите.

Володин: Знаменательным событием, предопределившим государственное внимание вопросам сохранности ядерных материалов, явился Указ Президента Российской Федерации от 15 сентября 1994 г. №1923 «О первоочередных мерах по совершенствованию системы учета и сохранности ядерных материалов» и вышедшее в соответствии с Указом постановление Правительства Российской Федерации от 13 января 1995 г. № 34 «О первоочередных работах по разработке и внедрению

государственной системы учета и контроля ядерных материалов на 1995 г.".

Федеральным законом Российской Федерации "Об использовании атомной энергии", принятым Государственной Думой 20 октября 1995 г., также определены правовая основа и принципы регулирования отношений, возникающих при использовании атомной энергии, закреплены полномочия федеральных органов исполнительной власти и государственного регулирования безопасности в области учета, контроля и физической защиты ядерных материалов.

В одобренной постановлением Правительства Российской Федерации 14 октября 1996 года №1205 Концепции системы государственного учета и контроля ядерных материалов (4) определены назначение, цели и принципы учета и контроля ядерных материалов, основные требования к их учету и контролю, а также установлен перечень ядерных и специальных неядерных материалов, подлежащих учету и контролю в Российской Федерации.

Наконец недавним Указом Президента Российской Федерации от 21 января 1997 года №26 (5) установлены федеральные органы исполнительной власти, отвечающие за государственное регулирование ядерной, радиационной, технической и пожарной безопасности при использовании атомной энергии.

Румянцев: Новый Федеральный Закон об использовании атомной энергии в России установил, что собственником всех ядерных материалов, а также ядерных установок оборонного назначения является государство. Закон устанавливает, что управление ядерными материалами осуществляется самим Правительством (статья 9 Закона) и что ядерные материалы, являющиеся федеральной собственностью, подлежат государственному учету и контролю на федеральном и ведомственном уровнях в системе государственного учета и контроля.

Согласно Закону, в России должны быть две государственные системы учета и контроля (ГСУК) - для ядерных материалов, и для радиоактивных веществ и радиоактивных отходов. Цели функционирования обоих систем совпадают. Обе ГСУК предназначены "для определения наличного количества этих материалов и веществ в местах их нахождения, предотвращения потерь, несанкционированного использования и хищений, предоставления органам государственной власти, органам управления использованием атомной энергии и органам государственного регулирования безопасности информации о наличии и перемещении ядерных материалов, радиоактивных веществ и радиоактивных отходов, а также об их экспорте и импорте." Принципиальное значение имеют сформулированные в законе цели учета и контроля: "определение наличного количества этих материалов" и "предоставление ... информации о наличии и перемещении" таких материалов.

Для того, чтобы достичь этих целей в отношении ядерных материалов, необходимо решить по крайней мере три задачи. Первой задачей является создание отвечающих положениям Закона систем учета и измерений этих материалов на предприятиях и установках для того, чтобы определить их "наличное количество". Второй задачей является создание государственной системы отчетности о наличии и перемещении этих материалов. Третьей задачей является создание государственной системы контроля как наличных количеств, так и отчетности о наличии и перемещении этих материалов.

Решение этих задач предполагает, что в течение весьма короткого периода времени:

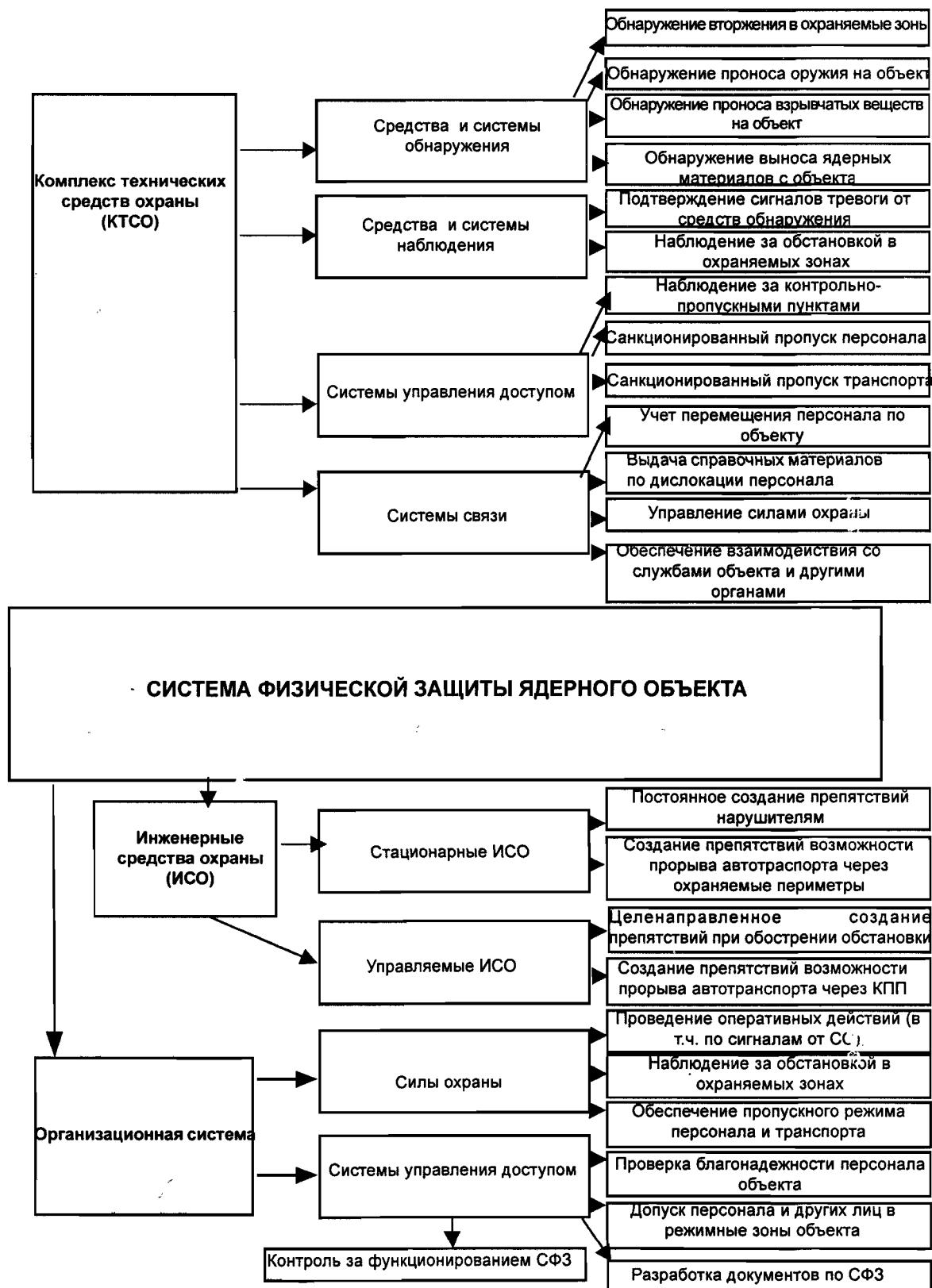
Должны быть разработаны и введены в действие новые нормативные документы, детально регламентирующие технические, процедурные, организационные и отчетные требования в отношении учета и контроля ядерных материалов, радиоактивных веществ и радиоактивных отходов.

- Должны быть разработаны или существенно усовершенствованы системы измерений и контроля ядерных материалов, радиоактивных веществ и радиоактивных отходов на уровне предприятий и установок, способные определять наличные количества таких материалов с погрешностью, позволяющей выявлять потери, хищения или несанкционированное использование значимых количеств таких материалов.
- Должны быть созданы отвечающие требованиям Федерального закона системы учета и контроля на уровне предприятий и установок, обеспечивающие достаточную для целей учета и контроля полноту и оперативность учетной (на предприятиях и установках) и отчетной (для уполномоченных государственных органов) информации о наличных количествах и перемещениях этих материалов.
- На всех предприятиях и установках должны быть проведены начальные Физические Инвентаризации (ФИИ), при планировании и проведении которых должны приниматься во внимание такие факторы, как степень привлекательности ядерных материалов для хищений и несанкционированного использования и общее количество таких материалов.
- Должны быть разработаны структура ГСУК и организация взаимодействия ГСУК с аналогичными системами на уровне предприятий и отраслей, с широким применением процедур учета в почти реальном времени, поддерживаемых современными технологиями компьютеризированной обработки информации.
- Должны быть разработаны нормативные документы, регламентирующие технические, процедурные и организационные требования к проведению Контрольных Физических Инвентаризаций (КИИ).
- Персонал предприятий и установок, и прежде всего, материально-ответственные лица, осуществляющий функции учета и контроля, включая персонал государственных органов надзора, должен пройти соответствующее обучение и переподготовку для осуществления учетных и контрольных функций в соответствии с вновь разработанными нормативными документами.
- Обе системы, существующая бухгалтерская и вновь создаваемая материально-балансовая, как на уровне ГСУК, так и на уровне предприятий и установок, должны некоторое время функционировать параллельно, обеспечивая плавный переход от одной системы к другой без понижения существующего уровня эффективности учета и контроля.

Володин: К этому следует добавить такие мероприятия как:

- развитие инспекционных служб Госатомнадзора России и Минобороны России;
- создание современной автоматизированной информационной системы, обеспечивающей достоверной информацией о количествах, местонахождении и особенностях ядерных материалов;
- совершенствование системы отбора и контроля благонадежности работников ядерных объектов, применение для этого современных технических средств (специального тестирования);
- создание вневедомственной арбитражной аналитической лаборатории для проведения анализов образцов ядерных материалов, включая образцы материалов неизвестного происхождения, по запросам Госатомнадзора России, Минатома России, ГТК России, МВД России, ФСБ России и других ведомств.

В частности, в число основных направлений совершенствования деятельности Госатомнадзора России в области учета и контроля ядерных материалов, физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов входят:

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЯДЕРНООПАСНОГО ОБЪЕКТА

создание системы нормативных и руководящих документов в области учета и контроля ядерных материалов;

оснащение инфраструктуры Госатомнадзора России приборами измерения ядерных материалов для целей идентификации ядерных материалов, проверки достоверности заявленных количеств ядерных материалов, их целостности и сохранности;

совершенствование процедуры лицензирования деятельности в области использования атомной энергии в части конкретизации условий действия лицензий по учету, контролю и физической защите ядерных материалов и проверки выполнения этих условий;

совершенствование инспекционной деятельности; создание автоматизированной системы надзора за учетом и контролем ядерных материалов, физической защитой ядерных материалов.

Решать перечисленные задачи следует с учетом международного опыта и на основе широкого международного сотрудничества, в первую очередь с МАГАТЭ, Евратором, министерством энергетики США и Комиссией по ядерному регулированию США.

Румянцев: Реализация положений Федерального закона в отношении государственного учета и контроля ядерных материалов будет означать, что в России появится современная ГСУК, соответствующая требованиям МАГАТЭ к национальным системам учета и контроля, выработанным при участии СССР еще в начале 70-х гг., способная обеспечить органы государственной власти своевременной и достоверной информацией о ядерных материалах России, пригодных для изготовления ядерного оружия, запасы которых соизмеримы с суммарными запасами таких материалов во всех остальных странах мира.

Однако в Законе не определено, кто в правительстве, или какой орган правительства наделяется правами распоряжения и управления государственной собственностью в виде ядерных материалов. В настоящее время ядерные материалы находятся в ведении нескольких Министерств, ведомств и организаций России, в том числе Мината, Министерства Обороны, Министерства Экономики, РНЦ "Курчатовский институт", каждое из которых ответственно за обеспечение безопасности хранения и использования ядерных материалов, их учет и контроль, сбор и анализ отчетной информации в рамках действующей системы отчетности. Минатом оказался по сути единственным министерством, которое, наряду с учетом и контролем на ведомственном уровне, осуществляет учет на государственном уровне. Однако Федеральный закон разделяет государственный учет и контроль на ведомственный и федеральный и не содержит четких положений относительно структуры государственных органов, осуществляющих как распоряжение и управление ядерными материалами, так и государственный учет и контроль. Решение вопросов реструктуризации системы распоряжения и управления ядерными материалами и создания организационных структур ГСУК поручено Правительству России.

Среди структурных и организационных вопросов, ожидающих своего решения в связи с созданием ГСУК России, отвечающей положениям Федерального закона, можно выделить, по крайней мере, следующие:

- Кто в Правительстве России будет осуществлять фактическое распоряжение и управление федеральной собственностью в виде ядерных материалов - или Минатом как орган государственного управления ядерного промышленного комплекса России - производителя всех ядерных материалов, или оба - Минатом в сфере гражданского применения ядерных материалов и Минобороны в сфере их оборонного применения или Министерство экономики? И в этой связи, кто будет осуществлять лицензирование деятельности, связанной с использованием ядерных материалов - фактический распорядитель и управляющий федеральной собственностью или Госатомнадзор России, на который возложены функции надзора за безопасностью, но не управления?

- Будет ли создаваемая государственная система учета и контроля основываться на принципах использования двух независимых источников информации о наличных количествах ядерных материалов, одним из которых является персонал установок, проводящий с некоторой периодичностью ФИН и на регулярной основе отчитывающийся о получениях и отправках ядерных материалов, а другим - персонал независимого надзорного органа, например, Госатомнадзора, осуществляющий контроль состояния системы учета и проверку заявленного количества ядерных материалов путем проведения КИН?

- Кто будет осуществлять управление ГСУК по завершении ее создания и владеть всей совокупностью информации о федеральной собственности в виде ядерных материалов? В соответствии со статьей 22 Федерального закона ядерные материалы подлежат учету и контролю на федеральном и ведомственном уровнях. Означает ли это, что учетные отчеты, создаваемые на уровне установок и предприятий и содержащие информацию о наличных количествах и перемещениях ядерных материалов, должны направляться в отраслевую систему, и затем передаваться из отраслевой системы на уровень Федеральной ГСУК? Или это означает, что учетные отчеты должны направляться одновременно в обе системы - отраслевую и Федеральную ГСУК? Или это означает, что учетные отчеты должны направляться только в Федеральную ГСУК, способную обрабатывать учетные отчеты по предприятиям отраслей, осуществляя функции отраслевых систем, и по стране в целом, осуществляя учет на федеральном уровне? Возможны, по крайней мере, два варианта решения этих проблем. Или Минатом, обладающий громадным практическим опытом создания и применения существующей бухгалтерской системы, должен создать и обеспечить функционирование как ГСУК федерального уровня, так и своей ведомственной ГСУК, а все остальные министерства, ведомства и организации должны направлять учетные и, возможно, инспекционные отчеты в Минатом, или ГСУК федерального уровня создается как внеотраслевая правительственная структура, непосредственно получающая все учетные отчеты с предприятий и установок, и, возможно, инспекционные отчеты инспектората Госатомнадзора и инспектората Министерства обороны, и предоставляющая данные о наличии и перемещениях федеральной собственности в виде ядерных материалов всем остальным уполномоченным государственным органам?

С учетом переходного состояния, в котором находится экономика страны, структуры государственного управления будут вынуждены адаптироваться к новым экономическим реальностям и относительно часто изменяться. Видимо, любое решение упомянутых выше вопросов при практическом применении Федерального закона в отношении ГСУК будет иметь характер временного решения. Проблема в том, чтобы при создании новой ГСУК как на федеральном, так и на ведомственных уровнях, минимизировать риск утраты существующего уровня контроля за ядерными материалами и обеспечить относительно плавный переход от существующей ГСУК к новой системе, отвечающей положениям Федерального закона об использовании атомной энергии.

Известно, что технология производства ядерного оружия уже не составляет секрета. Решающим препятствием на пути распространения ядерного оружия и возможного ядерного терроризма является строгий контроль ядерных материалов, и, прежде всего, материалов оружейного качества. Совершенствование этого контроля и усиление средств обеспечения безопасности таких материалов является не только проблемой России, но также проблемой для других стран с развитой ядерной технологией, что является положительным моментом в развитии международного сотрудничества в этой области, исключительно важной для национальной и международной безопасности.

Тимур Жантикин

генеральный директор Агентства
по атомной энергии Республики Казахстан**ЭКСКЛЮЗИВ**

Владимир Школьник

министр науки и техники Республики Казахстан,
президент АН Республики Казахстан**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ****ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

После распада СССР на территории Казахстана осталась развитая ядерная промышленность, которая включает предприятия по добыче и переработке урановой руды Государственной акционерной компании "Казатомпром" и завод по изготовлению топлива (таблеток) для энергетических атомных реакторов типа ВВЭР и РБМК. На Мангышлакском атомном энергетическом комбинате эксплуатируется реакторная установка на быстрых нейтронах БН-350. В институтах Национального ядерного центра республики имеется четыре исследовательских реактора. Вместе с тем, в Казахстане не было соответствующих государственных структур, контролирующих ядерную деятельность на территории страны.

Данное обстоятельство потребовало от руководства страны разработки в кратчайшие сроки стратегии государственной политики как в отношении становления системы контроля ядерной деятельности в стране, так и внутригосударственной политики по отношению к атомно-промышленному комплексу.

Республика подписала Лиссабонский протокол к Договору между СССР и США о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), где обязалась в кратчайшие сроки присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве государства, им не обладающего. Вскоре республика выполнила взятые на себя обязательства, и после присоединения 13 декабря 1993 года к Договору в соответствии с его положениями было подписано Соглашение о гарантиях между Правительством Казахстана и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), которое вступило в силу в 1995 году после его ратификации Указом Президента республики. Сейчас все ядерные объекты страны поставлены под гарантии МАГАТЭ.

В республике есть опытные кадры, развитая атомная промышленность и наука, есть и большой практический опыт в области атомной энергетики и промышленности. Страна твердо придерживается принципов нераспространения ядерного оружия. С ее территории вывезено все ядерное оружие, прекращены все работы, которые потенциально могут иметь выход в военную область применения ядерной энергии. При поддержке ряда зарубежных стран проводится широкая программа конверсии бывшей военной исследовательской инфраструктуры - это касается как самих специалистов, занятых в прошлом в военных программах СССР, так и инфраструктуры испытательных полигонов. Все это требует иногда нетрадиционного подхода к решению проблемы применения международных гарантий ядерной деятельности на территории Казахстана.

Мы хорошо понимаем отличия позиций разных государств по отношению к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Как части бывшей ядерной державы нам понятна и знакома позиция государств "ядерного клуба". В то же время, мы с пониманием относимся к позиции стран, развивающих ядерные технологии и не присоединившихся к существующему Договору. Понимаем неравенство положения его участников и понимаем требования неприсоединившихся стран о равном применении гарантий ко всем участникам Договора - независимо от их статуса, от

того, обладает или нет страна ядерным оружием. Но мы отаем себе право в том, что разумной альтернативы Договору сейчас пока нет. Поэтому Казахстан твердо проголосовал за продление действия Договора, который в достаточной мере доказал, что является эффективным инструментом поддержания режима нераспространения.

В 1992 году указом президента республики было создано Агентство по атомной энергии, в обязанности которого среди прочего входила организация государственной системы учета и контроля (ГСУК) ядерных материалов. Неоценимую помощь в период становления оказали республике МАГАТЭ и ряд стран, которые в рамках Координационного плана МАГАТЭ разработки и внедрения ГСУК в Казахстане поддержали нас в этот сложный период. У нас в стране не было опыта организации государственного контроля ядерной деятельности, не было соответствующих кадров. Поэтому весьма важно было в первую очередь подготовить специалистов в этой области.

Ряд интенсивных учебных курсов, проведенных МАГАТЭ, Швецией, США и Великобританией для сотрудников Агентства по атомной энергии Республики Казахстан и работников предприятий атомно-промышленного комплекса страны, занятых в системе учета и контроля ядерных материалов, помог получить необходимые знания для внедрения этой системы. Также проводилась подготовка наших работников на специализированных курсах по применению различных методик и методов измерений ядерных материалов в целях гарантий. Можно отметить курсы Шведского инспектората по ядерной энергии на предприятиях по производству ядерного топлива, Бюро по гарантиям Министерства промышленности и торговли Великобритании на предприятиях топливного комплекса и быстрых реакторах, ряд курсов Комиссии по ядерному регулированию США и Министерства энергетики США.

При ограниченном числе сотрудников Агентства по атомной энергии очень важным вопросом является автоматизация ведения учета ядерных материалов на территории республики. Поэтому с самого начала мы уделяли особое внимание оснащению Агентства вычислительной техникой и соответствующим программным обеспечением. В настоящее время для ведения учета ядерных материалов и подготовки отчетов по их балансовым количествам используется программа, разработанная специалистами Шведского инспектората по ядерной энергии. Она адаптирована для учета материалов на конкретных предприятиях Казахстана, организована передача данных из системы учета предприятия в базу данных Агентства, отработана система подготовки совокупных отчетов по стране в МАГАТЭ на магнитных носителях. Следующим шагом должна стать разработка системы полевой поддержки инспекций.

Другой важной проблемой организации государственного контроля ядерных материалов была работа системы физической защиты. Слабым местом была существовавшая фрагментарность системы, разрозненность и отсутствие координации между органами и организациями, занятыми в

физической защите установок и ядерных материалов. Стояла также проблема переподготовки кадров и оснащения современным оборудованием служб охраны ядерных объектов, организации их взаимодействия между собой и другими государственными органами.

В настоящее время Агентством по атомной энергии подготовлен проект Государственной концепции по физической защите, который после согласования с заинтересованными министерствами и ведомствами страны передан на рассмотрение Правительства. Проект Концепции разрабатывался при активном участии группы юристов МАГАТЭ, и ряд их рекомендаций был учтен в окончательном варианте проекта.

ПРИМЕНЕНИЕ ГАРАНТИЙ В КАЗАХСТАНЕ

В области внутренней политики республики: в области нераспространения главным вопросом является применение гарантит МАГАТЭ в связи с ДНЯО. Как отмечалось выше, применение гарантит на ядерных объектах Казахстана не всегда проходит гладко. В мировой практике нет еще опыта постановки под гарантит объектов на территориях бывших ядерных военных полигонов. Здесь очень важным было решить проблемы совмещения интересов различных заинтересованных сторон. Казахстан однозначно руководствовался принципами Договора о нераспространении и Соглашения о гарантитах, поэтому с благодарностью принял помощь стран-доноров по программе поддержки развития государственной системы учета и контроля ядерных материалов, координацию которой осуществляло МАГАТЭ. Это было особенно полезно для нашей страны, не имевшей в прошлом опыта применения гарантит.

С другой стороны, на территории бывшего испытательного полигона сохраняется чувствительная информация. Традиционные гарантиты МАГАТЭ применяются к ядерным установкам и ядерным материалам, то есть с помощью подписанных с МАГАТЭ Соглашения наше государство доказывает мировому сообществу, что не ведет никакой незаконной деятельности и не переключает ядерные материалы на незаконное использование. Но чувствительная информация остается за пределами действия системы гарантит, а иногда даже вызывает сложности при их применении. Главный вопрос, который беспокоил нас при реализации Соглашения по гарантитам - это насколько детально могут быть представлены данные по материалам и установкам, имевшим в прошлом военное применение, инспекторам из неядерных стран. После ряда консультаций с МАГАТЭ и Российской Федерацией, являющейся правопреемницей СССР в этой области, были найдены приемлемые формы и процедуры применения гарантит на установках бывшего Семипалатинского ядерного испытательного полигона.

Определенные трудности возникли и при постановке под гарантит завода по производству топлива АЭС Ульбинского металлургического завода в Усть-Каменогорске. Применявшаяся на заводе система учета ядерных материалов не во всем соответствовала требованиям МАГАТЭ, вытекающим из Соглашения по гарантитам и документов по стандартным процедурам МАГАТЭ для их учета. Большая работа была проделана специалистами предприятия для своевременной постановки этого сложного производства под гарантит. Весомый вклад внесли, конечно же, учебные курсы и семинары, практические занятия на аналогичных производственных стран-доноров и другие мероприятия, позволившие максимально эффективно использовать опыт и знания работников завода для скорейшего перехода на международную систему учета ядерных материалов. Остается нерешенным пока только один вопрос - склад металлического тория, который не поставлен под гарантит в связи с техническими трудностями при верификации его инвентарных количеств.

В Агентстве по атомной энергии разработана и функционирует государственная система учета и контроля ядерных материалов. В ней собираются данные по всем ядерным материалам на территории страны, на основании которых готовятся отчеты в МАГАТЭ. Раз в месяц на всех ядерных объектах проводятся инспекции МАГАТЭ, во время которых проверяется учетная документация и выборочное соответствие данных отчетов количеству ядерных материалов, имеющихся на объекте. Раз в год проводится верификация всех ядерных материалов. То есть, система учета и контроля ядерных материалов, отчетность и инспекционная деятельность МАГАТЭ обеспечивают прозрачность ядерной деятельности на территории страны.

Другим важным компонентом государственной системы поддержания режима нераспространения является контроль ядерного экспорта и импорта. Экспорт ядерных материалов и материалов двойного использования контролируется государством на основании принятого в прошлом году Закона о контроле экспорта вооружений, военной техники и материалов двойного использования. Контроль ядерного импорта пока осуществляется на основании соответствующих постановлений Правительства.

Отметим, что все эти три компонента являются неотъемлемыми и взаимосвязанными частями единой системы государственного контроля ядерных материалов, гарантирующей поддержание режима нераспространения на территории республики. В зависимости от того, насколько эффективно будут они работать и насколько эффективно будет работать вся система в целом, насколько эффективно будут поддерживаться условия режима нераспространения. Все это нашло отражение в Законе об использовании атомной энергии, который вступил в силу 14 апреля 1997 года.

ПОВЫШЕНИЕ ДЕЙСТВЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ

В нашей республике всецело поддерживаются усилия МАГАТЭ по повышению действенности и эффективности системы гарантит. Одобрена программа 93 + 2, суть которой заключается в расширении зоны действия контролирующих инспекций МАГАТЭ; Казахстан готов присоединиться к системе мер по пресечению незаконного оборота ядерных материалов и радиоактивных источников. На горячих камерах реактора БН-350 Мангышлакского атомного энергокомбината уже проводятся дополнительные мероприятия по первой части программы 93 + 2, взяты пробы, в МАГАТЭ переданы дополнения к вопросникам по установке.

В связи с переходом к рыночной экономике в Казахстане возникает ряд проблем, которые можно отнести за счет переходного периода. Не совсем однозначно воспринимаются положения Закона об использовании атомной энергии, допускающие различные формы собственности на ядерные объекты. С другой стороны, не воспринимаются требования полного государственного контроля всей ядерной деятельности на территории республики независимо от форм собственности. Сейчас в Агентстве по атомной энергии идет работа по подготовке проекта Положения о лицензировании видов деятельности, относящихся к использованию атомной энергии. Это Положение должно быть утверждено Правительством Республики Казахстан, и в нем предполагается ввести все необходимые правовые нормы, обеспечивающие государственный контроль за ядерной деятельностью на территории страны.

В этом ряду особенно важным остается вопрос обеспечения мер по поддержанию режима нераспространения в переходный период. Это касается всех компонентов контроля ядерных материалов и материалов двойного использования, а также обеспечения ядерной и радиационной безопасности. Государственные органы республики занимают в этих

вопросах ясную и твердую позицию - при наличии различных форм собственности на ядерные объекты безоговорочно должен сохраняться полный контроль государства за всеми видами ядерной деятельности на территории страны. И здесь неуместны никакие ссылки на коммерческую тайну или другие факторы, ограничивающие или препятствующие осуществлению государственного контроля. Вся информация о ядерных материалах на объектах должна быть доступнаполномочным государственным органам; все экспортно-импортные операции по ядерным материалам и технологиям, по материалам двойного использования должны лицензироваться государством без каких-либо исключений. Только при таком подходе государство сможет эффективно контролировать выполнение условий режима нераспространения ядерного оружия на территории страны.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА

Регулирование ядерной деятельности в Казахстане производится на основе правовой и нормативной базы, большая часть которой осталась со времен СССР. При переходе к рыночной экономике возникает необходимость значительного изменения положений регулирующих документов. В первую очередь это касается правовой базы.

Выйдя на мировую арену в качестве безъядерного государства, Казахстан обязан гармонизировать свое законодательство с нормами международного атомного права. К сожалению, в республике ощущается недостаток юристов, специализирующихся в этой области юриспруденции. Поэтому первый законопроект в области регулирования мирной ядерной деятельности Казахстана, подготовленный сотрудниками Агентства по атомной энергии, прошел ряд экспертиз в международных организациях, в государственных органах других стран. И как мы надеемся, в Законе Республики Казахстан об использовании атомной энергии учтен опыт многих видных юристов, работающих в области атомного права. Предполагается, что кроме Закона об использовании атомной энергии будут представлены Закон о радиационной безопасности населения, разработка которого уже начата в парламентских комитетах с участием специалистов Агентства по атомной энергии, Закон об обращении с радиоактивными отходами и, возможно, отдельный Закон об экспортно-импортном контроле ядерных материалов.

Таким образом, правовую базу регулирования использования атомной энергии составляют следующие документы:

Законы Республики Казахстан, Указы и Распоряжения Президента, Постановления Парламента;
Постановления Правительства и государственных органов управления, положения о регулирующих и надзорных органах;
Нормативные документы;
Государственные и промышленные стандарты, строительные нормы и правила;
Ведомственные нормативные документы;
Эксплуатационная и технологическая документация.

Для осуществления надзора и контроля за ядерной деятельностью в настоящее время задействованы следующие государственные органы:

Государственная система учета и контроля ядерных материалов - Агентство по атомной энергии Министерства науки - Академии наук;

Физическая защита - Агентство по атомной энергии, Министерство внутренних дел, Комитет национальной безопасности;

Экспортный контроль - Агентство по атомной энергии, Департамент промышленности и торговли Министерства экономики, Таможенный комитет.

ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ

При развитии научных и технических контактов с другими странами мы считаем, что важно учитывать отношение этих стран к мерам по поддержанию режима нераспространения. Участие в исследованиях, передача сведений или материалов в области атомной энергетики или промышленности возможны только при наличии надежных гарантий мирного их использования. Этот принцип одинаково твердо выполняется по отношению к любым странам, независимо от их участия в ДНЯО или других международных договорах или соглашениях. Однако, участие в ДНЯО и применение гарантий МАГАТЭ считаются достаточными доказательствами мирного характера ядерной деятельности в стране.

Еще до присоединения Казахстана к ДНЯО правительство Казахстана издало постановление № 183 от 9 марта 1993 г., утвердившее "Положение об экспорте и импорте ядерных материалов, технологий, оборудования, установок, специальных неядерных материалов, оборудования, материалов и технологий двойного назначения, источников радиоактивного излучения и изотопной продукции". Нет необходимости подробно описывать содержание этого довольно объемного документа, но следует отметить его следующую отличительную черту. Примечательно то, что этим постановлением Казахстан обязался осуществлять ядерный экспорт в соответствии с положениями ДНЯО, формальным участником которого Казахстан в то время еще не был. Фактически Положением были учтены все международные требования к процедурам осуществления ядерного экспорта в страны, не обладающие ядерным оружием.

30 июля 1993 г. Президент Нурсултан Назарбаев издал Указ № 1311 "О дополнительных мерах по организации внешнеэкономической деятельности Республики Казахстан", где, в числе прочего, была сформулирована задача разработать и представить "концепцию государственной системы экспортного и импортного контроля". После этого было отдано распоряжение начать подготовку Закона, регулирующего контроль над экспортом в Казахстане, и 18 июня 1996 года Президентом был утвержден и вступил в силу Закон Республики Казахстан "Об экспортном контроле вооружений, военной техники и продукции двойного назначения". Вместе с Законом "О таможенном деле в Республике Казахстан" № 2368, от 20.07.95 г. и Постановлением Кабинета Министров РК "О порядке экспорта и импорта товаров (работ, услуг) в Республике Казахстан" от 12.03.96, № 298 они создали правовую базу для государственного контроля ядерного экспорта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За короткий период времени, прошедший с момента присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия, в Казахстане созданы основы системы государственного контроля ядерных материалов, которая включает три основных компонента:

- государственная система учета и контроля ядерных материалов,
- физическая защита ядерных материалов и установок,
- система контроля ядерного экспорта и импорта.

Ближайшей целью является создание в стране адекватной законодательной базы регулирования использования атомной энергии и инфраструктуры государственных органов надзора и контроля всех видов ядерной деятельности на территории республики.

Оказание помощи странами с развитой системой государственного контроля ядерных материалов позволило наиболее эффективно использовать кадровый потенциал республики при переходе к системе международных гарантий ядерной деятельности на территории страны и значительно сократить сроки начала действий по применению гарантий.

АНАЛИЗ

ЭКСКЛЮЗИВ

ВОЗРАСТАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РОЛИ ВЫСОКОИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗА ЕГО РАЗВИТИЕМ И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ

В последнее время наблюдается ускорение разработок и наращивание, особенно в США, сил, оснащаемых средствами вооруженной борьбы, к которым американцы добавляют эпитет "smart" (на русский язык он обычно переводится как "умный"). Но если речь идет об оружии, то многие переводчики по-прежнему пользуются уже прижившимся у нас термином "высокоточное оружие" (ВТО)¹, хотя это, как будет показано ниже, и не совсем верно.

ПРЕДЫСТОРИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

Первый всплеск внимания профессиональных военных и политиков к ВТО наблюдался еще в 70-х годах после успешного (в военно-техническом смысле) применения американцами управляемых авиабомб во Вьетнаме. Именно тогда установились некоторые термины: жаргонный "smart bomb", более строгий и широкий "precision-guided weapon (PGW)" и его русскоязычный эквивалент - ВТО, хотя те же виды оружия в СССР определялись и другим термином - "управляемые средства поражения (УСП)". Затем в обиход был введен термин "precision-guided munition (PGM)", который в нашей стране также был переведен как ВТО. Содержавшееся в публикациях определение подчеркивало по отношению к слову "precision", что речь идет о любом управляемом боеприпасе (не только бомбе), который обладает вероятностью попадания более $P = 0,5$ во всем диапазоне дальностей пуска (стрельбы) по типовым целям. В качестве целей рассматривались конкретные подвижные и неподвижные объекты: танк, корабль, мост, РЛС и т.п.

Успехи применения ВТО инициировали расширение типажа УСП и условий их боевого применения. УСП, которые состояли на вооружении и до появления "smart bomb", например, противотанковые, противокорабельные и противосамолетные зенитные и авиационные ракеты, применялись, главным образом, для поражения контрастных целей на однородных фонах (небо, море). Новые разновидности систем наведения позволили поражать слабоконтрастные цели на сложных фонах. Типовыми представителями PGM назывались, в частности, ракеты класса "воздух-поверхность": американские *Maverick* (AGM-65A), *Shrike* (AGM-4A); *Bulldog* (AGM-83A), *Condor* (AGM-53A); французские *AS.20* и *AS.30*, англо-французские *Martel* (AS37, AJ168). К этой же категории были отнесены многие противотанковые ракеты, например, американская *TOW*(BGM-71A), различные авиабомбы с лазерными, инфракрасными, телевизионными и другими системами наведения, зенитные управляемые ракеты: в частности, американская *Stinger*, французская *Crotal*, франко-западногерманская *Roland*. В зарубежных изданиях к категории PGM были отнесены и некоторые УСП, состоявшие на вооружении в Вооруженных Силах СССР (их истинные наименования стали широко известными только после распада СССР и публикаций в журнале *Military Parade* и других изданиях). При этом специалисты не считали, что ВТО появилось только в 70-х годах. Однако подчеркивалось резкое, скачкообразное расширение сферы использования УСП, замена

Виталий Цымбал

доктор технических наук,
Государственный Центр военно-
технической экспертизы проектов и
программ двойного назначения

неуправляемых боеприпасов управляемыми в нетрадиционных для них системах оружия. Этому "прорыву" способствовало большое число научно-технических достижений в области электроники, сенсорной техники, технической кибернетики.

Одновременно разрабатывались и другие концепции (направления) развития оружия. Концепция "fire and defeat" ("выстрел-поражение") предусматривала совершенствование не только систем наведения, но и могущества боеприпаса. Количественной мерой совершенства оружия считалась уже не вероятность его попадания в цель, а вероятность ее поражения. Пороговое значение численно принималось тем же: 0,5. Другая концепция "fire and forget" ("выстрелил-забыл") имела своей задачей исключить участие человека-оператора из процесса наведения УСП на цель, что давало ему возможность после выстрела (пуска) УСП заниматься в бою решением других задач. Третья концепция - "lock after launch" ("захват после пуска") - еще больше упрощала использование оружия, главным образом, предпусковые операции. К сожалению, многие из этих концепций, реализацией которых правильнее было бы считать создание высокозэффективного оружия (ВЭО), в нашей стране были также отнесены к области ВТО. Так возникла терминологическая путаница.

В те же 70-е годы в США была провозглашена и реализована первая из так называемых "инициатив" или комплексных программ, посвященная разработке новых средств для ведения боевых действий на суше - *Land Combat Initiative*. Прежде всего эта "инициатива" была направлена против традиционного способа подготовки и ведения наступательных боевых действий - заглавиременного накопления во втором эшелоне ударных сил и последующего их ввода в прорыв. Главной целью для новых средств поражения считались танки, а также комплексы ПВО, прикрывающие группировку ударных сил от средств воздушного нападения. Из разработанных систем (видов оружия) наибольшую известность получили *Precision Location Strike System (PLSS)* и *Assault Breaker*. Несмотря на то, что за рубежом у этих "систем" не было официального понятия, которое бы их объединяло, у нас многие военные специалисты отнесли их к единому классу - к разведывательно-ударным комплексам (РУК)². Более того, произошла еще одна деформация понятий. Хотя обе упомянутые системы оружия под ранее установленвшееся определение PGM никак не подходят, их отнесли еще и к разряду ВТО.

Логическим развитием ВТО в последнее время стало создание в США систем с неядерными ракетами морского базирования большой дальности "Tomahawk". Успешное применение этих ракет, а также других новых УСП меньшей дальности (не только американских) в Персидском заливе, затем и на территории бывшей Югославии снова подогрели интерес к ВТО.

Но к какому ВТО? Сейчас в результате нестрогого отношения к терминологии сложилась такая ситуация, когда к одному понятию ВТО, несмотря на наличие энциклопедического определения¹ различные авторы относят и само ВТО в его изначальном определении, и ВЭО, и ракеты типа "Tomahawk", и всевозможные разведывательно-огневые комплексы (системы).

Безграничное расширение любого термина не является продуктивным. Тем более, что есть другие, давно устоявшиеся в нашей стране официальные определения, по отношению к которым термин ВТО является подчиненным. И эти термины накладывают пределы расширению понятия ВТО. Прежде всего следует вспомнить определение "оружия", под которым принято понимать "устройства и средства, предназначенные для поражения противника в вооруженной борьбе", либо общее название устройств и средств, применяемых для уничтожения живой силы противника, его техники и сооружений². Вторая часть составного термина ВТО - "точность". Если заранее исключить из рассмотрения такие "неточные" виды оружия как "оружие массового поражения", "геофизическое оружие" и им подобные, то применительно к ВТО следует использовать понятие "точности стрельбы" или "точности попадания". А это, как известно, - "вероятностная оценка возможных положений точек падения (разрывов) снарядов, ракет, пули относительно цели"³, или, правильно, - относительно некоторой точки прицеливания (например, геометрического центра цели). В большинстве публикаций по теории и практике стрельбы можно найти и указание на то, что для цели, имеющей конечные размеры, "точность можно определить вероятностью попадания в цель"⁴. Следовательно, в определении ВТО, опираясь на ранее установленные понятия "оружие" и "точность", остается только доопределить понятие "высокая". Какую точность следует считать высокой?

Строго обосновать "норму" высокой точности едва ли возможно. В практике эффективностных оценок традиционно считалось, что если вероятность поражения типовой цели при ее обстреле находится в диапазоне 0,7-0,8 и при этом расходится не более двух боеприпасов, то оружие является достаточно эффективным. Этим интуитивным представлениям вполне соответствует название выше число 0,5, которое должна превышать вероятность поражения цели одним выстрелом (пуском) образца ВЭО, поскольку тогда вероятность поражения цели двумя выстрелами, если они будут независимыми, как нетрудно подсчитать, превысит 0,75.

На современном этапе развития военной техники таким уровнем точности обладают многие образцы УСП (ракет, снарядов, бомб, мин, торпед), а также перспективные образцы лучевого оружия, прежде всего лазерного.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать две дефиниции:

- 1) ВТО - совокупность УСП и, возможно, некоторых образцов лучевого оружия, вероятность прямого попадания которых в конкретные одиночные типовые цели-объекты превышает 0,5 во всем диапазоне дальностей стрельбы (пуска) этих средств, во всех расчетных условиях их боевого применения;
- 2) ВЭО - средства поражения (управляемые и неуправляемые), обладающие вероятностью поражения типовых целей, в том числе площадных и групповых, более 0,5 во всем диапазоне условий боевого применения этих средств.

Первое из этих кратких определений в части УСП практически полностью совпадает с определением PGM в США и НАТО; оно и зафиксировано в Военной энциклопедии России⁵; второе соответствует оружию, разрабатываемому согласно концепции "выстрел-поражение".

Однако новейшие разработки УСП и средств, обеспечивающих их применение, продвигаются дальше. И требуют доопределить те новые качества, которые позволяют говорить о наступлении принципиально новой стадии в развитии оружия.

Во-первых, уровень точности, выражаемый вероятностью попадания в цель 0,5, во многих системах уже преодолен. И поэтому высокую способность "совершенного" оружия попадать в цель следовало бы наверное определить другим, более жестким условием, например $P \geq z$, где иррациональное число $z = (\sqrt{5} - 1) / 2 \sim 0,62$ связано с так называемым "золотым сечением", известным людям давно, соответствующим их представлениями о совершенстве и находящим все новые подтверждения этой связи с "гармонией" в живой и неживой природе.

Во-вторых, и это главное, внедрение в системы управления и наведения УСП достижений сенсорной и компьютерной техники, все более сложных алгоритмов обработки информации, современного программного обеспечения и других достижений информатики и кибернетики делают возможной такую "интеллектуализацию" оружия, которая позволяет, выстрелив в район цели, "доверить" средству поражения выполнение таких функций как поиск цели, обнаружение ее на сложном фоне и в помеховой среде, становка, выбор направления захода на цель и наиболее уязвимого фрагмента сложной цели, оптимизацию условий подрыва боевого снаряжения и т.п.

Такие представления о новых качествах и новой стадии развития оружия позволяют сформулировать еще одно определение - высокотехнологичного оружия (ВИО), соответствующего, как нам кажется, современной трактовке английского слова "smart".

ВИО - совокупность УСП и, возможно, некоторых других образцов оружия, способных выполнять человекоподобным образом ряд интеллектуальных функций, связанных с поиском цели и оптимизацией условий ее поражения с вероятностью, превышающей 0,62, во всем диапазоне дальностей стрельбы (пуска этих средств), во всех расчетных условиях их боевого применения.

Представляется полезным напомнить, что, вообще говоря, определения правильными или неправильными не бывают. Они могут быть неадекватными действительности, некорректными (внутренне противоречивыми), непродуктивными при их использовании на практике. Насколько продуктивным окажется данное определение, покажет время.

ЭФФЕКТИВНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРУЖИЯ

При развитии и совершенствовании современного оружия много внимания былоделено точности. Но точность, строго говоря, - не боевая, а техническая характеристика.

Основное же качество любого оружия - его эффективность. Согласно установленному представлению,⁶ она является "совокупностью характеристик степени поражения цели" и численно "выражается через вероятность поражения, математическое ожидание числа пораженных целей, гарантированный ущерб и другие показатели". Иными словами, эффективность является основной боевой характеристикой оружия, выражается через наносимый противнику ущерб и обеспечивается, естественно, за счет рационального сочетания всех подсистем оружия. Это позволяет вести речь о "вкладе" каждой подсистемы и ее характеристик в эффективность.

Наибольший "вклад" в эффективность оружия вносят точность попадания и мощность боезаряда. Обычно в качестве достаточно полной характеристики боезаряда используются так называемые координатные законы поражения, имеющие вид функциональных зависимостей вероятности поражения цели от местоположения точки, в которой происходит подрыв боезаряда. Но часто удается выразить "качество" боезаряда не функцией, а числом: величиной приведенной площади поражения, либо радиусом круговой зоны поражения типовой цели. При этом зона поражения может не совпадать с фактическими размерами цели: быть как меньше, так и больше этих размеров в зависимости от типа цели и боезаряда.

Применительно к определениям ВТО и ВЭО важно подчеркнуть, что в первом из них рассматривается прямое попадание в область пространства, фактически занимаемую целью, во-втором - в приведенную зону или площадь поражения.

Во многих случаях высокая эффективность оружия может быть обеспечена как за счет повышения точности, так и за счет повышения могущества боезаряда, в частности, путем рационального распределения поражающего эффекта в пространстве. В связи со сказанным рассмотрим для примера одну из известных⁷ зависимостей вероятности поражения цели Р от точности σ, выражаемой среднеквадратическим отклонением (СКО), и мощности заряда q для случая кругового рассеивания и фугасного действия взрыва на цель. Эта зависимость такова:

$$P = 1 - \exp[-k * q^{(2/3)} * \sigma^{(-2)}].$$

Из условия $\Delta P = (dP / dq) * \Delta q + (dP / db) * \Delta b = 0$ следует, что $\Delta q / q = -3 * (\Delta b / b)$, т.е. одно и то же относительное увеличение q оказывается на вероятности поражения цели в три раза меньше, чем такое же относительное уменьшение СКО σ. Здесь и далее символ Δ означает приращение той переменной, символ которой стоит за ним, dP/dq - частная производная. Знак ^ означает возведение в степень, показатель которой указан за этим знаком в скобках; знак * означает умножение; k - коэффициент, характеризующий индивидуальные качества цели. Важность точности попадания как характеристики оружия проявляется при сопоставлении требуемых количеств (так называемых нарядов) средств поражения одиночными целей ядерным и обычным (фугасным) боеприпасами. Если могущество последнего достаточно велико (больше, чем максимально необходимо для поражения цели при прямом попадании в нее), то всегда существует некоторое пороговое значение точности, при достижении которой полигонные наряды средств поражения (обычного и ядерного) выравниваются. Тогда обычное ВЭО в эффективностном смысле (при воздействии на одиночную цель) окажется равносильным тактическому ядерному оружию. Аналогично этому, если СКО рассеивания таково, что боеприпас попадет непосредственно в цель, а боезаряд обеспечивает ее поражение, то и ВТО окажется равносильным тактическому ядерному.

Но в тех случаях, когда цель достаточно прочна, когда один неядерный заряд ВТО не в состоянии ее разрушить даже при прямом попадании, простое увеличение наряда высокоточных средств (в разумных пределах) не приводит к ее поражению. Формально это выражается в том, что вероятность поражения цели при стрельбе по ней n раз равна $P_n = 1 - (1 - P)^n$, а значит при близких к нулю значениях вероятности P поражения цели одним выстрелом (пуском) увеличение P_n за счет увеличения n практически неосуществимо.

Иное дело ВИО. За счет распределения точек удара на уязвимых фрагментах цели, создания специальных законов поражения, в частности, например, при нанесении серии ударов в одну точку (продалбливание), приведенная выше формула оказывается несправедливой, происходит накопление ущерба, срабатывают различные кумулятивные эффекты, особенно при последовательном применении различных поражающих факторов (осколочного, фугасного, зажигательного и т.п.). И наряд средств ВИО может оказаться приемлемым даже при ударе по высокопрочным, защищенным объектам типа шахтных пусковых установок, центров государственного управления или по экологически опасным объектам типа химических предприятий, АЭС, плотин и т.п. За счет осуществимости подиска цели в заданном районе возможно поражение мобильных ракетных комплексов. А эти возможности в совокупности означают приближение ВИО по своей эффективности к стратегическому ядерному оружию!

Следующим весьма важным моментом при оценке оружия является анализ зависимостей точности и эффективности от дальности стрельбы (пуска). Естественно, что поскольку в случае УСП помимо боезаряда приходится доставлять к цели еще и аппаратуру системы наведения, то масса заряда,

доставляемого УСП, меньше массы заряда неуправляемого средства поражения. Но, с другой стороны, точность для многих УСП (и особенно ВИО) практически не зависит от дальности, в то время как для неуправляемого оружия она падает с увеличением дальности, причем сильнее, чем в линейной зависимости. В результате этого вероятность поражения цели на максимальной дальности у неуправляемых средств поражения резко падает, а у УСП нет, и при пуске (стрельбе) на большую дальность УСП остаются в категории ВЭО.

Таким образом ВИО позволяет комплексам, которые оснащаются таким оружием, обеспечивать эффективный обстрел целей на значительной территории или в пределах значительной зоны эффективной стрельбы. К этому добавляется еще одно весьма существенное обстоятельство. Полет УСП по таким траекториям, которые отличаются от баллистических, позволяющих "вычислить" точку пуска средства поражения по траекториям наблюдениям, снижает вероятность поражения носителей ВИО в бою и в длительных боевых действиях.

Оценка этого обстоятельства возможна лишь на более высокой иерархической ступени, где рассчитывается не эффективность отдельного средства поражения, а эффективность комплекса, в состав которого входят такие средства. Остановимся на одном из простых примеров подобных эффективностных оценок.

Математическое ожидание⁷ числа целей, уничтоженных носителем средств поражения, многократно решающим однородные боевые задачи, за его "боевую жизнь" можно выразить как

$$W = P * r * Q * n,$$

где $n = 1 / (1 - Q * P)$ - математическое ожидание количества выходов в бой (боевых вылетов) носителя оружия (комплекса); r - средний боекомплект средств поражения на носителе; Q - условная вероятность непоражения носителя, зависящая от условий применения УСП; R - условная вероятность непоражения носителя, зависящая от других факторов. Рассматривая влияние P и Q на W, отметим, что из условия $\Delta W = (dW / dP) * \Delta P + (dW / dQ) * \Delta Q = 0$ следует соотношение $\Delta P / P = -(\Delta Q / Q) * n$.

При обычно используемых в расчетах, например, для авиационных носителей оружия, значениях $Q = 0,98 \dots 0,97$; $R = 0,99 \dots 0,98$ получаем, что "вклад" в W от приращения вероятности Q непоражения носителя в 20-30 раз "весомее", чем "вклад" от приращения вероятности P поражения цели. Этим в числе других причин, объясняется большое внимание к ракетам, которые в СССР были названы "крылатыми", а в США - cruise, т.е. грубо говоря, "бродячими", обладающими двумя весьма важными качествами:

- 1) их точность слабо зависит, либо совсем не зависит от дальности даже для очень больших ее значений;
- 2) наблюдения противника за ракетой на отдельных участках ее полета не позволяют определить место ее старта и выявить местоположение комплекса, с которого она запущена.

Отметим еще один весьма существенный фактор, объясняющий влияние высокой эффективности ВИО на характер современных операций. Он состоит в резком ускорении процесса "истощения" сил противостоящих сторон. Смысль этого фактора проявляется не в эффективности отдельного средства и не в эффективности отдельного комплекса, оснащенного подобными средствами. Его можно объяснить только на модели двухсторонних боевых действий, в частности даже на простейшей модели Ланчестера⁷.

Опуская математические выкладки, отметим, что повышение точности оружия, выражаемое величиной относительного уменьшения СКО, сильнее сказывается на исходе боя, чем такое же относительное увеличение количества комплексов оружия и боезапасов средств поражения. В целом, возрастание точности и оперативности ударов, особенно при использовании ВИО, приводит к увеличению "эффективной

скорострельности". Как следствие, бой с применением такого оружия оказывается скоротечным. Количество участвующих в бою средств быстро убывает до предельно низкого значения у обеих сторон, если они обе были им оснащены, либо у одной стороны, имеющей худшее оружие.

Каналогичным выводам приводят более подробные оценки, выполненные на гораздо более сложных моделях, приближающихся к описанию реальных боев и операций. Об этом же свидетельствует опыт учений и опыт боевых действий, в частности, в арабо-израильских конфликтах на Ближнем Востоке. Заметим только, что высокие эффективностные характеристики образцов ВТО достигаются при достаточно высоком уровне информационного обеспечения их применения (разведка, передача данных, боевое управление), включая обеспечение хотя бы локального, в зоне применения ВТО, информационного превосходства над средствами радиоэлектронной борьбы противника. Средства ВИО, "принимая" часть интеллектуальных функций на себя, в некоторых случаях могут снизить требования к качеству обеспечения их боевого применения. Завершая этот раздел, остановимся на военно-экономической оценке рассматриваемого оружия. Один из возможных подходов основан на использовании в качестве обобщенного экономического показателя S суммарных затрат на поражение некоторого количества M типовых целей (объектов поражения):

$$S = sn * Nn + sk * Nk + sb * Nk * n,$$

где sn - стоимость одного средства поражения; sk - стоимость одного носителя (комплекса); sb - стоимость всех видов обеспечения одного выхода (вылета) носителя на выполнение боевого задания; $Nn = M * (1 + e) / P + Nk * r$ - расчетное количество средств поражения, расходуемых на вывод из строя M целей; $Nk = M / W$ - расчетное количество носителей, которое необходимо для решения этого же объема боевых задач; e - относительная доля средств поражения, которые теряются за время операции в результате ударов противника по складам и позициям подготовки оружия.

Заметим, что количества средств поражения и носителей в рассматриваемой формуле сбалансированы, то-есть в среднем запас средств соответствует суммарному запасу боевых выходов (вылетов) комплексов за их "боевую жизнь".

Используя введенные ранее соотношения, можно определить удельные затраты на поражение одной типовой цели:

$$s = S / M = sn * (1 + e + (1 - Q * R) / Q) / P + sk * (1 - Q * R) / P * Q / r + Sb / P * Q / r.$$

В частном случае ($R \sim 1$; $e \sim 0$), который был характерен для действий авиации многонациональных сил против Ирака, это выражение существенно упрощается:

$$s = (sn + (sk * (1 - Q) + sb) / r) / Q.$$

Расчеты, выполненные для типовых ситуаций, показали, что даже в тех случаях, когда повышение эффективности средства поражения (переход к категории ВИО) сопровождается более чем 10-кратным увеличением стоимости каждого образца, суммарные затраты S на поражение заданного числа целей снижаются, причем весьма заметно. Это объясняется как снижением расхода самих средств поражения, так и особенно сокращением требуемого количества их носителей.

Дополнительно в пользу ВИО выступает и такой важнейший не столько экономический, сколько психологический фактор как сокращение потерь личного состава (экипажей, боевых расчетов), применяющих ВИО. Ведь за бесстрастными понятиями "боевая жизнь" комплекса, "вероятность непоражения" носителя УСП стоят жертвы судьбы многих людей. Прилизительность приведенных выше оценок очевидна. Но это не отрицает их полезность. Более точные результаты может дать полномасштабное моделирование боевых операций, моделирование военной экономики, однако на таких моделях труднее проследить взаимосвязь различных характеристик средств поражения.

Опыт же боевых действий с применением ВТО полностью подтверждает как военно-техническую, так и военно-экономическую целесообразность создания ВТО и оснащения им ВС. Речь не идет об огульном переходе к ВТО или ВИО. Проанализировав объемы производства оружия в ведущих странах мира, следует отметить лишь все возрастающую долю производства УСП в общем объеме производства средств поражения.

Оснащение более совершенным оружием, в числе других факторов, позволило многонациональным силам ООН добиться победы над вооруженными силами Ирака в 1991г. Если в предыдущих военных конфликтах последних лет "хорошо" зарекомендовали себя лишь отдельные типы ВТО (противокорабельные ракеты в районе Фолклендских островов, противорадиолокационные ракеты и управляемые авиабомбы - в Ливане), то в войне против Ирака ВТО использовалось исключительно широко и сыграло решающую роль. Противорадиолокационные ракеты авиации и крылатые ракеты ВМС в сочетании со средствами радиоэлектронной борьбы обеспечили завоевание господства в воздухе и снижение потерь авиации до исключительно низкого уровня ($Q \sim 0,995$ в начале войны и $0,998-0,999$ во второй ее половине). Это позволило авиации применять ВТО с высокой эффективностью: $P > 0,5$. Там, где высокая точность не требовалась, - при подавлении боевых порядков войск Ирака - успешно применялось неуправляемое оружие. В выполненных боевых вылетах по оценкам ориентировочно могло быть израсходовано от 30 до 50 тысяч УСП, что позволило практически уничтожить военный потенциал Ирака и предопределить исход войны до перехода в наступление наземных войск. Более того, можно утверждать, что без ВТО эта война выглядела бы совершенно иначе, а возможно США и не пошли бы на риск ее развязывания даже под флагом ООН.

С военно-экономической точки зрения применение ВТО также оказалось рациональным, отнюдь не разорительным для стран, вошедших в коалицию многонациональных сил. Заметим, что экономические возможности стран НАТО таковы, что для пополнения такого количества ВТО, какое по оценкам было применено против Ирака, до прежнего уровня требуется менее 1 года.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ВИО

Вначале ВТО рассматривалось только как средство поражения, применяемое в военных действиях и имеющее оперативно-тактический эффект. Но вскоре при анализе военно-политической роли ВТО⁸ была отмечена двойственность его возможного стратегического предназначения: и как средства нападения, и вместе с тем как средства сдерживания. Эта оценка была доведена до военно-политического руководства РФ, в частности, в виде специальных материалов, подготовленных в РАУ-корпорации под руководством О.К.Рогозина. И встречена с пониманием. В Заявлении Президиума Верховного Совета РФ "О приоритетах военной политики РФ" 1 апреля 1992 года было сказано следующее: "Основным фактором, сдерживающим от развязывания крупномасштабных конфликтов и локальных войн против России и других государств - членов СНГ, должны стать силы, обладающие высокоточным оружием и средствами его доставки". А в Заявлении двух академий наук (НАН США и РАН), утвержденном президентами Академий 1 апреля 1994 года, дальнобойное ВТО было однозначно отнесено к стратегически опасным видам вооружений.

Серьезный характер статьи не располагает к шутливому тону. Но как иначе объяснить, почему оба упомянутых заявления в правительственные кругах России прошли именно как первоапрельские. Верховный Совет, посягнувший на право определять направления военной политики России, был разогнан. Конечно же не только за это. Второе заявление (двух академий) было опубликовано только в США. И на деле оказалось, что именно США задают в настоящее время тон в развитии неядерного ВИО, опережая на этом поприще не только Россию, но и все другие страны.

Возможно поэтому политические руководители США отмечают в стратегическом значении современного ВТО и ВИО не двойственный характер, а только качества неядерного сдерживания. Из такого рода заявлений некоторые отечественные политологи делают поспешный вывод о том, что все новые средства сдерживания, которыми будут оснащаться вооруженные силы США, направлены не против России, "холодная война" с которой, а точнее с бывшим СССР, уже закончилась, а против "третьих" стран. Россия же, как ядерное государство, рассматривается, мол, только в стратегическом плане, только в связи с ее ядерным вооружением, а здесь есть договоренности и нет проблем.

Однако из внимательного прочтения составляющих новой "глобальной угрозы", о которой говорил в своем послании Президент Клинтон, обосновывая бюджет на 1997 финансовый год, и сопоставления ее с небезосновательными (порой) претензиями мирового сообщества к России можно сделать и прямо противоположный вывод о том, что в военном отношении на данное время Россия воспринимается Америкой как "обоюдоопасная" страна: и как единственное в мире государство, способное (пока еще) уничтожить США своим ракетно-ядерным оружием, и как один из источников "новых" угроз.

Военно-политическое руководство США, сохраняя внимание к стратегическому ядерному сдерживанию (от традиционной ядерной угрозы), заявляет, что "в будущем наибольшее внимание будет уделяться гарантированному сдерживанию обычными средствами" (от новой "появившейся глобальной угрозы").

Традиционно высокой остается роль ВВС и одновременно весьма значительно возрастает роль ВМС. В "Национальной военной стратегии США" этим силам ставятся, как известно, 3 фундаментальные задачи: господство на море; перенос военной мощи за пределы континентальной части страны; сдерживание - в обоих отмеченных выше смыслах (от ядерной и "новых" угроз). Из средств вооруженной борьбы выделяются "smart weapon" (ВИО) и "smart targeting", которое у нас переведено как "умное целеуказание". В последнем случае отмечается не только традиционное умение таких средств при целеуказании найти цель и обеспечить попадание в нее, но и "определение важности целей для противника".

Новый носитель ВИО морского базирования, названный "корабль-арсенал", оснащается 500 унифицированными подпалубными пусковыми установками для вертикального пуска ракет различного класса. Конструкция корабля предусматривает комплекс мер по снижению его заметности, включая прием морской воды в специальные баллоны и переход в полупогруженное состояние. Новые модификации ракет призваны обеспечить поражение не только стационарных, но и мобильных целей; для групповых целей предусматривается вариант с кассетной боевой частью, вследствие чего возможное количество поражаемых точечных целей в одном залпе может возрасти с 500 до 4-5 тыс.

Есть сведения, что в начале XXI века на вооружении ВМС США будет 3-4 таких ракетоносных корабля.

Естественно, суммарный боевой потенциал таких сил сдерживания огромен. Наверное США смогут "сдерживать" в будущем любую из "третьих" стран, действуя по отношению к ним так же, как к Ираку в 1996 году, то есть нанося удары даже тогда, когда государство решает свои внутригосударственные проблемы на своей территории, но это почему-либо противоречит "интересам" США.

Следуя "логике" уже упоминавшихся политологов все эти средства предназначены, можно подумать, для сдерживания многократно упоминаемых "плохих" государств во главе с Ираком, либо даже вождей и воинов некоторых африканских племен.

Вместе с тем, сопоставляя это количество ракет, а также неядерных средств поражения, размещенных на других (морских и авиационных) носителях, имеющихся у США, с общим количеством стратегических ракетных комплексов РФ (особенно

после их намеченного и грядущих сокращений), приходится рассматривать этот суммарный боевой потенциал не только как потенциал сдерживания, но и как потенциал разоружающего удара. По отношению к РФ его применение (или даже ультимативная угроза применения) может означать снятие сразу всех упоминавшихся реальных и мнимых угроз, которые в принципе США могут видеть в России. Но такое предназначение этих средств по вполне объяснимым причинам в течение какого-то времени не будет ими афишироваться, хотя формально оно не противоречит международным конвенциям, ограничивающим развитие и применение оружия.

Более того, вынос таких средств за пределы территории США, размещение их на ракетоносцах повышает "безнаказанность" применения неядерного ВИО.

Нет оснований говорить о намерениях США. Мы их не знаем. Но можно говорить о военно-технических возможностях. А вот они вскоре позволят нанести разоружающий удар по стратегическим силам и средствам России, лишающий ее сколько-нибудь существенной возможности нанести ответный удар по объектам, расположенным на территории США, или по другим объектам, с которыми США могут связывать свои "жизненно важные" интересы. Именно в силу таких качеств новое оружие может сломать состояние стратегической стабильности по двум мотивам: 1) соблазн применить это оружие стороной, монопольно им владеющей, и "сразу решить все проблемы"; 2) акт "отчаяния" другой стороны, вдруг осознавшей нарушение баланса сил и катастрофическое падение своей роли.

А фактически, как это чаще всего бывает в истории, нарушение баланса стратегических сил может вызвать совершенно непредсказуемые и весьма печальные последствия.

ВЫВОДЫ

1. Создаваемые в настоящее время высокотехнологичные средства поражения в некотором смысле приближаются по своим боевым возможностям к ядерному оружию и так же как оно могут выступать как в качестве средств агрессии, так и в качестве средств сдерживания.

2. В этих условиях нельзя более рассматривать стратегическую стабильность только как функцию ядерных вооружений даже во взаимоотношениях сверхдержав. Необходимо учитывать общий (ядерный и неядерный) потенциал агрессии, ядерный и неядерный потенциал ответного удара. И добиваться поддержания стратегической стабильности в современном мире.

3. Очевидным следствием этого становится озабоченность мирового сообщества тем, как развивается, как распространяется новое неядерное стратегически опасное оружие, как должен быть организован международный контроль за этими процессами.

¹ Высокоточное оружие. Статья в "Военной энциклопедии", Воениздат МО РФ, 1985.

² The Impact of New Military Technology, Edited by J. Alford, IISS, 1981, 132p.

³ Дмитриев Ф. Высокоточное оружие США и НАТО. "Зарубежное военное обозрение", N 8, 1984. Коротченко Е. К вопросу о защите войск от высокоточного оружия в операции. "Военная мысль", N 1, 1986.

Коротченко Е. К вопросу о защите войск от высокоточного оружия в операции. "Военная мысль", N 1, 1986.

⁵ "Военный энциклопедический словарь". М., 1986.

⁶ "Советский энциклопедический словарь". М., 1980.

⁷ Вентцель Е. Исследование операций. М., 1972.

⁸ Цымбал В. Высокоточное оружие в системе современных средств вооруженной борьбы. Статья в сборнике "Безопасность, разоружение, конфликты". РАУ, 1992.

ПИСЬМА РЕДАКТОРУ

В номере 10 "Независимого военного обозрения" (15-21 марта с.г.) была опубликована статья Игоря Павлова о мобильных РК "Тополь". Статья представляет большой интерес, однако содержит ряд серьезных неточностей в оценке положений Договора СНВ-1, относящихся к ПГРК (подвижный грунтовой ракетный комплекс) "Тополь" (и, соответственно, СНВ-2, который унаследовал соответствующие положения СНВ-1). Я принимал непосредственное участие в переговорах по СНВ-1, в том числе в рабочей группе, занимавшейся выработкой Статьи VI Договора, которая посвящена мобильным МБР, и связанных с ней положений в других частях СНВ-1. Так что предмет мне хорошо известен.

Мне неоднократно приходилось сталкиваться с той точкой зрения, что СНВ-1 якобы "запирает" ПГРК в ограниченных районах. Это абсолютно не соответствует истине. Внимательное прочтение Договора (а по-настоящему читать его столь же сложно, как, скажем, техническую документацию на ПГРК "Тополь") даст противоположный результат.

Статья VI была создана таким образом, чтобы полностью отразить и кодифицировать существовавший в то время и планировавшийся порядок развертывания и боевого дежурства ПГРК.

Положения пункта 1 этой статьи, разрешающие базирование ПГРК только в ограниченных районах и устанавливающие предельный размер такого района (5 кв.км.) означают лишь, что ПГРК и специальные сооружения "Кrona" не должны постоянно базироваться за пределами зоны постоянной дислокации полка - что было бы абсурдно: кто будет ставить одиночный ПГРК в чистом поле? Впрочем, если кому-то такая идея в голову придет, то одиночный комплекс можно просто объявить ограниченным районом. Стандартный район зоны постоянной дислокации полка в конце 80-х гг. не превышал 5 кв. км. Количество РК в одном ограниченном районе не может превышать 10, что опять-таки не требовало изменений в схеме развертывания "Тополей".

В соответствии с Договором, РК могут беспрепятственно покидать зону дислокации полка в целях боевого дежурства. В Договоре боевое определяется термином "обычные передвижения." Термин неудачен и появился на свет довольно случайно, но юридическое определение недвусмысленно. Никаких уведомлений на этот счет не предоставляется. Договор даже допускает поездки на пусковой установке в соседнюю деревню (судя по сообщениям прессы, подобные случаи имели место), хотя мы такую возможность на переговорах и не учитывали. Для соблюдения положений СНВ-1 достаточно вернуться из деревни обратно в свой полк; если боевой расчет решит навестить друзей в соседнем полку и надолго там застрянет, то это при определенных условиях может вызвать вопросы (хотя и не обязательно будет нарушением). В Договоре есть некоторая недоговоренность на этот счет, но в моем прочтении краткие визиты к друзьям СНВ-1 не запрещает, даже если для поездки используется РК (ракету можно не сгружать).

Одновременно на боевом дежурстве могут находиться до 50 процентов ПГРК: эта цифра превышает процент ПГРК, обычно находившийся на БД в то время и обеспечивает определенное пространство для совершенствования порядка боевого дежурства.

В ходе боевого дежурства и полковых/дивизионных учений ПГРК не могут покидать позиционного района дивизии, площадь которого ограничивается 125 000 кв. км. Это также соответствовало принятому порядку.

Здесь есть определенный нюанс: 50 процентов отсчитывается от всех ПГРК, которыми располагает Россия. То есть при желании мы можем вывести все ПГРК в половине полков, но на это время остальные полки должны быть поставлены "на прикол". На практике это означает свободу проведения полковых учений при

условии, что боевое дежурство других полков (не обязательно в той же дивизии) будет спланировано соответствующим образом.

Дивизионные учения регламентировались чуть более строго, но также не требовали изменения существовавших в то время порядков и планов на будущее.

СНВ-1 довольно строго регулирует т.н. "передислокацию", то есть перемещение пусковой установки или ракеты из полка на дивизионную ремонтную базу, на ликвидацию, на склад и т.д. Короче, передвижение, в результате которого ПГРК надолго или навсегда покидает свой полк. Поскольку это приводит к изменению количественных данных Меморандума, нужно предоставить соответствующее уведомление. Передислоцируемый ПГРК должен прибыть на новое место в течение 25 дней: Договор запрещает ракетным комплексам бродить по стране в течение неограниченного срока.

Наконец, СНВ-1 допускает приведение стратегических сил в состояние повышенной боеготовности. На этот период отменяются все инспекции и другие меры контроля; не действуют и ограничения на передвижения, в том числе ограничение боевого дежурства позиционным районом дивизии. Для этого не требуется и объявления войны - вся группировка СНВ может быть развернута для ведения боевых действий в любой момент - для соблюдения Договора достаточно лишь не позднее, чем через 18 часов сообщить американцам, что мы начали такое развертывание. На переговорах было лишь зафиксировано понимание, что стратегические силы не будут приводиться в готовность номер один слишком часто.

Утрируя ситуацию, можно сказать, что СНВ-1 позволяет беспрепятственно начать ядерную войну, но требует, чтобы не позднее чем через 18 часов после ее начала было предоставлено уведомление.

Суммируя вышесказанное, следует сказать, что СНВ-1 зафиксировал реальное положение дел со схемой развертывания и боевого дежурства ПГРК в тот период и планы РВСН на будущее. В той же мере Договор зафиксировал американскую схему развертывания "Миджитменов" - американцы довольно подробно изложили нам свои планы (уже после подписания СНВ-1 они решили не развертывать мобильные МБР). Переговоры были довольно сложными; с моей точки зрения, было допущено несколько тактических ошибок, но результат был вполне удовлетворительным.

В будущем действительно могут возникнуть проблемы; от этого никто не гарантирован. Может быть создан значительно более совершенный ПГРК, позволяющий вести более интенсивное боевое дежурство. СНВ-1 позволяет довести интенсивность БД до 50 процентов, но если МИТ создаст комплекс с интенсивностью выше этого, я буду готов принять претензии. Но до этого пока далеко. СНВ-1 не препятствует увеличению скорости рассредоточения по предупреждению о ракетном нападении и увеличению скорости движения ПГРК, а также повышению защищенности, совершенствованию связи и т.д. При желании можно перейти с полковой схемы базирования на "батальонную" - то есть увеличить количество "ограниченных районов" в три раза и держать в каждом по три РК.

В заключение хотелось бы повторить, что СНВ-1 - исключительно сложный юридический документ, который требует осторожного обращения и квалифицированной интерпретации. К сожалению, Игорь Павлов далеко не единок, да и, полагаю, не он придумал неверную интерпретацию: по моим наблюдениям, неверная трактовка положений СНВ-1 применительно к мобильным МБР получила распространение в оборонных КБ еще в конце 1991 года. Полагаю, что есть задачи более серьезные, чем борьба с существующими ограничениями.

Николай Соков,
Центр по проблемам нераспространения
Монтерейского института международных исследований

БИБЛИОТЕКА

ЯДЕРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ,
Благотворительный фонд Ярошинской,
Москва, 1996, 656 стр.

"Ядерная энциклопедия" является первой (и, безусловно, успешной) попыткой систематизации, обобщения и публикации на русском языке весьма обширной информации о современном состоянии ядерной проблемы. Она содержит статьи, раскрывающие физические, экологические, биологические, социальные и политические аспекты использования ядерной энергии в мирных и военных целях, а также информацию о международных и национальных организациях в ядерной области, о межгосударственных соглашениях и действующем законодательстве в этой сфере.

Представляется, что по объему и содержанию представленных материалов рецензируемая работа не имеет аналога среди известных российских и зарубежных публикаций на эту тему. Выбранные способы изложения и структуризации материалов в энциклопедии позволили логически объединить в одном сравнительно компактном издании как обширную фактическую информацию, ранее доступную лишь небольшому кругу специалистов, так и общекультурные сведения, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию, которая испытывает растущую необходимость в получении систематизированной и достоверной информации по ядерной проблеме.

"Ядерная энциклопедия" в значительной мере восполняет пробел в информационном поле по ядерной проблематике, в котором традиционно существовали издания, ориентированные на узкий круг экспертов, и популярные публикации, рассчитанные на широкий круг читателей, но отличавшиеся низкой информативностью и невысокой достоверностью. Поэтому полезность и своевременность издания энциклопедии не вызывает сомнений. На наш взгляд, ее тираж (10 тыс. экз.) мог бы быть гораздо большим, возможно следовало бы рассмотреть и вопрос о переводе на иностранные языки.

Поскольку ядерные технологии, как правило, являются технологиями двойного назначения и почти всякая ядерная деятельность затрагивает интересы национальной и международной безопасности, даже официально публикуемая информация не может рассматриваться как абсолютно достоверная и не подлежащая критической переоценке. Приводимая в "Ядерной энциклопедии" фактологическая информация, опирающаяся на официально опубликованные данные, по необходимости не может не включать оценочные мнения авторов статей, которые могут обладать определенной неполнотой и даже быть взаимно противоречивыми.

Нам представляется целесообразным обратить внимание на это обстоятельство, чтобы у неискушенного читателя не возникла соблазн использовать материалы, включенные в энциклопедию, для окончательных выводов. Ведь ядерные технологии являются для человечества относительно новыми, и суждения об их влиянии на развитие человеческого общества могут во многих случаях носить лишь характер вероятного прогноза, но никак не

претендовать на "истину в последней инстанции". Энциклопедия могла бы быть более информативной и объективной, если бы содержала дополнительные сведения об общем уровне риска для жизни, создаваемого современными промышленными технологиями и вкладе в этот риск ядерных технологий. Общая направленность некоторых статей "Ядерной энциклопедии" такова, что у несведущего читателя может возникнуть идея об исключительной опасности ядерных технологий и даже о целесообразности их свертывания.

В этой связи в случае нового и дополненного издания "Ядерной энциклопедии" было бы полезно включить также материалы, раскрывающие методы и результаты оценки риска современных промышленных технологий (химии, металлургии, тепловой и гидро-энергетики, транспорта, горно-добывающей промышленности и других) с анализом благоприятных и неблагоприятных последствий их развития в сравнении с ядерными технологиями, а также материалы с оценками глобальных политических, экономических, экологических и иных последствий развития новых технологий, включая ядерные.

Вполне понятно и естественно, что при первом заходе просто невозможно создать всеобъемлющий и всеохватывающий труд, а посему неизбежны некоторые пробелы. Так, нужно было бы более полно, а не в объеме двух-трех абзацев осветить такую важнейшую составляющую международного режима нераспространения ядерного оружия, как система гарантий Международного агентства по атомной энергии и принимаемые Агентством меры по повышению ее эффективности. Показать значение контроля, учета и физической защиты ядерных материалов и рассказать, что делается и что еще нужно сделать для того, чтобы поставить непреодолимый барьер любым попыткам хищения таких материалов.

Полагаем, что было бы также весьма полезно развить справочную часть энциклопедии за счет включения полных текстов главнейших международных соглашений, регулирующих военные и мирные аспекты применения ядерных технологий, как например, Договора о нераспространении ядерного оружия и др.

Отмеченные недочеты ничуть не умаляют - хотелось бы еще раз это подчеркнуть - ценности рецензируемого издания. Авторы "Ядерной энциклопедии" под руководством автора проекта и главного редактора А.А. Ярошинской проделали исключительно полезную работу, предоставив всем, кто интересуется ядерной проблематикой, возможность иметь настольную книгу, дающую всеобъемлющую картину современного состояния всех аспектов использования ядерной энергии в мирных и военных целях.

Александр Румянцев, Курчатовский институт
 Роланд Тимербаев, Центр ПИР

СООБЩЕНИЯ

29 мая в отеле "Метрополь" прошел семинар Центра ПИР по теме "Проблемы ядерного разоружения и вклад в них пяти ядерных держав, включая российско-американские договоренности в Хельсинки". С докладами выступили директор департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ **Сергей Кисляк** и старший научный сотрудник Центра по проблемам нераспространения Монтерейского института международных исследований **Джон Лепингвэлл**.

Несмотря на заявленный широкий контекст, вопрос участия Великобритании, Франции и Китая в процессе ядерного разоружения, а также проблема трех де-факто ядерных держав Израиля, Индии и Пакистана, были затронуты лишь отчасти. Основное внимание было уделено проблемам ратификации СНВ-2 и параметрам и возможности подписания СНВ-3, а также вопросу сохранения договора по ПРО. Выступавшие также прокомментировали заявление президента Ельцина о снятии боеголовок, нацеленных на страны НАТО. По их мнению, это означает лишь шаг по укреплению доверия в отношении европейских участников НАТО.

Чаще всего российские и американские специалисты концентрируют внимание на проблемах двусторонних отношений, между тем в процессе разоружения должны принимать участие остальные ядерные, а также околовядерные страны (Израиль, Индия, Пакистан и Северная Корея). Наибольшим вкладом в дело всеобщего разоружения является решение о бессрочном продлении ДНЯО, хотя оно было достигнуто и не без компромиссов. Ранее шла речь о том, что когда Россия и США наполовину сократят объем имеющихся вооружений, Великобритания, Китай и Франция присоединятся к процессу сокращения ядерных вооружений. Чем ближе ведущие ядерные державы подходили к пятидесятпроцентным сокращениям, тем менее ясными становились условия их ядерных партнеров. Сегодня Китай говорит о необходимости "существенного" сокращения ядерных вооружений Россией и США. При этом речь идет также и о разработке других международных инструментов - о неприменении первыми ядерного оружия, о заключении конвенции о неприменении ядерного оружия.

Прозвучала оценка результатов деятельности России в области разоружения. Подписан ДВЗЯИ, и Россия объявлением одностороннего моратория способствовала тому, чтобы ядерные державы прекратили испытания, и сейчас ядерные державы не проводят испытаний. Де-факто договор действует, хотя, разумеется, остается решить вопрос участия в нем Индии, а также Пакистана. Стоит задача прекращения производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия. Четыре ядерные страны (за исключением Китая) уже прекратили производить ядерные материалы для целей оружия. В России

шесть лет не производится уран, и сохраняется наработка плутония лишь на трех реакторах, где также одновременно вырабатываются тепло и электроэнергия. Однако выделение плутония не производится.

К идею полного ядерного разоружения, которая высказывается большинством стран движения неприсоединения, по мнению участников

семинара, надо подходить, не отрицая ее, осторожно. Эта идее формализуется недостаточночетко, без конкретных обязательств. К тому же статья VI говорит о всем комплексе разоружения, не только ядерного, но и обычного.

СНВ-1 выполняется с опережением графика, хотя и существуют некоторые технические проблемы. Таким образом, о каком-либо тупике не приходится говорить. Однако, судьба договора СНВ-2 зависит и от того, как пойдет дело в отношении СНВ-3 и от дискуссий в США по ПРО.

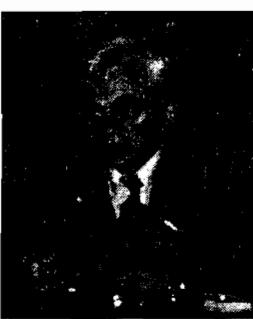
По мнению одного из участников дискуссии, подход России к СНВ-2 достаточно своеобразен - он заключается в том, что моменты, не нашедшие отражения в СНВ-2, должны обязательно войти в договор СНВ-3. Но что именно будет в договоре СНВ-3 (а не исключена ситуация, когда переговоры не закончатся ничем, а договор СНВ-2 будет ратифицирован и выполнен), кроме ограничения потолков, неизвестно. Путь, по которому сейчас пошла Россия, с его точки зрения, - это путь джентльменских соглашений - России что-то обещают, а взамен обещаний требуют гарантированного выполнения обязательств. Выступающий оснований для спешки не видит - тем более, что Россия в свое время ратифицировала ОСВ-2 и ждала его ратификации американской стороной. По его мнению (впрочем, не разделявшемся присутствующими), американская сторона сама создает потенциал для увязок во внутренней области. Если действительно договор СНВ-2 является краеугольным камнем дальнейшего развития российско-американских отношений, за свое согласие на его ратификацию лидеры КПРФ могут потребовать существенных уступок в области внутренней политики, а также любых кадровых перестановок в правительстве. Если в этой ситуации произойдут изменения во внутренней политике, то компромисс может быть нарушен, при том что степень доверия к США в России прогрессивно уменьшается.

Скорая ратификация СНВ-2 вряд ли возможна. Чем больше Россия продвигается в снижении потолков стратегических вооружений, тем большую значимость приобретает развертывающаяся в США тенденция по прианию тактической ПРО функций стратегической - это и системы высокоскоростного перехода. Не совсем понятно, что имеют в виду США, говоря о национальной системе ПРО, т.к. запрещено развертывание системы ПРО территории страны. Вызывает озабоченность программа США 3+3 (3 года на разработку, 3 года на развертывание национальной ПРО).

Участников интересовало, является ли документ, который будет выработан в рамках ПКК по разграничению тактической и стратегической ПРО, необходимым дополнением договора по ПРО и требует ли он ратификации.

Отвечая на вопросы участников семинара, докладчики рассказали, что в области тактической ПРО совместные работы возможны и отражены в основополагающем акте Россия-НАТО и в Хельсинкских соглашениях.

Выступающие рассказали о результатах договоренностей в Хельсинки (решение проблемы КРМБ, возвратного потенциала, ликвидация боеголовок в СНВ-3, увеличение сроков выполнения СНВ-2). По мнению докладчиков, все более весомым становится возможность подрыва системы с помощью крылатых ракет большой дальности. В области международных договоренностей возможно увеличение транспарентности в вопросе ликвидации боеголовок.

Депутаты Госдумы выступили с критикой исполнительной власти, которая не уделяет достаточного внимания работе с законодательной - хотя последствия визита министра обороны США осенью прошлого года в Думу скорее отрицательные, чем положительные, тем не менее, создается впечатление, что в ратификации Россией СНВ-2 США заинтересованы больше, чем сама российская исполнительная власть. Выяснилось, правда, что и Дума далеко не всегда информирует МИД не только о планируемых слушаниях, но и об их решениях. Требуется иной уровень сотрудничества между исполнительной и законодательной власти. Нужно договориться о необходимых действиях в случае нарушения американской стороной обязательств, которые она берет на себя по будущему переговорному процессу в области СНВ-3.

Выступающие коснулись также проблем, которые часто остаются за рамками "разоружеческих" дискуссий. Это касается, в частности, необратимости ядерного разоружения. Здесь одной из важных является трехсторонняя инициатива по подготовке постановки под контроль МАГАТЭ ядерных материалов оружейного происхождения, что является очень сложной проблемой, т.к. материалы содержат компоненты, которые не подлежат показу, и сведения о них не подлежат разглашению.

29 мая в отеле "Метрополь" Центр ПИР провел встречу экспертов по проблемам ядерной торговли и контроля за экспортом. С основным докладом выступил старший научный сотрудник Центра проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований Джон Л. Гингвэлл. Основные вопросы, поднимаемые в его выступлении, касались американских взглядов на строительство России реакторов в Индии, Иране и на Кубе. Не секрет, что страны, на сотрудничество с которыми в последнее время делает акцент Россия, вызывают озабоченность США. Однако неожиданно было услышать от представителя общественной организации США непосредственную увязку ядерной торговли России, которая осуществляется в полном соответствии с международными обязательствами РФ, в частности с положениями Группы ядерных поставщиков, с возможностью денонсации договора по ПРО со стороны США. По мнению выступающего, Россия и США могут договориться в отношении ненарушенения договора по ПРО только в случае общности целей, заключающихся в недопустимости распространения ОМУ. Принципы же неосмотрительной российской ядерной торговли дают возможность "пороговым" странам приобрести ядерное оружие и таким образом дают лишние карты в руки тех в конгрессе США, кто выступает за создание систем ПРО в качестве средства защиты национальной территории страны.

В одном из выступлений в ходе прений отмечалось, что специальные визиты инспекторов МАГАТЭ на ядерные объекты Ирана не выявили доказательств существования тайной программы. Правда, Иран одно время стремился к приобретению газовых центрифуг (однако контракта по закупке их Ираном не был подписан), а также технологии по обогащению гексафторида урана и реактора на тяжелой воде. В Иране имеются залежи урана и существует

возможность производства урановой руды, и ни одна страна, если она руководствуется положениями ДНЯО, и в частности его ст. IV, не может отказывать Ирану в желании иметь замкнутый топливный цикл. Кроме того, легальные ядерные поставки дают возможность полномасштабного контроля, в том числе со стороны международного сообщества, иранской ядерной программы.

Иран - член ДНЯО, и строящаяся АЭС будет находиться под гарантиями МАГАТЭ. Именно такой легальный путь, отмечалось на семинаре, упредил бы попытки получения Ираном ядерных материалов на черном рынке.

На семинаре обсуждался вопрос о двойных стандартах в политике США - американцы участвуют в строительстве АЭС в Северной Корее, причем речь идет о реакторе аналогичном тому, который предлагает Россия Ирану. По заявлению российских экспертов, в России решения о возможности экспорта в ту или иную страну принимаются на национальном, а не ведомственном уровне и с учетом риска распространения. Но, действительно, оценки весомости этого риска разные в разных государствах. Согласно постановлению правительства №574 от 8 мая 1996 г., установлен более жесткий порядок контроля за экспортом, и решения о возможности такого экспорта принимаются на уровне правительства. Однако Россия не может согласиться с реакцией ряда стран на деятельность Минатома в Индии. Соглашение с Индией относительно поставки АЭС было заключено в 1988 году, а новые принципы экспорта в соответствии с условиями ГЯП, т.е. в страны, принявшие полнохватные гарантии, действуют лишь в отношении соглашений, подписанных после 1992 года.

На семинаре речь шла и о внутреннем экспортном контроле - предотвращении контрабанды делящихся материалов. В ходе прений выступил представитель ГТК, рассказавший о пресечении нелегального экспорта ядерных материалов через границу России. До 1995 года, когда ГТК сменил занимавшуюся проблемами таможенного контроля до того времени ФПС, фактически не осуществлялось досмотра ядерных материалов. За последние два года произошел огромный сдвиг. Создано 80 стационарных комплексов оборудования для обнаружения радиоактивных материалов, установлены два спектрометра, один из которых полупроводниковый. Стационарные системы, созданные на НПЦ "Аспект" (г.Дубна) и позволяющие определить изотопный состав материала, содержащегося в контейнере без его вскрытия, прошли испытания в РФ (в Федеральных ядерных центрах) и Лос-Аламосе. Системы поставляются в таможенные органы и устанавливаются в международных аэропортах. Укомплектован полностью аэропорт Шереметьево, многочисленные случаи выявления заставляют контрабандистов искать другие пути - следующий крупный пункт, где осуществлялись масштабные контрабандные перевозки - Пулковская таможня - в ближайшее время также будет оборудован. Не было зафиксировано случаев контрабанды ядерных материалов оружейного качества, но выявлены десятки случаев незаконного перемещения радиоактивных материалов.

До сих пор продолжают поступать тревожные сообщения из Калининградской области, серьезными проблемами являются хранение изъятых материалов, отсутствие постановления правительства, регламентирующего транзит через территорию России, взаимоотношения России с членами таможенного союза - в той же Белоруссии отсутствуют нормы контроля за экспортом ядерных материалов, порядок экспорта, импорта и перемещения через границу ядерных материалов внутри таможенного

союза не согласован, каждая страна пользуется на границах своим контрольным оборудованием - оно не унифицировано - в той же Белоруссии чувствительность приборов гораздо ниже, чем аналогичных российских. Нет единых норм импорта, экспорта и транзита через территорию стран-участников таможенного союза. Наиболее сложными участками остаются северо-западная таможня, граница с Финляндией, где сейчас поставили новое оборудование, и грузы возвращают России назад. Часто перевозимый материал не соответствует указанному в декларации или неверно оформлены документы.

Проблема недостаточного финансирования сказывается на отсутствии необходимого количества квалифицированных сотрудников таможенных органов, недостаточном оснащении техническими средствами. В мае 1997 при таможенном комитете создана служба по контролю за действующими и радиоактивными материалами, ограничено количество таможенных органов, имеющих право таможенного оформления материалов. Планируется поставить поисковые приборы, радиометры, дозиметрическую аппаратуру. Предполагается использование приборов завода "Полимастер" в Минске. Уже прошли испытания дозиметров на Урале.

Сейчас идет работа над установкой технических средств контроля на автомобильных и пешеходных путях, однако оснащение железнодорожных маршрутов сталкивается со сложностями бюрократической машины МПС. Не до конца продуман механизм уголовной ответственности - часто нарушители ссылаются на то, что радиоактивный груз попал в кузов машины случайно. Существуют проблемы и с радиоактивными отходами.

9-10 июня в Вашингтоне прошла ежегодная конференция, посвященная проблемам нераспространения ядерного оружия и организованная Институтом Карнеги за международный мир. Конференции Карнеги являются для экспертов в области нераспространения центральным событием года, где существует уникальная возможность повстречаться практически со всеми крупнейшими специалистами, получить информацию о всех свежих изданиях, почувствовать, в каком направлении будет двигаться «сообщество нераспространенцев» в ближайший год. Традиционно на этих конференциях списки приглашенных и списки принявших участие стопроцентно совпадают, и в этом несомненная заслуга председателя конференции руководителя проекта по ядерному нераспространению Института Карнеги Леонарда Спектора.

На конференции выступили, среди прочих, заместитель помощника президента США по национальной безопасности Джеймс Сteinberg (James Steinberg), помощник президента по особым вопросам (оборонная политика и контроль над вооружениями) Роберт Белл (Robert Bell), нынешний исполнительный председатель Специальной комиссии ООН по Ираку Рольф Экеус (Rolf Ekeus) и готовящийся его сменить ныне постоянный представитель Австралии при ООН посол Ричард Батлер (Richard Butler), руководитель Федеральной комиссии по контролю над вооружениями Германии посол Редигер Хартманн (Ruediger Hartmann), заместитель председателя комитета по обороне Государственной думы РФ Алексей Арбатов, директор Центра по проблемам нераспространения ядерного оружия Монтерейского института международных исследований Уильям Поттер (William Potter), исполнительный директор Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО) Стивен Босворт (Stephen Bosworth), заместитель директора департамента МИД КНР Хао Ванг. Центр ПИР на конференции представлял его директор и редактор журнала «Ядерный Контроль» Владимир Орлов.

Основное внимание в ходе выступлений и дебатов вызвали вопросы, связанные с завтрашим днем ядерного оружия и путями его сокращений. Особое внимание обращалось в этой связи на тактическое ядерное оружие. Заметно возрос интерес участников конференции ко всему комплексу вопросов

связанных с Китаем (перспективы ядерно-оружейного комплекса, ядерная безопасность, экспортный контроль, взаимоотношения с соседями). На одно из центральных место выдвинулось обсуждение перспектив снижения напряженности в Южной Азии; можно предполагать, что в американском научном сообществе предпринимаются напряженные усилия, чтобы выработать рекомендации для администрации США об изменении позиции в отношении Индии. Значительно повысился уровень обсуждения всего комплекса проблем, связанных с контраспространением (здесь, помимо американских специалистов, особенно активно приняли участие в обсуждении ученые из Франции, Германии и Израиля).

В рамках конференции прошли заседания, в частности, по таким вопросам, как использование санкций в целях нераспространения; улучшение качества верификации в МАГАТЭ; отказ в передаче технологий и экспортный контроль; создание безъядерных зон; ситуация на Ближнем Востоке; химическое и биологическое оружие; терроризм с использованием ОМУ; ядерное нераспространение; помочь России в области ядерной безопасности; практическое осуществление ДВЗЯИ.

13-15 июня в местечке Штадтшлайнинг (Австрия) состоялась международная конференция «За безъядерную Европу». На открытии конференции с докладами выступили президент Международного бюро мира член Европарламента Mai-Britt Теорин (Mai-Britt Theorin), командир британских разведывательных сил во время Фолклендской войны, участник войны в Персидском заливе Роб Грэн (Rob Green) и директор Центра ПИР Владимир Орлов. В конференции приняли участие представители неправительственных организаций Швеции, Норвегии, Великобритании, Франции, Австрии, Швейцарии, Италии, Литвы, Венгрии, Чехии, Словакии, Польши, Германии, Бельгии, США, России, Японии, Румынии.

По итогам конференции был принят «Манифест Шлайнинга», который подписали, среди прочих, международная организация Врачи мира за предотвращение ядерной войны, Международное бюро мира, Международное сообщество инженеров и ученых за глобальную ответственность, Международная ассоциация юристов против ядерного оружия.

В документе, в частности, содержатся следующие требования:

- «США должны немедленно вывести свои ядерные вооружения с территории неядерных государств. США должны последовать примеру Великобритании, которая заявила, что выведет все свои ядерные силы из Германии»
- «Все государства Центральной и Восточной Европы, на территории которых сейчас не размещено ядерное оружие, в качестве важного шага на пути к безъядерной Европе, должны провозгласить создание безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе».

В документе содержится решительное осуждение расширения НАТО на Восток, делается вывод о том, что НАТО остается прежде всего военной организацией, отмечается, что «Основополагающий акт не представил юридических гарантов неразмещения ядерного оружия на территориях новых государств-членов». В документе выражается беспокойство в связи с тем, что в мирное время военные из неядерных государств НАТО будут обучаться вопросам, связанным с осуществлением контроля над ядерным оружием, что, по мнению авторов документа, противоречит ДНЯО. При этом отмечается, что опасения России в связи с расширением НАТО являются вполне обоснованными, особенно с учетом того, что Россия вывела все свои ядерные силы с территорий Украины и Белоруссии. В документе содержится вывод о том, что НАТО в целом продолжает оставаться дестабилизирующим фактором в Европе и выражается настоячивое пожелание сделать центром обсуждения вопросов, связанных с европейской безопасностью, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Полный текст документа на английском языке размещен на сервере Центра ПИР в Интернете: <http://www.pircenter.org>.

Игорь Николайчук
Виктор Ткачев

ПРОБЛЕМЫ ПАРЛАМЕНТСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ЗА ВОЕННЫМ БЮДЖЕТОМ:

ДИЛЕММЫ ОТКРЫТОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

PARLIAMENTARY CONTROL OVER THE MILITARY BUDGET IN THE RUSSIAN FEDERATION: TRANSPARENCY AND SECURITY.- PIR STUDY PAPERS NO.5. PUBLISHED BY THE CENTER FOR POLICY STUDIES IN RUSSIA (PIR CENTER). JUNE 1997. US\$10.00 or Russian Rubles 60,000. Call +7+095-335-1955 or send an e-mail to <subscription@pircenter.org>

Издание ПИР-Центра. С комментариями членов Рабочей группы по военно-гражданским отношениям ПИР-Центра

- Практика парламентского контроля за военным бюджетом Российской Федерации
- Разработка и исполнение военного бюджета
- Совершенствование процесса рассмотрения и утверждения военного бюджета
- Лоббирование в бюджетном процессе

ТОЛЬКО ЧТО ИЗ ПЕЧАТИ

Цена – 60 тыс. рублей (за наличный или безналичный расчет)

Возможна доставка заказной почтой

Справки по телефону: (095)335-1955

Для оптовых покупателей заявки по факсу: (503)234-9558 или по электронной почте subscription@pircenter.org

Приобрести брошюру можно в ПИР-Центре по адресу:
Москва, улица Миклухо-Маклая, 16\10, корпус 32, 3-й этаж, офис 318

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- Александр Калядин о позиции России по ключевым вопросам нераспространения ядерного оружия
- Марина Беляева об актуальных проблемах контроля над экспортом ядерных материалов и технологий
- Глория Даффи об изменениях в администрации США
- Валерий Меньшиков о хранении ОЯТ на флоте
- Харальд Мюллер с предложением о "Реестре ядерного оружия"
- Майкл Бек о транспарентности как ключевом элементе политики нераспространения США
- Иван Сафранчук о роли ядерного оружия после "холодной войны"
- Роланд Тимербаев о деятельности МАГАТЭ (к сорокалетию МАГАТЭ)
- Виктор Мурогов (МАГАТЭ) и сотрудники Физико-энергетического института (Обнинск) о плутоний-торий-урановом цикле
- Борис Литвинов и Владимир Лоборев об определении назначения ядерного взрыва
- Алексей Яблоков о проблемах ядерной торговли и оценке деятельности Минатома на этом направлении
- Евгений Кудрявцев о проблеме утилизации плутония
- Абдулазиз Камилов о безъядерной зоне в Центральной Азии
- Алексей Варенов о несмртельных видах оружия

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Уникальный аналитический бюллетень для руководителей:

- Проблемы национальной безопасности России и международной безопасности
 - Внутренняя политика, "кремлиология"
 - Внешняя политика, дипломатия, окружение России
- Оборона. Ядерное планирование и ядерная безопасность. Экспорт вооружений. Состояние армии.
 - финансово-экономическая безопасность.
 - Прогноз: чего следует ждать в ближайшие неделю, месяц, год.

Материалы "ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ" подготовлены специально для Вас на эксклюзивной основе по заказу Центра ПИР (Центр Политических Исследований в России) ведущими российскими экспертами - как учеными-аналитиками, так и практиками из властных структур. Они основаны на той информации, которой Вы, вероятно, еще не располагаете.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ" ЧИТАЮТ ВМСТЕ С ВАМИ

- депутаты Государственной Думы
- руководители дипломатического корпуса, советники по политическим вопросам,
 - военные атташе, аккредитованные в Москве
- руководители наиболее динамичных банков России
 - руководители консалтинговых компаний
 - главные редакторы авторитетных российских СМИ
- и шефы бюро избранных представительств зарубежных СМИ
 - Два раза в месяц
с курьером
 - или по электронной почте
 - только по закрытой подписке

БОЛЕЕ ПОДРОБНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

в представительстве Центра ПИР в Интернет <<http://www.pircenter.org>>
или по телефону +7+095-335-1955

или пришлите Ваш запрос по электронной почте <subscription@pircenter.org>

Подписка:

в режиме On-Line <<http://www.pircenter.org/vb>>
по телефону +7+095-335-1955

Для подписчиков других изданий Центра ПИР - весомые скидки

ИЛЛИ ДЕВИД: NON MULTUM SED MULTA. НЕ МНОГО, Но МНОГО.